

*Юрий Зильберман*

**СЕМЬ ОЧЕРКОВ  
О  
ВЛАДИМИРЕ ГОРОВИЦЕ**

**Киев 2011**

УДК 780.616.433.071.2  
ББК 85.315.3(0)6-8Горовиць В.  
3-61

**Зильберман Ю. Семь очерков о Владимире Горовице. Учебное пособие. – Киев, 2011. – 144 с.**

**Зільберман Ю. Сім нарисів про Володимира Горовиця. Навчальний посібник. – Київ, 2011. – 144 с.**

Рекомендовано Міністерством освіти і  
Науки України як навчальний посібник  
для студентів вищих навчальних закладів.  
Лист № 1/11-11822.1 від 22.12.2010 р.

Найвидатніший з піаністів ХХ століття - Володимир Горовиць був багато десятиліть персоною, про яку, м'яко кажучи, не прийнято було говорити в країні, що іменується СРСР. За це, звичайно, не кидали у в'язницю, але людина, вимовляючи його ім'я, автоматично потрапляла на замітку «компетентним органам». У першу чергу, тому так мало написано про цього унікального музиканта – киянина за народженням, який отримав освіту в Київському музичному училищі, потім – Київській консерваторії. У запропонованих нарисах йдеться про невідомі факти біографії Майстра, історію його сім'ї, роль якої в музичному житті Києва досить значна, навчання в училищі і консерваторії, нарешті, про стрімку та блискучу кар'єру концертуючого піаніста.

Видання розраховане для викладачів та студентів музичних і гуманітарних факультетів вищих навчальних закладів та шанувальників музики.

Рекомендовано до друку Вченою радою Київського інституту музики ім. Р.М.Глієра (протокол № 6, від 20 січня 2011 року).

**Рецензенти:**

**М.Р. Черкашина-Губаренко**, доктор мистецтвознавства, професор.

**С.В. Шип**, доктор мистецтвознавства, професор.

ISBN 978-966-2541-01-4

© Ю.А. Зільберман, 2011  
Видавництво: ТОВ «Типографія «Клякса»

***Горовиц – это гений, король королей  
среди пианистов, из всех существующих  
и когда-либо существовавших***

*Герман Деврис  
«American», Чикаго, 11 марта 1935 г.*

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Биография гения – композитора, поэта, музыканта – всегда служит одним из ключей изучения, анализа и понимания его творчества. В этом контексте, изучая творчество одного из величайших пианистов XX столетия – Владимира Гровица, мы сталкиваемся с обилием англоязычной литературы и почти полным отсутствием серьезных исследований в отечественном музыковедении<sup>1</sup>. Среди иностранной литературы о пианисте следует выделить три монографии, в которых биографические сведения о нем, и в особенности, о первых 22 годах жизни в России, наиболее полны. Это «Вечера с Гровицем» Дэвида Дюбаля, «Гровиц. Биография» Гленна Пласкина и «Гровиц. Его жизнь и музыка» Гарольда Шонберга [47; 49; 50].

Все три автора, описывая детство будущего виртуоза и его окружение, либо опускают многие важные детали, касающиеся семьи Гровицев, либо допускают некоторые досадные неточности, которые порой запутывают исследователей. Найденные нами в архивах Киева, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов бывшей Империи документы, а также анализ переписки В. Гровица, хранящейся в библиотеке Йельского университета (США), дали возможность восстановить эти пробелы, что и необходимо, как нам кажется, особенно, учитывая киевские корни одной из самых блистательных, но и загадочных фигур музыкального исполнительства прошлого века.

---

<sup>1</sup> Нами предпринята попытка восполнить этот пробел в книге «Киевская симфония Владимира Гровица» (авторы – Ю. Зильберман и Ю. Смилянская), но это исследование скорее вырисовывает культурный фон, формировавший пианиста, обращая внимание читателя на наиболее значительные ошибки биографов (год и место рождения, неверное определение времени обучения у педагогов и др.).

Другая, не менее важная причина интереса к биографии В. Горовица, кроется в противоречивости оценки его творческого облика: от восприятия пианиста как абсолютного эгоиста, не видящего в жизни никого кроме себя, черствого, поверхностного и потому «неинтересного» интерпретатора<sup>2</sup> – до «последнего романтика XX века» [37, с. 310], тонкого, глубокого музыканта с трагически изломанной судьбой. Вниманию читателя предлагается семь очерков, в которых последовательно прослеживаются факты биографии Владимира Горовица, история семьи музыканта, его окружение, возможные музыкальные пристрастия, программы концертов юного пианиста, стремительный взлет профессиональной карьеры, словом все, что в той или иной мере сформировало великого «последнего романтика» XX столетия. Материал, изложенный в этом издании может служить также учебным пособием для студентов фортепианных отделов и факультетов в учебных курсах, изучающих творчество выдающихся виртуозов-пианистов XX в., а именно: «Истории фортепианного искусства», «Анализа исполнительского стиля».

---

<sup>2</sup> См., например: «Это было тщательно и очень манерно исполненное произведение, излишне аффектированное, технически сыгранное жестко, мягкая мелодическая линия была изменена до неузнаваемости, духовная суть произведения никак не выразилась, это была демонстрация упражнений для энергичных пальцев пианиста». Газета «Deily News» от 13 апреля 1933 г. [Цит. по: 49, р. 132].

Или: «...критик из «*Evening World*», например, назвал концерт Чайковского «примером фортепианной игры в её самом деградированном виде»» [50, р. 68].

# **СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЕМЬИ ВЛАДИМИРА ГОРОВИЦА**

**(Горовицы – Бодики в Киевском  
музыкальном училище)**

Формирование человека в значительной мере определяется его окружением и семьей. Однако немаловажную роль играет и та культурная среда, в которой существует эта семья, а это не только круг знакомых и друзей, но и место проживания (даже, если считать большим преувеличением связь человека с местом его проживания, на котором настаивает П. Вайль<sup>3</sup>). Документально установлено, что семья Владимира Горовица проживала в Киеве с 50-х – 60-х годов XIX века. Не ставя перед собой целью дать подробный анализ развития города на протяжении длительного времени от середины XIX до первой четверти XX века, тем не менее, ограничимся некоторыми данными о Киеве, которые могут помочь представить в какой же среде жила семья пианиста.

Уже в начале XIX века Киев был довольно большим – по масштабам Российской империи – городом<sup>4</sup>. Бурный рост Киева происходил во второй половине столетия: с 1863 по 1910 годы население увеличилось со ста до четырехста шестидесяти восьми тысяч, то есть более чем в четыре раза<sup>5</sup>. Город привлекал не только древними христианскими святынями – известными местами паломничества (Киево-Печерская Лавра, София

---

<sup>3</sup> См.: Вайль П. Гений места / П. Вайль. – М. : Независимая газета, 2001. – 488 с.

<sup>4</sup> По степени развития промышленности и торговли все местности Российской Империи были разделены на четыре класса. Возглавляли список «внеклассные» Санкт-Петербург и Москва. К первому классу относились Варшава, Киев, Лодзь, Нахичевань, Одесса, Рига, Ростов-на-Дону, Тифлис и Харьков. См.: [1, с. 178].

<sup>5</sup> См.: [82, ф.1423, оп.1, д.26, л.4–11].

Киевская, Михайловский Златоверхий собор, Николаевский собор Покровского женского монастыря, Андреевская и Десятинная церкви, Владимирский собор), но и развитой сетью гостиниц, роскошными магазинами, передовым даже по европейским меркам транспортным обслуживанием<sup>6</sup>. Уже к началу XX столетия киевский уровень коммунальных удобств превращает его в один из самых передовых городов не только России, но и Европы. С 1872 года в Киеве работает водопровод и канализация (1894 г.), телефон (1886 г.), построена городская электростанция (1891 г.), пущена первая линия электрического трамвая (1892 г.), введен в эксплуатацию железнодорожный вокзал (1870 г.) и речной порт (1899 г.), построена первая в стране станция скорой помощи (1902 г.)<sup>7</sup>.

Биографы Владимира Горовица отмечают, что в семье была прекрасная библиотека, и с малых лет пианист пристрастился к западноевропейской и русской классике<sup>8</sup>. Из этого можно сделать вывод о том, что Киев располагал достаточно развитой сетью книжных магазинов. Действительно, адресная почтовая книга Киева за 1900 год дает нам сведения о 15-ти книжных магазинах в Киеве, среди которых наиболее известные: Идзиковского (ул. Крещатик, 29), Кульженко (ул. Прорезная, 5), Корейво (ул. Крещатик, 35), Иогансона (ул. Подол, Александров, д. 5), книжный магазин «Самопомощь» (ул. Тарасовская, 8), «Українська книгарня» (ул. Безаковская, 8). Эта же книга свидетельствует о наличии в городе довольно больших для своего времени библиотек. Так, первая публичная городская

---

<sup>6</sup> Первый трамвай в Киеве пустили 2-го мая 1892 года от нынешних Европейской до Контрактовой площади. Здесь и далее при описании жизни Киева и киевлян мы используем некоторые данные из книги А. Анисимова «Киев и Киевляне» [1].

<sup>7</sup> Будкевич В. Киев. Прогулки по местам Паустовского / В. Будкевич. – К., 2002. – С. 7.

<sup>8</sup> См.: [49, р. 34; 50, р. 29].

библиотека<sup>9</sup> была учреждена в 1864 году, а к 1911-му библиотека насчитывала 70 тысяч единиц хранения. Не менее известной была и библиотека издателя Л. Идзиковского (Крещатик, 29), которая содержала 100 тысяч единиц хранения на русском, польском, французском и английском языках. Уже упомянутая адресная почтовая книга Киева за 1900 год дает нам сведения о 11-ти библиотеках города. Кроме того, в Киеве, например, в 1911 году издавалось 14 газет и журналов.

Говоря о культурных учреждениях Киева, следует отметить, что в городе было несколько отличных театральных зданий: оперный (городской) театр на 1630 мест (отстроенный в 1901 году театр по проекту В. Шретера и В. Николаева взамен сгоревшего в 1896 году, архитектора И. Штрома), театр «Соловцов» (нынешний Национальный театр им. И. Франко), театр Бергонье, Троицкий народный дом (с театральным залом). По свидетельству А. Анисимова [1], в 1913 году в Киеве было 29 синематографов.

С 1906 года семья Горовицев переезжает из дома № 12 по улице Тимофеевская (ныне ул. М. Коцюбинского) в новую квартиру, расположенную в самом сердце города по адресу: Музыкальный переулок № 1/4 кв. 47. Квартира просторная – семь комнат и, видимо, довольно дорогая. Дом расположен буквой «п» и выходил на улицы Крещатик, Прорезную и Музыкальный переулок<sup>10</sup>. В 1906 году еще никто из детей Горовицев не учился в музыкальном училище, которое занимало соседнее здание в Музыкальном переулке. Можно предположить, что переезд связан с устойчивым достатком в семье, и, вследствие этого,

---

<sup>9</sup> Первое ее название – «Русская публичная библиотека» – еще раз обращает внимание на то, насколько сильным было влияние польского населения и польской культуры в Киеве середины XIX столетия. Это не раз отмечалось в литературе. В качестве примера приведем высказывание историка КО ИРМО Н. Богданова, который в 1888 году утверждал, что создание КО ИРМО предотвратило «полное поглощение Киева польской культурой» [4, с. 13].

<sup>10</sup> Подробнее об этом: [15, с. 290].

возможностью занять более престижную квартиру в самом респектабельном районе города. Еще одна причина переезда – само наличие этих престижных домов. А это напрямую связано с тем, что в конце XIX века в Киеве началась «строительная горячка». За три года – с 1898 по 1901 гг. в Киеве было построено более 1000 домов<sup>11</sup>. Прямо в центре города в течение очень небольшого отрезка времени выросли 3-х и 4-х-этажные доходные дома, первые этажи которых занимали магазины, рестораны и кафе. А выше располагались многокомнатные квартиры, которые снимали служащие, средней руки предприниматели, профессора высших учебных заведений, высокооплачиваемые чиновники и врачи. Квартиры в таких домах, построенных на улицах Крещатик, Прорезной, Николаевской, Фундуклеевской, Институтской, стоили довольно дорого: от 150 (двух-, трехкомнатная) до 700 рублей (пяти-, семикомнатная) в год<sup>12</sup>. Конечно, не все могли позволить себе тратить для найма большой квартиры 700 рублей в год – сумму весьма значительную в то время, но социальный слой киевлян, к которому принадлежала семья инженера Горовица, мог позволить себе снимать подобные квартиры. Поэтому их семикомнатная квартира в самом центре города, вполне укладывается в картину соотношения заработной платы и цен на квартиры к началу XX века. Директор музыкального училища В.В. Пухальский получал, например, в 1900 – 1901 учебном году 1900 рублей в год жалования за директорскую должность. Кроме того, в его классе в этом году было 57 учеников, за которых Пухальский получал дополнительно еще получал 2200 рублей в год; т. е. общая сумма составляла 4100 рублей. Для сравнения жалованье рабочего составляло от 550 до 700 рублей в год, и

---

<sup>11</sup> Будкевич В. Киев. Прогулки по местам Паустовского / В. Будкевич. – К., 2002. – С. 7.

<sup>12</sup> См.: [1, с. 51].

средней квалификации промышленный рабочий с его весьма умеренной зарплатой мог снять в центральной части Киева в престижном доходном доме квартиру в четыре комнаты на самом престижном третьем этаже, с паровым отоплением.

Летом киевские предместья становились местом отдыха для киевлян. Интеллигенция выезжала семьями, снимая дачи на все лето. Среди киевских предместий в начале века наиболее респектабельным было Святошино. По свидетельству Г. Пласкина, семья Горовицев выезжала туда довольно часто<sup>13</sup>. В Святошине были два проточных пруда, почта, летняя эстрада, в которой проходило по 2–3 концерта в неделю, свой полицейский участок, большое количество лавок и магазинов, аптека, летний драматический театр, библиотека, почта, рынок, «гидропатическая лечебница-санаторий», кинематограф, баня, площадки для детских игр, территорию поселка освещали тридцать фонарей по 1200 свечей каждая. Благодаря налаженному быту, популярность Святошина затмевала все остальные дачные пригороды Киева. Проезд от Триумфальной арки (нынешнее пересечение проспекта Победы и Воздухофлотского проспекта) до пятой просеки, т. е. самого центра поселка у входа в Святошинский парк, стоил 20 коп<sup>14</sup>.

Музыкальная жизнь города последней четверти XIX и начала XX века была не менее интенсивной, чем в обеих столицах. Однако до открытия Киевского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества (1863) и оперного театра (1867) концерты проводились бессистемно, и было их немного. Историки Киевского отделения ИРМО Н. Богданов, И. Миклашевский дают примерно одинаковую картину музыкальной жизни города в семидесятых годах XIX

---

<sup>13</sup> См.: [49, р. 13].

<sup>14</sup> См.: [1, с. 254–257].

века<sup>15</sup>. Влияние польской музыкальной культуры в Киеве ослабело в связи с образованием отделения общества. Украинские, русские, польские, еврейские, а также другие малочисленные группы населения города жили обособленной жизнью и не объединялись ни в каких культурных акциях. Богатые горожане тоже не слишком стремились к многолюдным собраниям и держались в стороне, особенно, если инициатива организации концерта исходила не от них. Правда, при управлении Южным краем князем А.М. Дондуковым-Корсаковым культурная жизнь города несколько оживилась. Еженедельно устраивались музыкальные собрания, но они были не доступны для горожан, так как проводились в частных домах, и к тому же носили аматорский характер: выступавшими в них были, в основном, жены местных аристократов. Когда же энтузиасты Киевского отделения начали привлекать к концертной деятельности местных музыкантов и приглашать знаменитых профессионалов, когда публичные музыкальные вечера в городе стали проходить чаще и интереснее, стало ясно, что киевская публика не проявляет особого интереса к серьезной музыке. И. Миклашевский отмечает, что даже выступления европейских знаменитостей Ф. Лауба и К. Таузига не имели коммерческого успеха, а зал заполнялся полностью лишь тогда, когда играл Антон Рубинштейн. *«Жутко было начинать деятельность среди общего запустения: чувствовалось, что надобно сделать многое, что киевскую публику нельзя было оставлять в ее недоумении, что ее, напротив, необходимо было успокоить, чтобы заполучить ее доверие»*, – пишет автор «Очерка»<sup>16</sup> и далее поясняет, что поэтому нельзя было ни потакать дилетантским вкусам

---

<sup>15</sup> См. подробнее:[4; с. 28].

<sup>16</sup> См.: [28, с. 28].

публики, ни предъявлять к ней слишком суровых требований, пичкая сложными программами. Необходимо было постепенно приучать горожан к профессиональной классической музыке, прежде всего, «поставив на серьезный уровень музыкальное образование» в городе<sup>17</sup>.

Только после 1867 года концерты приобрели плановый характер<sup>18</sup>. Как правило, Дирекция КО ИРМО устраивала от 10 до 12 симфонических собраний. Кроме того, существовали еще так называемые камерные вечера, которых в году было примерно то же количество. И, наконец, проводились и публичные концерты учеников училища, примерным числом до 10 в год. Таким образом, только КО ИРМО было организатором около 30 концертов за год<sup>19</sup>. Несколько концертов устраивалось антрепренерами оперного театра. Как правило, они приглашали наиболее «громкие» имена, дававшие твердую гарантию аншлага.

Характерно, что одна из самых популярных газет города «Киевлянин» почти сразу после музыкального события помещала на своих страницах рецензию. Отметим профессиональность многих рецензий и независимую позицию авторов. Примером может служить рецензия первого концерта сезона 1869 года, который провело общество, отмеченного приездом европейской знаменитости – скрипача Фердинанда Лауба. К сожалению, отклик на него оказался не очень удачным для устроителей. Восторженно отзываясь о «заезжем чуде», критик разгромил местных музыкантов (исполнялась симфония соль минор В.А. Моцарта): *«Боже, милосердный, как мы ошиблись! Как плачевно рушились вдруг наши надежды! Неужели этот бестактный гул и шум, неужели это – мелодия Моцарта? Не может быть! Тут вероятно была ошибка, но какая?... Ни*

---

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> См. об этом: [4, с. 5–8].

<sup>19</sup> См.: Отчеты КО ИРМО [32, 1868–1910].

*один темп не был взят верно... Кроме forte и piano, никакие оттенки не соблюдались, зато при crescendo темп постоянно становился медленнее. Медные инструменты часто фальшивили...»*, – пишет, сохранивший в тайне свое имя, критик [51, № 138].

В 1874–1875 годах у пюльта дирижера в концертах стоял И. Альтани впоследствии дирижер Большого тетра в Москве. Отметим этот сезон особо, так как в тот год дед В. Горовица – Иоахим Горовиц баллотировался в Дирекцию Киевского Отделения и, видимо, был в концерте 19 апреля 1875 года, где играл Николай Рубинштейн. В концертной жизни сезонов 1879–1891 активное участие принимал глава украинской композиторской школы М.В. Лысенко. В эти годы его имя встречается в концертных программах 14 раз.

Эти же сезоны отмечены приездом трех выдающихся скрипачей Йожефа Иоахима, Пабло Сарасате и Эжена Изай. Особого внимания заслуживает тот факт, что последний дал свой второй в Киеве концерт в пользу музыкального училища, а в третьем – играл первую скрипку в квартете вместе с преподавателями. В 1891 году, В. Пухальский сочинил фортепианный концерт и 5 декабря того же года исполнил его с оркестром под управлением И. Альтани [32, 1881–1882. с. 38]. В последующие годы это произведение множество раз звучало в исполнении самого В. Пухальского и его учеников. Характерно, что в 1915 году, когда консерватория находилась в эвакуации в Ростове-на-Дону, всего за неполных три месяца Р. Глиэру удалось собрать из эвакуированных студентов и местных учеников училища оркестр, и первым произведением прозвучал фортепианный концерт В. Пухальского в исполнении автора<sup>20</sup>.

---

<sup>20</sup> Более подробно об этом: Персон Д. Концерты, поездки, встречи / Рейнгольд Морицевич Глиэр. Статьи. Воспоминания. Материалы. В 3-х т. Т.1., Л., 1965.

В. Горовица в Ростове-на-Дону не было, но, видимо, за все годы обучения у В. Пухальского он не один раз слышал этот концерт. Можно предположить, что даже играл его. В 1895 году Виктор Чечотт опубликовал рецензию, в которой отметил в этом сочинении «...удачное сопоставление ресурсов, свойственных роялю и оркестру в их взаимной самостоятельности». В этой же статье автор описывает, каким успехом у публики пользовался пианист и дает оценку собственно исполнителю: *«При математической точности игры, г. Пухальский проявляет тонкую отделку деталей и выдающуюся опытность в применении разнообразнейших красок, основанных на гибкости туше»* [52, 1895, № 296].

С 1887 по 1912 годы симфоническими собраниями руководил А. Виноградский. Благодаря этому музыканту Киев услышал много современной отечественной и зарубежной музыки. Виноградский впервые для Киева организовал тематические концерты, в которых звучала музыка различных национальных школ, приглашал лучших исполнителей Европы. Благодаря Виноградскому в Киеве побывал П.И. Чайковский и С.В. Рахманинов [15, с. 106–110]. В первые пятнадцать лет XX столетия в Киеве с концертами побывали: А. Аренский, М. Пауэр, Х. Беккер, М. Авани, Ж. Жерарди, П. Кон, Л. Годовский, В. Скрябина, В. Ландовска, А. Серато, Э. Гандольфи, В. Сафонов, О. Фрид, А. и М. Казадезюс, С. Кусевицкий, Я. Хейфец, Л. Ауэр, П. Казальс, Э. Вендель, И. Лассаль, А. Боданцки, Ж. Манен, Е. Белоусов, П. Сарасате, А. Коутс, А. Зилоти, И. Гофман, А. Гольденвейзер, Ф. Крейслер, С. Рахманинов, М. Ипполитов-Иванов<sup>21</sup>.

Вместе с тем, в 1906 – 1910 годах концертная жизнь становится менее интенсивной в связи с тем, что Дирекции КО

---

<sup>21</sup> См. подробнее: [15, с. 329–353].

ИРМО отказывают в праве ее проводить. Однако запрет на устройство симфонических собраний, однако, не сказался на просветительской работе, проводимой обществом. Более того, активность концертной жизни возросла: увеличилось количество камерных концертов. Помимо традиционных камерных вечеров, в которых преимущественно играли киевские музыканты, в эти годы выступают многие приглашенные коллективы и солисты: Парижский ансамбль старинных инструментов, в составе которого были такие известные виртуозы, как братья Анри и Мариус Казадезюс; Вера Скрябина играет произведения мужа – Александра Скрябина; мировая знаменитость – Ванда Ландовска – в трёх концертах исполняет старинную музыку для клавесина. В программе одного из камерных собраний 14 марта 1906 года партию фортепиано в сонате соль минор для фортепиано и виолончели С. Рахманинова исполнил Александр Горовиц<sup>22</sup>. В годы отсутствия симфонических собраний А.Н. Виноградский и его сподвижники делают все, чтобы концерты общества были интересны. В Киев приглашаются лучшие камерные коллективы, такие как Берлинское филармоническое трио, квартет им. Герцога Макленбургского, Пражский и Брюссельский квартеты, Варшавский квартет «Шевчик», солистка московского Императорского театра – певица А. Шперлинг и известный в Европе скрипач Арриго Серато. В составе инструментальных ансамблей преподавателей училища принимают участие знаменитые московские и петербургские музыканты В. Сафонов, Л. Ауэр, С. Кусевицкий, Ж. Гекинг-Денанси [15, с. 184–185].

Особую роль в жизни киевской интеллигенции играл оперный театр. Многие выдающиеся деятели искусства и литературы – бывшие киевляне – в своих воспоминаниях

---

<sup>22</sup> Сведения о концертной деятельности КО ИРМО в период 1906–1910 гг. приведены по [15, с. 182–186].

отмечают любовь киевской молодежи к опере. В Киеве, где помимо Университета Св. Владимира, были и другие учебные заведения – Политехнический институт, художественное и музыкальное училища, а кроме того, прекрасные гимназии – проживало много студентов высших учебных заведений, которые вносили свою лепту в интеллектуальную жизнь города. Студенты и гимназисты старших классов были самыми занятыми театрами. Они задавали своеобразный тон преклонения перед своими кумирами, заражая этим энтузиазмом других киевлян<sup>23</sup>. Подтверждением этого может быть пример, приведенный И. Миклашевским о трогательном стихотворении, сочиненном студентами – почитателями певицы О.А. Пусковой, невероятно популярной в Киеве тех лет. Она была солисткой оперы, и все спектакли с ее участием шли с аншлагом. Среди студенческой молодежи о Пусковой была популярна даже песенка. Её текст приводит Иосиф Миклашевский в своих «Очерках»:

*«Мы не щедры на презенты, –  
Люд мы бедный и простой –  
Лишь одни аплодисменты  
Сыплем щедрою рукой.  
Вы явились, как заря:  
Вы прекрасны в «Азучене»,  
Как и в «Жизни за Царя».  
Пусть смешно наше признание,  
Но от искренних сердец  
Заменить это посланье  
Лучший лавровый венец» [15, с. 47].*

В воспоминаниях Владимира Горовица о его детстве звучит та же нотка любви к опере: «Я был просто влюблен в оперу и пение. Я не играл Баха, я не играл Моцарта или Скарлатти в это время. Только оперы. Когда мне было 12–13 лет, я играл оперы

---

<sup>23</sup> Шествие студентов от Контрактовой площади с креслом, в котором сидел Ференц Лист, на руках описан Н. Богдановым. См.: [4, с. 6].

Верди, Пуччини, Чайковского, Вагнера...» [47, р. 6]. Подобное отношение к опере – и у другого юного киевлянина, Михаила Булгакова. Писатель играл на фортепиано увертюры и сцены из любимых опер: «Фауста», «Севильского цирюльника», «Аиды», «Тангейзера», «Травиаты», «Руслана и Людмилы», «Кармен». «Фауста» слушал более сорока раз (у Турбинных на открытом рояле – ноты «Фауста»). На страницах многих произведений М. Булгакова, как отмечают исследователи его творчества, постоянно упоминаются оперы, особенно «Аида», «Фауст», «Риголетто», «Кармен» – как раз наиболее репертуарные в Киевской опере.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что В. Горовиц провел детство и юношеские годы в городе, который по меркам того времени и в определенных параметрах ни в чем не уступал многим европейским центрам. Особенно это относится к культурной и музыкальной жизни – необыкновенно интересной, интенсивной и разнообразной.

И, конечно, особая роль в музыкальной жизни города принадлежала музыкальному училищу. Владимир Горовиц был самым младшим в большой семье Горовицев-Бодиков, в которой, не считая его, **девять** членов семьи так или иначе занимались музыкой, и если не стали профессионалами, то, во всяком случае, прошли школу профессионального обучения в Киевском музыкальном училище или Киевской консерватории.

Естественным было бы предположение, что в такой семье рано или поздно появится гений, интегрирующий все музыкальные достоинства каждого в единый мощный музыкально-интеллектуальный организм. Поэтому вопрос о месте рождения и окружении юного музыканта представляется нам очень значительным для изучения биографии Владимира Горовица.

Первые документально подтвержденные данные о семье великого пианиста, живших в Украине, относятся к Иоахиму Горовицу деду Владимира по отцу. Известно, что Иоахим Самойлович был киевским купцом I гильдии, что он посещал симфонические собрания, организуемые местным отделением Императорского Русского Музыкального Общества, что жена его Регина Аароновна неплохо играла на фортепиано, что до своей смерти, случившейся в 1906 году И.С.Горовиц занимался благотворительностью и был старшиной (директор на общественных началах) Киевской еврейской больницы [31, с. 194].

То, что семья Иоахима Горовица жила постоянно в Киеве, и его внук – Владимир Горовиц **киевлянин в третьем поколении**, подтверждают следующие документы:

- свидетельства о рождении сына Иоахима – Самуила Горовица (1871) (илл. 1,2);
- брачный контракт Самуила Горовица и Софьи Бодик – родителей Владимира (1894) (илл. 3);
- личное дело студента университета Св. Владимира Самуила Горовица, обучавшегося в университете с 1890 по 1894 гг.;
- свидетельство о рождении первенца Гровицев – Якова (1895) (илл. 4,5).

Наконец главный документ – свидетельство о рождении Владимира Горовица, об отсутствии которого достаточно категорично высказался Гарольд Шонберг: «К сожалению, свидетельства о рождении не существует (!). Многие записи в обоих городах были уничтожены во время революции 1917 года, а все, что осталось, погибло во время Второй мировой войны. Исследования, проведенные в 1991 году в Киеве и Бердичеве, не смогли обнаружить ни одного свидетельства, датированного ранее середины двадцатых годов XX века» [50, р. 37–38].

Между тем, «Свидетельство о рождении Владимира Горовица», вернее его копия, найденная киевским исследователем Михаилом Кальницким, в 1990 году и опубликованная газетой «Советская культура» (12 января) окончательно ставит точку в вопросе о месте и времени рождения Горовица. С тех пор текст публиковался не один раз, но, считаем необходимым, его привести:

*«СВИДЕТЕЛЬСТВО. Киев, 1903 года Октября 28 дня. Дано сие свидетельство в том, что в метрической книге еврейского населения г. Киева за тысяча девятьсот третий (1903) год, ч. I, о родившихся мужской графы, под № 725, значится следующая запись: Сентября восемнадцатого дня, в Киеве, от отца – окончившего физико-математический факультет Университета Св. Владимира с дипломом первой степени Самуила Иоахимовича Горовица и матери*

*Софии (Сони) Яковлевны родился сын и наречен именем «ВЛАДИМИР». Печать Киевского раввина. Раввин (С. Лурье) № 3736. Что настоящее метрическое свидетельство с подлинною записью, находящееся в метрической книге под № 725 сходно, в том Киевская Городская Управа с приложением печати удостоверяет. Г. Киев Февраля 11 дня 1904 года. Член Управы (Подпись). Делопроизводитель (Подпись). Печать Киевской Городской Управы № 742».*

Найдена и сама синагогальная книга, с которой снята эта копия (илл. 6,7). И, если место и время рождения В. Горовица теперь не оставляет сомнения, то сведения о его семье и окружении нуждаются в уточнении.

Упомянутые биографы пианиста с определенностью пишут о его дяде – профессиональном музыканте, ученике Скрябина, и сестре – известной пианистке-педагоге. Кроме того, осторожно, ссылаясь на слова самого Горовица, они отмечают, что, мать и

братья Горовица тоже учились музыке. Жена Иоахима (бабка Владимира), как пишет Гленн Пласкин в своей монографии, была пианисткой и даже «имела похвалу от Антона Рубинштейна» [49, р. 19]. Автор, как нам кажется, сознательно не акцентирует на этом внимание и не уточняет этот тезис. Необходимо учитывать источник сведений Гленна Пласкина – это дневники Александра Меровича – импресарио Горовица и Мильштейна после переезда их за границу. Н. Мильштейн в своей книге «Из России на Запад» не очень одобрительно отзывался об авторе дневников и степени достоверности информации в них. Тем не менее, даже если предположить, что это полуправда, сам факт того, что бабушка Владимира имела отношение к музыке, имеет большое значение для объяснения активного участия Иоахима в музыкальной жизни города и его намерения дать своим детям музыкальное образование.

Документы свидетельствуют о девяти членах семьи Горовицев–Бодиков, обучавшихся в Киевском музыкальном училище и консерватории.

Первой из представителей семьи в училище появляется тетка по матери – Эрнестина (по метрике – Эсфирь) Бодик<sup>24</sup>. В алфавитном списке отчета ИРМО она записана под № 11 [32, 1886–1887, с. 14]. Эрнестина слушала теорию музыки у А. Казбирюка, класс обязательного фортепиано вел у нее В. Алоиз-Музыкант, а пению она училась у Константина Александровича Брагина. С перерывами она обучалась в вокальных классах почти 8 лет, затем на один год перешла на фортепианное отделение. Она не отличалась большими

---

<sup>24</sup>По-видимому, первоначально фамилия была *Бодек*, а впоследствии, «русифицировалась» в *Бодик*. См.: «Бодек (иврит, бодек) – «бодек», тот, кто проверяет внутренности животного на предмет определения его кашерности, как того требует еврейский закон». <http://www.moshiach.ru/study/enciclopedia/1123.html>

способностями, так как в программах ученических вечеров ее имя замечено не было, впрочем, ее посредственные успехи в учебе были засвидетельствованы в документе об окончании 3-го класса гимназии, предъявленного ею при зачислении в музыкальное училище:

*«Дочери купца Бодик Эрнестины Яковлевны*

**ПРОШЕНИЕ**

*Прошу определить меня в КМУ для спец. изучения пения в класс Ряднова в число сверхкомплектных учениц училища. Свид. Прилаг:*

*Ученице 3-го кл 3-й киевской женской гимн. Эсфирь Бодик. Пост. в гимн. 16 авг. 1872 г., в марте 1878 по просьбе родителей уволена. При отличной нравственности показала посредственные успехи. Курс не окончила» [58].*

Еще одна тетка, но уже по отцовской линии – **Елизавета Горовиц** поступила в училище в 1886 году. Она училась у В. Пухальского, гармонию слушала у Е. Рыба. Видимо, была неплохой пианисткой, т. к. ее имя почти ежегодно упоминается в программах публичных концертов. (Необходимо оговорится, что публичные ученические вечера были платными, и потому отбор претендентов на выступление проводился строго и тщательно). В 1893 году Елизавета Горовиц оканчивает училище с аттестатом первой степени.

В 1888–1889 учебном году в классе В. Пухальского появляется **Соня Бодик** – в будущем мать В. Горовица (илл. 8, 9). Она зачислена сразу на средний курс музыкального училища. Это свидетельствует о серьезной домашней подготовке. За время учебы ее имя не раз появлялось в программах ученических концертов. О том, что уровень фортепианной техники Софьи было достаточно высок, можно судить по программам ее выступлений в ученических концертах. Так 26 октября 1891 года

она играет 1-ю часть концерта (ми-бемоль мажор) Литольфа, которым, кстати, заканчивал Петербургскую консерваторию ее учитель – В. Пухальский. Даже для многих выпускников Московской и Петербургской консерваторий это могло быть расценено как высокое техническое достижение. Софья же исполняла концерт даже не на выпускном акте, а всего через три года после поступления в училище в публичном концерте. Конечно, не только участие Софьи Бодик в ученических концертах и довольно высокий уровень ее фортепианной техники позволяют сделать вывод о том, что она была хорошей пианисткой. В этом убеждает, прежде всего, то, что Регина и Владимир Горовиц до своего поступления в музыкальное училище, оба значительное время (Регина – три года, Владимир – пять лет) обучались у матери.

**Александр Горовиц** (1876–1927) – музыкант, чье творчество достойно изучения и безотносительно к биографии его блистательного племянника. И хотя к тому времени, когда Владимир начинает заниматься музыкой, Александр Иоахимович в Киеве уже не живет, его влияние на формирование юного музыканта бесспорно очень значительно. Это подчеркивают все биографы В. Горовица [47, р. 29; 49, р. 36; 50, р. 56].

Александр Горовиц родился в сентябре 1876 г. (илл. 10) , а спустя три месяца умерла его мать Регина Аароновна Горовиц (урожденная Сензор). В пятнадцатилетнем возрасте (1891<sup>25</sup>) он поступил в Киевское музыкальное училище в класс Григория Ходоровского сразу на средний курс [32, 1891–1892, «Программы», с. 10], что само по себе означает хорошую домашнюю подготовку. Это подтверждается и тем, что через год после начала занятий в училище, на ученическом концерте

---

<sup>25</sup> Кстати в этом же году в публичном концерте выступала ученица высшего курса Софья Бодик (будущая мать Владимира Горовица), исполняя 1 часть фортепианного концерта Г. Литольфа.

он исполнял «Риголетто» Ф. Листа – произведение технически достаточно сложное. По самым скромным подсчетам он должен был заниматься до поступления в училище, исходя из этой программы, не менее 5–6 лет. У кого он занимался? Это мог быть любой пианист, даже из известных нам педагогов училища. Имя Александра Горовица встречается в программах ученических публичных концертов с завидным постоянством, иногда, рядом с именами соучеников, ставшими спустя несколько лет известными музыкантами, такими как Илья Сац, Сергей Тарновский<sup>26</sup>, Леонид Николаев<sup>27</sup>.

Выступать в ученических концертах Александр начинает с 1892 г. О чем свидетельствуют отчеты КО ИРМО:

2-й ученический вечер

(публичный)<sup>28</sup>

в субботу, 5-го декабря 1892 года

«Du bist die Ruh'» и «Rigoletto» Листа

Исп. уч-к **Горовиц** высшего курса

(кл. г. Ходоровского)<sup>29</sup>.

8-й ученический вечер

(публичный)

в пятницу, 18 февраля 1894 г.

а) Prelude (Des-dur) Шопена

б) Faust-Valse Листа

---

<sup>26</sup> В будущем учитель Владимира Горовица.

<sup>27</sup> Впоследствии профессор Ленинградской консерватории и учитель Д.Д. Шостаковича, М. Юдиной, В. Софроницкого, П. Серебрякова, Н. Перельмана.

<sup>28</sup> Были еще, так называемые «закрытые» концерты, то есть, разновидность академического концерта, как это принято называть в настоящее время. Они устраивались в дневное время, публика на такие вечера не приглашалась и билеты не продавались.

<sup>29</sup> Отчет Киевского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества 1892–1893 гг. «Программы». – С. 8.

Исп. уч-к **Горовиц** (высш. курса)

кл. г. Ходоровского<sup>30</sup>

2-й ученический вечер  
среда, 21 декабря 1894 г.

«Карнавал» Шумана.

Исп. уч-к **Горовиц** (высш. курса)

кл. г. Ходоровского<sup>31</sup>

6-й ученический вечер  
(публичный)  
27 января 1896 года

«Tarantelle» Листа

Исп. уч-к **Горовиц** (высш. курса)

кл. г. Ходоровского<sup>32</sup>.

2-й ученический вечер  
(публичный)  
13-го ноября 1897 года

а) Прелюдия Лядова

б) «Исламей» Восточная фантазия Балакирева

Исп. уч.-к **Горовиц** (высш курса)

кл. Г. Ходоровского<sup>33</sup>

И, наконец, в 1898 году А. Горовиц оканчивает Училище с успехом, едва ли не феноменальным:

Акт

девятнадцатого выпуска учеников музыкального училища

25-го мая 1898 г.

«Пляска смерти» Листа исп. г. **Горовиц** (кл. г. Ходоровского).

---

<sup>30</sup> См.: [32, 1893–1894. с. 6].

<sup>31</sup> См.: [32, 1893–1894. с. 12].

<sup>32</sup> См.: [32, 1895–1896. с. 7]

<sup>33</sup> См.: [32, 1895 – 1896. с.11].

Этим торжественным Актом А. Горовиц завершает свое образование в Киевском музыкальном училище. «Ученика Горовица Александра признать окончившим по специальным предметам», – гласит вывод комиссии в «Отчете КО ИРМО» за 1897–1898 годы<sup>34</sup>. Это означает, что Александр обязательные дисциплины не сдавал и, видимо, имея аттестат гимназии, решил не добиваться аналогичного документа училища.

В 1898 году А. Горовиц окончил училище. В том же году музыкант поступил в Московскую консерваторию в класс молодого преподавателя – Александра Николаевича Скрябина. Вскоре после выпускного экзамена в Московской консерватории, Скрябин, пишет о своем ученике: «Горовиц сыграл концерт Листа ... как опытейший виртуоз. Малиновская и Неменова (также ученицы Скрябина. – Ю.З.) прямо очаровали все собрание. Про Неменову я слышал кругом самые восторженные отзывы. Но, конечно, самым видным виртуозом оказался все-таки Горовиц...» [20, с. 262].

Приглашенный работать преподавателем Харьковского музыкального училища, Александр активно включается в концертную жизнь города. В его программы входили: «Карнавал» Р. Шумана, сонаты си минор Ф. Шопена, соль мажор П. Чайковского и си бемоль минор А. Глазунова, концерты Э. Грига, Ф. Листа, А. Аренского, Г. Бобинского, Баллада ля бемоль мажор, ряд прелюдий, мазурки, ноктюрны, этюды Ф. Шопена, Вариации фа мажор, «Думка» П. Чайковского. Малые формы были широко представлены произведениями: С. Рахманинова, А. Рубинштейна, П. Чайковского, А. Лядова, А. Бородина. И, конечно, А. Скрябин! В его исполнении звучали: Соната-фантазия соль диес минор, Соната № 4 фа диес мажор, поэмы, прелюдии, мазурки, этюды [20, с. 61–63].

<sup>34</sup> См.: [32, 1895 – 1896. С.11].

Александр Иоахимович Горовиц был женат и имел двух дочерей. Жену его звали Берта Самойловна. Одну из дочерей он назвал в честь своей умершей матери – Региной. В 1925 году, когда праздновался пятидесятилетний юбилей музыканта, он был неизлечимо болен. Это отмечено даже в приветственном адресе: *«Отдел Искусств, горячо приветствуя Вас, выражает надежду, что Вы быстро восстановите свои силы и вновь приступите к продолжению своей плодотворной музыкально-педагогической деятельности»*<sup>35</sup>. Туберкулез подточил силы А. Горовица и он был вынужден уйти на пенсию. Видимо, размеры пенсии не позволяли ему содержать семью и за год до смерти он обращается к властям с просьбой о возможном пересмотре своего статуса: *«Прошу оказать содействие и принять все меры для перевода меня с персональной пенсии на академическую на том основании, что я свыше двадцати пяти лет состоял старшим преподавателем, а затем и профессором музыкальных учреждений»*<sup>36</sup>.

В семье Самоила и Сони Горовицев было четверо детей. И все они занимались в Киевском музыкальном училище, которое в 1913 г. было переименовано в Киевскую консерваторию. Судьба старшего брата Владимира Горовица – **Якова** трагична. В 1909 году Яков Горовиц зачислен в Киевское музыкальное училище в класс Константина Михайлова (в списках учеников он значится под № 159) [32, 1909–1910, с. 64]. Яков учился один год и затем его имя исчезает из списка учеников на пять лет. Он возобновил учебу уже в консерватории в 1914 году. В апреле Яков Горовиц 1916 года призывается на действительную военную службу. Проследить его дальнейшую судьбу не удалось, но, судя по

---

<sup>35</sup> Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. – Ф. 67, д. 185.

<sup>36</sup> Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. – Ф. 501, д. 501.

отсутствию его имени в ученических концертах, его пианистическая карьера, видимо, не задалась. Скорее всего, Яков погиб в первые же месяцы, т. к. его родившийся в декабре сын был назван Яковым<sup>37</sup>.

В 1914 году еще один брат Владимира Горовица – **Григорий** поступил в консерваторию в класс известного скрипача М.Г. Эрденко. Он учился в консерватории до 1920 года, что подтверждается программами публичных концертов, в которых Григорий Горовиц выступал в 1917, 18 и 1920 годах (илл. 11). Некоторые сведения, проливающие свет на характер деятельности Григория Горовица после окончания консерватории удалось обнаружить в киевской газете «Пролетарская правда» за 1923 г., где опубликована заметка об открытии в Киеве «Государственной филармонии», и в составе учредителей стоит имя Григория Горовица. В этом же номере газеты помещен анонс двух концертов Владимира Горовица и Натана Мильштейна, по-видимому, организованных Григорием Горовицем.

О Регине Горовиц написано немало статей. Достаточно упомянуть последнюю работу об этом замечательном музыканте ее ученицы Нины Руденко. Поэтому констатируем только, что Регина Горовиц получила профессиональное музыкальное образование, обучаясь последовательно в классах К. Михайлова, В. Пухальского, и С. Тарновского и окончила консерваторию в 1919 году (илл.12). Сохранилось свидетельство об окончании Региной Горовиц (в документе она носит фамилию мужа) Киевской консерватории и присуждении ей звания Свободного Художника:

---

<sup>37</sup> У евреев не принято называть детей именами живых родителей.

*«Киевская консерватория. СВИДЕТЕЛЬСТВО.*

*Художественный Совет Киевской Консерватории сим свидетельствует, что Регина Самоиловна РОЗЕНФЕЛЬД урожденная ГОРОВИЦ родившаяся 28-го декабря 1899 года обучавшаяся в Киевской Консерватории, назначенная к испытанию, на основании § 73 Устава Консерваторий, выдержала публичное испытание по установленной для получения диплома программе, и на выпускных экзаменах оказала следующие успехи: в главном, избранном для специального изучения предмете, игре на фортепиано (по классу старшего ординарного преподавателя Тарновского) – отличные (5), во второстепенных (обязательных) предметах энциклопедии, инструментовке – отличные (5), истории музыки и эстетики – хорошие (4).*

*Представила аттестат Киевской частной гимназии Науменко  
От 2-го мая 1916 года за № 108.*

*Вследствие сего, и на основании §§ 71 и 73 Устава Консерваторий Русского Музыкального Общества, постановлением Художественного Совета Киевской Консерватории 1-го июня 1919 г. Регина РОЗЕНФЕЛЬД удостоена диплома на звание Свободного Художника.*

*В удостоверение чего, дано Регине РОЗЕНФЕЛЬД сие свидетельство, которое при получении диплома должно быть представлено обратно.*

*Директор Консерватории  
Инспектор» [42, с. 6].*

В том же году она окончила гимназию, т. к. диплом Свободного художника выдавался только лицам, имеющим оконченное среднее образование, и уже после рождения дочери Елены, предъявив свидетельство об окончании гимназии, получила диплом.

После отъезда Владимира за границу и переезда семьи в Москву, Р.С. Горовиц работала концертмейстером Д. Ойстраха. Выйдя замуж за экономиста Е. Либермана, она переехала в Харьков, где работала до своей смерти (1984 г.) в Харьковской консерватории и специальной музыкальной школе-интернате, воспитав многих ныне известных и признанных пианистов-виртуозов (илл. 13).

Дядя Владимира Горовица по материнской линии Моисей Бодик имел двух сыновей. Оба кузена Горовица тоже учились в училище и консерватории. **Яков** Бодик (класс фортепиано) занимался в училище всего два года. Затем последовал двухлетний перерыв, и вновь его имя появилось в 1912–1913 учебном году. В ученических концертах он не упоминается ни разу. Видимо, Яков не был ярким, подающим надежды музыкантом.

Второй сын Моисея Бодика, **Сергей**, зачислен в училище в 1912 году как скрипач – в класс Михаила Эрденко. Примечательно, что в заявлении о принятии Сергея в училище, его мать пишет: «Жены петербургского I гильдии купца Матильды Вольфовны Бодик»<sup>38</sup>. Сергей Бодик занимался в училище всего один год<sup>39</sup>, затем уехал в Петербург, где окончил реальное училище, после чего поступил в одно из самых привилегированных военных учебных заведений России – Николаевское кавалерийское училище. Он становится корнетом, но в 1916 году увольняется из армии и подает заявление

---

<sup>38</sup> В паспортной книжке, выданной Киевской городской полицией 12.03.1911 г. сроком на пять лет Моисею Яковлевичу Бодику, указано: «На 1912 г. пред'явлено купеческое свидетельство, выданное Киевской Городской Управой 14.12.1911. ... записан в С.П.Б. 1-й гильдии купечество...». [Державний архів м. Києва: Ф. 176, оп. 2, спр. 423, арк. 2].

<sup>39</sup> В списках учеников «Отчетов» за 19010–1911 и 1911–1912 гг. Якова Бодика обнаружить не удалось.

принятии его на математическое отделение физико-математического факультета Киевского университета.

Упомянутые девять членов большой семьи Горовицев-Бодиков (кроме Владимира), так или иначе, профессионально занимались музыкой. К этому можно было бы добавить неподтвержденные сведения биографов о пианистке – бабушке Владимира и их же упоминания о том, что Самоил Горовиц якобы неплохо владел виолончелью.

В публикуемых далее очерках читатель найдет ранее малоизвестные, а в некоторых случаях, обнародованные впервые документы и факты жизни семьи Горовицев-Бодиков в Киеве начала XX столетия, программы его выступлений на ученических концертах, репертуарные списки, свидетельствующие о стремительном «взлете» пианиста. Все это, как нам представляется, вносит много нового в горовицеведение, и в особенности, в наиболее неизученную его часть – киевские годы становления и развития одного из величайших исполнителей прошлого столетия Владимира Горовица.

## II КИЕВСКИЙ ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ КУПЕЦ

(Иоахим Самойлович Горовиц –  
дед Владимира Горовица)

Начнем с истории фамилии. Когда и где появился первый Горовиц? Откуда корни этой семьи?

В 1991 году в Израиле было зарегистрировано «Общество семей Горовиц», которое существует и поныне, проводя время от времени конференции, осуществляя литературные издания на исторические темы. В это общество входят все ветви семей Горовиц, фамилии которых имеют в настоящее время различные формы написания.

В опубликованных работах членов общества, посвященных истории семьи, авторы сходятся во мнении, что сама фамилия происходит от названия небольшого городка в Богемии (Чехия) под названием *Горжовице*<sup>40</sup>. Городок упоминается в летописях еще с 13-го века. Члены семьи Горовиц происходили из левитов (священнослужителей древней Иудеи).

Еврейская Энциклопедия [11] в своей статье о роде Горовицев подчеркивает, что эта разветвленная семья преимущественно состояла из раввинов, учёных и руководителей еврейских общин, а ее истоки лежат в Испании и связаны с именем раввина (р.) Зерахьи Ѓа-Леви. В энциклопедии тоже упомянут городок Ѓоржовице (согласно

---

<sup>40</sup> 53,3 км. на Юго-Запад от Праги (46 минут на автомобиле, как утверждает карта Google) по дороге Е–50, которая из Праги идет через Пльзень и далее в Нюрнберг. Сегодня в этом небольшом городе проживают 6 600 жителей. Он славен барочным замком XVIII в. и никаких следов пребывания там семей евреев, изгнанных из Испании в XIV–XV вв., и получивших свое имя от названия города, здесь нет.

См.: <http://www.centralbohemia.cz/addressBookLang.asp?thema=391165&item=74661>

официальному написанию в период австрийского правления – **Horowitz**) расположенный в Богемии (части нынешней Чехии), в котором в конце XV века проживала семья, по названию которого она и получила в начале XVI века своё имя – «Горовиц» просто, или «Иш- Горовиц» (Человек из Горовиц), или «Иш Га-Леви Горовиц» (Левит Горовиц). Эта фамилия приобрела много различных форм написания: Горовиц, Гурвиц, Горович, и под влиянием русского произношения: Гуревич, Гурвич, Гурвиц, Гурович и т. д.

В словаре еврейских фамилий упоминаются еще и такие: Horowitz, Hurowitz<sup>41</sup>, Horovitz, Horovicz, Horwich, Hourwitz, Urwitz, Horawitz, Hurwitz, Gurwitz, Gurwicz, Gorwitz, Gurewitz, Gurevicz, Gurewitsch, Gurevitsch, Gurevich, Gorovits, Garvits, Gerevits, Gerovich, Gervets, Gorevich, Gorevits, Gorovich (Korovich, Karovich, Khorovich), Gorvich, Gorvits, Gravets, Gravits, Gur-Gurevich, Gurevichev, Gurevits, Gurovich, Gurovits, Gurvets, Gurvits (Kurvits), Dorevich, Erevits, Orovits, Urevich, Urovich, Urvich, Urvits, Ervits [9].

Основателем семьи, как утверждает исследователь истории этого рода и инициатор учреждения «Общества семей Горовиц»<sup>42</sup> – Шломо Гуревич, был раввин Ишайягу Бен Моше Га-Леви. Его сын, построивший в 1535 г. в Праге знаменитую своей красотой и величием синагогу Пинкас-шул впервые именовался как Горовиц. Полное его имя было – Агарон Мешуллам Залман Горовиц. Эти сведения можно прочитать на мемориальной доске, закреплённой на фасаде синагоги: «И пошел человек из Дома Леви, и его имя было Агарон Мешулам, и он поднялся по ступеням благородного духа по следам своих Отцов – принцев и лидеров, и он

---

<sup>41</sup> Так, например, в архивных документах г. Бердичева фамилия Гуровец встречается множество раз [ЦГИАУ Ф. 964, оп. 1, д. 2].

<sup>42</sup> См.: [http://www.microtarget.com/HorowitzAssociation/aboutus\\_cyril.htm](http://www.microtarget.com/HorowitzAssociation/aboutus_cyril.htm)

построил эту синагогу, самое роскошное из всех зданий. И его жена, госпожа Нехама, дочь благословенной памяти Рабби Менахема, была ему помощником и соратником для памяти души. В 5295<sup>43</sup> г. он начал работу, и она была закончена в честь Всевышнего, да возвысится его Имя, и в честь Торы. Здесь находится коронованное Святое общество Праги. К нему обращены глаза Всевышнего, о нем помнят и его охраняют. – Агарон Мешулам, сын благословенной памяти рабби Ишайягу, называемый **Залманом Горовицем**» [9, с. 14].

По прошествии нескольких десятилетий фамилия Горовиц стала распространённой и часто встречаемой в Европе. Члены семьи были раввинами в Праге, Вене, Гамбурге, Никольсбурге. Самыми знаменитыми среди них в XVI – XVII вв. были р. Ишайягу Га-Леви Горовиц, известный также как Святой ШЛА (аббревиатура названия его наиболее известной работы «Шней Лухот Га-Брит» – «Две Скрижали Завета»). На этот же период приходится проникновение семьи на территорию, находившуюся под российским правлением и связанная с этим русификация написания и произношения фамилии. Так, например, первым евреем, поселившимся в местечке Свенцяны в 1560 г. был Рахмиэль Гурвиц [9, с. 9].

В XVII – XVIII вв. и в начале XIX в. члены семьи были раввинами и даянами во многих городах и местечках Польши, Литвы, России, Австрии, Богемии, Моравии, Венгрии и Германии. Шломо Гуревич – автор книги «Гуревич, Гурович, Гурвич, Горвич, Гурвиц, Горовиц и другие», довольно подробно описывает множество знаменитых представителей семьи. В том числе и тех, кто известен под другими фамилиями (или

---

<sup>43</sup> Здесь автор уточняет, что 5295 г. по еврейскому календарю соответствует 1535-му году.

псевдонимами), и среди них – Карл Маркс, Герман Бернард<sup>44</sup>, Ф.И. Дан<sup>45</sup>, писатель и литературовед Ираклий Андроников и его брат-физик, академик АН Грузии Э.Л. Андроникашвили (внуки известного русского педагога Я.Г. Гуревича) [9, с. 113–121].

В Украине фамилия Горовиц встречается довольно часто. В киевских газетах второй половины XIX века повсеместно встречаются киевские, московские, одесские, уманские и бердичевские финансисты, сахарозаводчики, купцы<sup>46</sup>. Первые документально подтвержденные данные о семье великого пианиста, живших в Украине, относятся к его деду – Иоахиму Горовицу.

*Иоахим Самойлович Горовиц (1828–1906)* (илл. 14) появился в Киеве в пятидесятых – шестидесятых годах XIX века<sup>47</sup>. До настоящего времени не установлено, из какой ветви фамилии Горовиц он происходит. Если учесть упорное повторение версии о Бердичеве как месте рождения Владимира Горовица во всех его биографиях, а также в справочных изданиях<sup>48</sup>, то можно предположить, что в семье часто звучало это название. Один из авторитетных биографов Горовица, Гарольд Шонберг, сообщает, что Бердичев был ничем не примечательным маленьким еврейским городком, расположенным в восьми – десяти (?! – Ю.З.) милях от Киева<sup>49</sup> [50, р. 36], и зажиточные евреи относились к людям, родившимся в Бердичеве, с презрением. «Ни один еврей,

---

<sup>44</sup> Гирш-Бер Гурвич или Горовиц (1785–1860) один из пионеров европейского просвещения среди евреев России, писатель, педагог, общественный деятель.

<sup>45</sup> Федор Ильич Дан (Гуревич) (1871–1947) политический деятель, член ЦК РСДРП. 25.11.1917 открыл II-й Всероссийский съезд Советов.

<sup>46</sup> См., например, газету «Киевлянин» [52].

<sup>47</sup> См.: [31].

<sup>48</sup> Например, «Музыкальная энциклопедия», указывает год и место рождения В. Горовица: «1904 год, г. Бердичев» [30, с. 11].

<sup>49</sup> Между тем, хорошо известно, что Бердичев расположен более чем в двухстах километрах к западу от Киева.

рожденный в Бердичеве, а потом покинувший его и добившийся успеха, не хотел, чтобы кому-либо стало известно о месте его рождения», – пишет Шонберг [50, р. 37]. Д. Дюбаль, тоже упоминает о Бердичеве как о возможном месте рождения музыканта, и дает городу аналогичную характеристику: «Возможно, он (Горовиц. – Ю.З.) родился не в Киеве – таково было его собственное утверждение, – а в Бердичеве, невзрачном промышленном городке примерно в пятидесяти милях (?! – Ю.З.<sup>50</sup>) от Киева» [47, р. 21].

Вопиющая географическая неточность – не самый большой грех названных выше исследований. Гораздо важнее то, что Бердичев отнюдь не был в те времена «невзрачным промышленным городком». В 1909 году он относился к III-му классу городов России. К этому классу были причислены весьма значительные центры: Архангельск, Астрахань, Витебск, Воронеж, Вологда, Екатеринбург, Екатеринослав, Курск, Пенза, Оренбург и др. Киеву в этом списке присвоен II-й класс, наряду с Кронштадтом, Рязанью, Ржевом, Тверью, Серпуховым и др. [38, с. 369–371]. «Памятная книжка Киевской губернии на 1856 год», изданная редактором «Киевских губернских ведомостей» Н. Чернышевым, сообщает о значительной роли Бердичева во всем южно-русском регионе. Там же находим и упоминание фамилии Горовиц среди богатых семей города: «Г. Бердичев по своей торговой и промышленной деятельности занимает первое место в Киевской губернии. Население города более состоит из Евреев, а потому и нет предмета, которого бы турист или местный житель не мог достать в городе со значительною уступкою в цене противу других мест. Еврей хлопочет за малый процент, стараясь сбыть сегодня товар, чтоб приобрести завтра новый... Банкиры

---

<sup>50</sup> Здесь вновь путаница с расстоянием.

Бердичевские имеют сношения с заграничными банкирскими домами в Париже, Лондоне, Вене, Риме, Флоренции, Женеве, Константинополе и других местах. Из банкирских домов в Бердичеве замечательны по богатству и кредиту дом еврея Гальперина, Камянки, контора Манзона, Горовиц с сыном и проч.»<sup>51</sup> [43, с. 107, 108]. Упоминание о «Горовице с сыном» уже само по себе создает иллюзию правильности версии о бердичевском происхождении деда великого пианиста.

Вероятней всего, дед Владимира, Иоахим Горовиц, родился в Бердичеве. Это заявление не столь уж смелое, если учесть все «за» и «против» такой версии. Только в 1835 году правительственное «Положение о евреях» возложило на раввинов обязанности вести метрические книги. Иоахим же родился на семь лет ранее этого постановления и, следовательно, в метрических книгах его рождение значиться не могло. Архивные документы Бердичева свидетельствуют о наличии в городе значительного количества семей с фамилией «Горовиц». Так в «Списке бердичевских купцов 1-й, 2-й и 3-ей гильдий, подлежащих платежу свечного сбора» [77, л. 2] за 1847 год (Иоахиму Самойловичу Горовицу в это время 19 лет) имеется четыре семьи Горовицев: Шая Горовица, Янкеля Горовица, Герша Горовица и Лейвия Горовица (мы называем только глав семей, опуская жен и детей). В списках прихожан молитвенных школ Бердичева также можно обнаружить знакомые фамилии: Герш Горовиц, Борул Горовиц, Гершко Горовиц [78, лл. 721, 725]. Найти имя Иоахима Горовица, равно как и его отца

---

<sup>51</sup> К этому можно добавить такие, например, факты, свидетельствующие о значительности Бердичева среди городов Южно-Русского края: в архивах сохранились списки еврейских молитвенных школ города, которых в середине XIX в. насчитывалось 65 (!). Молитвенная школа была неотъемлемым атрибутом каждой профессиональной группы населения и, как правило, именовалась по профессиональному признаку, как, например: Молитвенная кладбищенская школа, Молитвенная школа цирюльников, Молитвенная мучницкая школа, Молитвенная больничная школа, сапожничья, портновская и т. п.

Самоила в этих и других списках и документах пока не удалось. Хотя, даже если бы это и случилось, все равно не явилось бы прямым доказательством родства, а, следовательно, и происхождения Иоахима Горовица.

Работая с архивом Киевской еврейской больницы, уже упоминавшийся историк и знаток городской старины Михаил Кальницкий обнаружил юбилейное издание истории этой больницы, написанное в 1912 году главным врачом П.Т. Нейштубе [31]. В этой книге, написанной со всей обстоятельностью и педантичной точностью, как было принято в то время, есть некоторые сведения о деде великого пианиста – Иоахиме Гровице, бывшем, как оказывается, одним из членов наблюдательного совета больницы.

Как сообщает П.Т. Нейштубе, Иоахим Горовиц в 18 лет окончил знаменитую Одесскую Ришельевскую гимназию с Золотой медалью (к сожалению, столь блестящие успехи деда не стали примером его внуку – Владимиру, который, как известно, из рук вон плохо учился во 2-й, а затем – 7-й киевских гимназиях). То, что И. Горовиц учился в Одесской гимназии, а не в более близком к Бердичеву Киеве, объясняется тем, что в Киеве до 1851 года евреям было запрещено селиться и очень сложно получить разрешение на учебу. Иоахим Самойлович стал киевлянином, видимо, ближе к шестидесятым годам XIX века, хотя упомянутый П.Т. Нейштубе датирует его появление в городе пятидесятыми годами [31, с. 194]. Такая датировка несколько смущает. Дело в том, что в свидетельстве о рождении Самоила Горовица (г. Киев, 1871 г.) в графе «отец» записано: «Бердичевский II-й гильдии купец Иоахим Самойлович Горовиц» [76, с. 61]. Следовательно, после окончания гимназии Иоахим Горовиц жил в Бердичеве и там стал купцом II-й гильдии, для чего следовало потратить некоторое время. Можно

предположить, что либо он был уроженцем Бердичева и, окончив обучение в Одессе, вернулся в родной город, либо в Бердичеве жили близкие родственники, как видим, фамилия Горовиц была довольно распространенной в городе.

Есть все основания полагать, что Иоахим Самойлович происходил не из бедной семьи. Приехав в Киев «купцом II-й гильдии», он открывает свое дело (уже в начале семидесятых годов его ранг повышается до «купца I-й гильдии»), активно занимается благотворительностью в Киевском отделении ИРМО и Еврейской больнице города. В 1873 году имена Иоахима Горовица и его жены появляются в списках «постоянных посетителей Киевского Отделения ИРМО» [32, 1872–1873, с. 11], что означает их постоянное присутствие в устраиваемых отделением концертах. Видимо, к этому времени Иоахим Горовиц приобрел достаточный вес в городе (а, кроме того, следует учесть и вероятное влияние жены, о чем – далее), так как уже в 1874 году его имя встречается в списке директоров Киевского отделения.

Директорат отделения, как правило, состоял из 5–6 человек. Избирались не только известные музыканты (в разное время членами дирекции были основоположник украинской композиторской школы Н.В. Лысенко, выдающийся виолончелист В.А. Кологривов, дирижер А.Н. Виноградский, директор музыкального училища, пианист В.В. Пухальский, музыковед и критик Н.А. Богданов), но и весьма влиятельные чиновники, а также богатые горожане (генерал-губернатор Юго-Западного края, князь А.М. Дондуков-Корсаков, жена генерал-губернатора О.И. Черткова, Киевский губернатор С.Н. Гудим-Левкович, граф К.П. Клейнмихель, граф В.Е. Канкрин, князь М.В. Кочубей, барон М.В. Штейнгель, директор 2-й Киевской гимназии, автор «Истории Малороссии»

Н.А. Ригельман, богатые меценаты А.Н. Терещенко, Л.И. Бродский). Понятно, что баллотироваться в Директорат подобного состава мог не только довольно богатый, но и очень уважаемый в городе человек. Поэтому факт выборов в дирекцию Киевского отделения И.С. Горовица следует трактовать как прямое подтверждение его высокого положения в киевском обществе.

Выборы в Директорат происходили так: 20 октября 1874 г. состоялось общее собрание КО ИРМО под председательством почетного члена отделения князя А.М. Дондукова-Корсакова. Среди других вопросов решались и кадровые: «... На основании § 48 Устава Общества, на место выбывших директоров: В.А. Рубинштейна, П.П. Демидова князя Сан-Донато, Т.Ф. Михайловского и В.А. Кологривова, а также на место находящихся в продолжительном отсутствии директоров В.М. Велинского и Н.В. Лысенко, – избраны были: А.Н. Гудим-Левкович, граф К.П. Клейнмихель, И.П. Новов и *И.С. Горовиц* (подчеркнуто мной. – Ю.З.) и кандидатами граф В.Е. Канкрин и Я.И. Томара. В течение года выбыл по собственному желанию из директоров И.С. Горовиц и на место его выбран протоколом...» [32, 1874–1875, с. 4].

Интересно, что в «Очерках» Н. Богданова в списке членов дирекции за 1874 год против фамилии Горовица в скобках написано: «не утвержден» [4, с. 26]. В официальном же документе – в «Отчете КО ИРМО» – читаем: «выбыл по собственному желанию»<sup>52</sup> [32, 1874–1875, с. 4]. Что стоит за сухими строчками протоколов доподлинно не известно. Возможно, например, такое предположение: кандидатура И. Горовица по каким-то причинам не была утверждена в

---

<sup>52</sup> В этом же отчете через несколько страниц в списке Дирекции КО ИРМО против имени И.С. Горовица значится запись: «Отказался 5 ноября» [32, 1874–1875, с. 14].

Петербурге, и поэтому уход по собственному желанию был просто лояльной формулировкой. Точно известно лишь то, что 5 ноября того же года Иоахим Горовиц подал прошение об отставке, а 4 апреля 1875 года на его место был избран М.Д. Вайнштейн<sup>53</sup>.

Факты благотворительной деятельности Иоахима Горовица мы обнаруживаем в документах музыкального училища. Так, например, в 1875-1876 учебном году в списках учеников музыкального училища встречается его стипендиат Мотель Ришь (видимо, из бедной еврейской семьи, т.к. братьев Ришь в училище было трое, и все они учились на чью-то стипендию), который, окончив училище (благодаря стипендии Иоахима Горовица), был приглашен преподавать в родном учебном заведении [32, 1877–1878, с. 3].

А с 1891 года до самой смерти (1906 г.) И. Горовиц был членом Совета Киевской Еврейской больницы [31, с. 194]. В архиве сохранились и отчеты по больнице, в которых неоднократно упоминается имя И.С. Горовица (илл. 15).

В журнале заседаний Совета за 1895–1896 гг. отражена деятельность этих достойных людей, взявших на себя заботу о больнице. Изложенные канцелярским языком протоколы заседаний свидетельствуют о большой работе членов Совета и в том числе Иоахима Самойловича Горовица.

---

<sup>53</sup> Впоследствии что-то связывало Самоила Горовица — отца пианиста с фамилией Вайнштейн. Причем, это «что-то» было весьма неприятным, т.к. в деле Киевского ОГПУ 1921 г. во время допросов Самоила выясняется, что он был причастен к какому-то весьма громкому делу, затянному ОГПУ против Вайнштейна (осужден Губревтрибуналом за недонесение попытки шантажа со стороны Вайнштейна, к 3 годам общественных работ.[10, л. 18]. Весьма вероятно, что эта «попытка шантажа» была со стороны сына того самого М.Д. Вайнштейна.

**«ЖУРНАЛ**

*Заседания Совета Киевской Еврейской больницы,  
состоявшегося 27 Февраля 1895 года*

*Присутствовали: Председатель, Губернский Врачебный  
Инспектор В.Н. Сахновский, Члены: Ал. Бродский, Лев  
Изр. Бродский, А. Гаркави, Я. Генделман, А. Гольденберг,  
**И. Горовиц**, М. Закс, Л. Зиман, П. Нейштубе, С. Фихтенголю и  
С. Шалита.*

*Прочитан и утвержден журнал предыдущего заседания.*

*1. Слушали: сообщение очередного Старшины  
Гендельмана о приходе и расходе сумм по больнице за Январь  
месяц.*

*2. ...*

*3. ...*

*Постановили: принять к сведению.*

*4. Слушали: сообщение старшины **Горовица** о  
необходимости изыскания средств на покрытие долгов  
больницы.*

*Постановили: просить финансовую комиссию представить  
соображения о денежных ресурсах больницы и о способах  
расплаты с долгами.*

*Журнал заседания Совета К.Е.б. 12 июня 1895 года*

*1. ...*

*2. ...*

*3. Слушали: проект и план постройки сараев и цейгауза.*

*Постановили: передать комиссии из г.г. Арнштейна,  
**Горовица**, Нейштубе и Фихтенгольца для окончательной  
выработки сметы расходов по этим постройкам, предоставив  
им сообразоваться с наличными средствами больницы и  
настоятельной необходимостью в постройках.*

4. Слушали: доклад очередного старшины **И.С. Горовица** о расходах по больнице за Март, Апрель и Май сего г.

Постановили: сообщение это принять к сведению; на будущее же время выработать общую форму сведений о расходах по больнице для доклада в заседаниях за прошлый месяц, что поручено А.И. Бродскому и П.Т. Нейштубе.

*Журнал заседания Совета К.Е.б. 3 октября 1895 года*<sup>54</sup>

7. Слушали: предложение Председателя Совета о составлении сметы на будущий год.

Постановили: избрать Комиссию под председательством Попечителя Льва Изр. Бродского из гг. П.Т. Нейштубе, Ал. Бродского, **И.С. Горовица**, А. Голденберга... ..на которую возложить составление сметы доходов и расходов больницы на 1896 год...» [31, лл. 2, 6–11].

Читая «Журнал» еще раз убеждаемся в том, что Иоахим Самойлович Горовиц имел довольно значительный вес в киевском обществе и был не только знаком, но и сотрудничал с наиболее влиятельными представителями аристократических, деловых, высших чиновничьих и артистических кругов города. Он умер, когда его младшему внуку и будущему великому пианисту Владимиру было три года.

О бабке великого музыканта известно немного. Гленн Пласкин в своей монографии о В. Горовице утверждает, что жена Иоахима Самойловича была пианисткой. Якобы ее слушал и даже похвалил А. Рубинштейн. Автор, как нам кажется, сознательно не акцентирует на этом внимание и не уточняет этот тезис. Тем не менее, сам факт того, что бабка Владимира Горовица имела отношение к музыке и, что весьма вероятно, и была неплохой пианисткой, объясняет активное участия И. Горовица в музыкальной жизни города, подтверждением

---

<sup>54</sup> Пункты 1–6 выпущены. – Ю.З.

чего является список «Постоянных гостей Киевского отделения ИРМО» в сезоне 1873–1874 гг. В нем – два раза повторяется фамилия Горовиц с разными инициалами: Горовиц Р.А. (№ 27) и Горовиц И.С. (№ 29) [32, 1873–1874, с. 16]. Это Иоахим Самойлович Горовиц и его жена Регина Аароновна. Весьма вероятно, что неоднократное упоминание Владимира Горовица о наличии в нем польской крови, связано именно с бабкой Региной, происходившей, скорее всего, из семьи польских евреев. Вряд ли она была чистокровной полячкой, так как, выходя замуж за иудея, должна была бы принять веру мужа, что сомнительно. Но в истории этой семьи столько загадок и фактов, не укладывающихся в рамки традиций, что и такую версию не следует отвергать. Учитывая уже известную нам версию Г. Пласкина бабушке виртуоза – блистательной пианистке, становится понятным – именно Регина привлекла Иоахима к концертной жизни города, и поэтому-то он и баллотировался в члены Дирекции КО ИРМО в следующем 1874 году. Владимир Горовиц в живых свою бабушку по отцу не застал (как уже отмечалось, Регина Самойловна, названная в честь бабки, родилась в 1899 г., а Иоахим Самойлович лишился жены в декабре 1876 г., спустя два месяца после рождения своего сына Александра), но в семье, наверное, много рассказывалось о ней, что и оставило в нем воспоминания бабке – полячке, великолепной пианистке, которые перекочевали в биографическую литературу.

Пытаясь понять сложный и противоречивый характер Владимира Горовица, причины его внезапных «уходов», вероятно, необходимо в первую очередь осознать каким страшным и неизжитым потрясением для него были «революционно – гражданские» годы. На четырнадцатилетнего юного музыканта обрушилась череда семейных трагедий: смерть

старшего брата, и скоропалительный брак, и столь же быстрый развод сестры (что довольно позорно для столь высокопоставленной семьи), и бесконечные обыски, и аресты (трижды) отца, и странная самоизоляция матери и, наконец, лишение всего привычного, что окружало его с детства: просторной квартиры, благополучия, покоя, любимой оперы, словом, того быта, который он как будто впитал с молоком матери. Все это как бы разделило его жизнь на до 1917-го и после. А «до» – была богатая уже во втором поколении, известная в городе, уважаемая семья, круг общения которой составляли богатейшие купцы города, высокопоставленные чиновники, врачи, профессура высших учебных заведений. Основа этого благополучия и высокого положения в киевском обществе была заложена дедом пианиста – Иоахимом Горовицем.

## III

**ГРАЖДАНИНА ГОРОВИЦА С.И.  
АРЕСТОВАТЬ!****(Страницы биографии С.И. Горовица)**

Отец Владимира Горовица – *Самуил (Самоил<sup>55</sup>) Иоахимович Горовиц (1871– ?)*<sup>56</sup> родился в Киеве, о чем свидетельствует запись в книге родившихся евреев в г. Киеве за 1871 г. (см.: илл.1,2). В 1894 г. он окончил физико-математический факультет Киевского университета Св. Владимира. Чрезвычайно ценные сведения содержатся в «Книге регистрации браков еврейского населения г. Киева» (см.: илл.3). Здесь обращает на себя внимание следующее: в графе «Кто именно и с кем вступает в брак, а также имена и состояние родителей» – *«Выслушавший курс наук физико-математического факультета в Университете Св. Владимира Самоил, по метрике Самоил, Иоахимович Горовиц, холост, с девицею, киевского 1 гильдии купеческой дочерью Софиею, по метрике Соня, Яковлевной Бодик»*; в графе «Главные акты или записи и обязательства между вступающими в брак и свидетели оных» – очень кратко: *«Никаких обязательств предъявлено не было»*. Обряд совершил раввин 7 июня 1894 г. [75]. Жене 22 года, мужу 23 (илл. 16). Самоил Горовиц еще не получил диплом университета. В записи он значится только как «выслушавший курс...», но не как «окончивший университет...» Однако уже через 20 дней после свадьбы, 27 июня 1894 года, он

---

<sup>55</sup> Все же правильное имя отца В. Горовица – *Сомоил*, а Самуил – скорее бытовое и привычное произношение этого имени. Отец Иоахима Горовица – *Самоил*. Поэтому дед В. Горовица во всех документах значится как Иоахим Самойлович, собственно, также как и его внуки – Владимир Самойлович, Регина Самойловна, Григорий Самойлович.

<sup>56</sup> Дата смерти точно не установлена; см. далее в тексте.

получил университетский диплом [63], который дал Самоилу довольно высокий социальный статус. Во-первых, евреи, получившие высшее образование, имели право на жительство во всех городах Российской империи, в том числе и в Киеве<sup>57</sup>. Поэтому во всех документах, которые С.И. Горовиц подавал от своего имени, он обязательно указывал: «Окончившего Университет Св. Владимира»<sup>58</sup>. Во-вторых, этот диплом давал возможность обеспечивать семью. Сразу же после окончания университета Самоил Иоахимович уехал в Бельгию и поступил в Электротехнический институт города Льеж, который окончил по специальности «инженер-электрик» в 1896 году<sup>59</sup>. До 1910 года Самоил Горовиц работал главным инженером «Всеобщей компании электричества»<sup>60</sup> в Киеве. Он был членом Киевского электротехнического общества, которое входило в более крупное объединение – Киевское Отделение Русского Императорского Технического Общества. Самоил Горовиц занимал в этой организации довольно значительный пост, и, вероятно, был одним из руководителей Киевского отделения, возглавляя электротехнический отдел Общества. Это подтверждается найденным нами в архиве письмом Киевского городского Головы от 24 января 1907 года № 194,

---

<sup>57</sup> Так на обратной стороне диплома Московской консерватории, выданного Р.М. Глиэру можно прочитать:

«Лица иудейского вероисповедания, окончившие курс Консерватории, получают право повсеместного проживания в Империи (Разъяснение Правительств. Сената 11 июня 1886г)» [Государственный архив г. Киева: Ф. 297 оп. 1 д. 62].

<sup>58</sup> См., например, в монографии автора: [15, с. 226, 282, 297].

<sup>59</sup> Известно, что Самоил был в Бельгии со своей молодой женой, но и в этом случае, когда можно было бы поверить Г. Пласкину, утверждавшему в своей монографии, что все дети Горовицев родились не в Киеве, документы не дают нам права усомниться. Метрическая книга «О родившихся евреях в Киеве в 1895 г.» свидетельствует, что Яков Горовиц родился в Киеве 30 марта 1895 г. Так что, пробыв какое-то время с мужем в Бельгии, Соня уехала в Киев рожать первенца.

<sup>60</sup> В материалах допроса С.И. Горовица Киевским Губ.ЧК указывается «Берлинская фирма» [10, л. 11].

адресованным председателю Киевского отделения<sup>61</sup>, в котором последнему сообщается о проведении в апреле – мае 1907 года в Киеве IV-го Всероссийского Электротехнического Съезда. На письме резолюция, сделанная, очевидно председателем: *«Доложить Совету и сообщить предварительно С.И. Горовицу»* (илл. 17). Это-то и позволяет сделать вывод о весьма значительной роли С. Горовица в высших кругах технической интеллигенции города [71].

В 1910 г. С.И. Горовиц совместно с братом своей жены Александром Бодиком основывает небольшую строительно-техническую фирму по энергетике сахарных заводов. Вот запись об этом, сделанная самим Самоилом Горовицем<sup>62</sup> в материалах его допросов в ЧК в 1921 году: *«В 1910 году после 14 лет службы в Киевском отделении всеобщей компании электричества (Берлинской фирмы) я открыл со своим шурином А.Я. Бодиком техническую строительную контору по Прорезной № 26, которая до войны успешно расширялась благодаря моему строительному опыту»* [10]. Видимо дела фирмы шли успешно, и компаньоны решили создать акционерное общество. Устав этого общества был обнаружен чекистами во время одного из обысков. Цифры уставного фонда, видимо, впечатлили комиссаров. Еще бы, капитал в 3 000 000 рублей для того времени сумма гигантская! Самоил Горовиц на допросе в ЧК в 1921 году старается осторожно смягчить представление о себе как о миллионере:

---

<sup>61</sup> Председателем Киевского отделения был выдающийся ученый, профессор Киевского университета и Политехнического института Георгий Георгиевич Деметц. Это еще одно подтверждение высокоинтеллектуального круга общения семьи Горовицев.

<sup>62</sup> Протоколы допросов представляют собой листы, на которых самим Горовицем написаны объяснения, в форме ответа на вопросы следователя. То, что пишет сам подследственный, не вызывает сомнений, т.к. все объяснения написаны почерком Самоила Горовица и подписаны им.

*«Относительно устава Акционерного об-ва Горовиц-Бодик разъясняю, что таковой является лишь проектом, а утвержден и осуществлен не был. Вызван же был необычайным поднятием всех цен и необходимостью сделать переоценку. Хотя основной капитал предусматривался в три миллиона, но фактически имущество фирмы по тогдашней расценке не превышало 300 000 или 400 000 руб» [10, л. 13].* Трудно утверждать каков на самом деле был основной капитал фирмы «Горовиц и Бодик», так как материалы допроса в ЧК и, в особенности, в таком щекотливом вопросе как степень богатства до революции, не дают основания считать ответы Горовица абсолютной правдой. Думается, что указанная им цифра значительно занижена, но даже, если указанная сумма в триста тысяч была бы истинной, все равно, она позволяет причислить его к той немногочисленной части киевских жителей, которая считалась очень богатой<sup>63</sup>. В июле 1920 года фирма «Горовиц и Бодик» была национализирована, что подтверждается собственноручно заполненной анкетой арестованного С.И. Горовица: «Место работы: *До июля 1920 года работал в своей технической конторе*» [10, л. 2].

В 1921 году отца В. Горовица арестовали. Об этом свидетельствует полученное нами письмо заместителя начальника Службы Безопасности Украины в котором содержатся следующие сведения: «Самійло Іоахимович Горовиць був засуджений 15 квітня 1921 року Київською надзвичайною комісією за «контрреволюційну діяльність» до п'яти років ув'язнення» [59]. Удалось разыскать материалы «Дела

---

<sup>63</sup> Годовой доход в тридцать-сорок тысяч рублей позволял причислять себя к немногочисленной высокооплачиваемой группе населения. Все же, что относилось к шестизначным числам, именовалось не иначе, как – богатство.

С.И. Горовица». Оно хранится в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины<sup>64</sup>.

Материалы этого «Дела» позволяют узнать множество новых подробностей о жизни семьи Владимира Горовица в эти тяжелые годы, а, во многом, пролить свет на истоки формирования его «сложного», как утверждают все, кто знал пианиста, характера.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с «Делом» – это исключительно высокое положение Самоила Горовица в киевском обществе. В одном из протоколов допроса подследственный, то есть, С.И. Горовиц пишет: *«По поводу официального заседания купеческого торгового класса раз'ясняю<sup>65</sup>, что стремления организовать купеческий комитет, который бы ведал всеми делами торгового класса и вырвал бы из рук русского купеческого общества, узурпировавшего все права торгового класса и распоряжавшегося всеми собираемыми суммами по личному произволу, создано еще при Керенском, при котором был издан специальный указ о торговых палатах и проводилось в жизнь каждый раз, когда этому представлялась возможность, т.е. при Керенском, Гетмане, Деникине и поляках. Я в этом принимал участие, организовав сначала отдельные союзы, которые должны были слиться в единый общий»*. [10, л. 13]. Из этого следует, что С.И. Горовиц пользовался большим авторитетом и играл значительную роль в кругах Киевского купечества. Более того, следовательно – помощник уполномоченного 6-й гр. – некий Орлик в

---

<sup>64</sup> «Киевск. Губернск. Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности при ГУБисполкоме. Регистрационно-статистическое отделение. Дело № 5293 по обвинению гр. Горовиц Самоил Иоахимович. Обв. В К-Р. Веществ. Док. № 280. Начато 20/III. Окончено 15/IV 1921 г.» [10].

<sup>65</sup> Сохранена орфография оригинала. – Ю. З.

«Обстоятельства дела» отмечает, что именно «...благодаря Горовицу С.И. (отдельные союзы. – Ю.З.) слились в крупный буржуазный союз под именем «временного комитета и объединенного купеческого комитета»» [10, л. 17].

Его влияние и известность в Киеве были таковыми, что во времена недолгого установления власти украинской государственности, то есть при Центральной Раде, Самоил Горовиц направляется в Германию в составе правительственной делегации для торговых переговоров. Об этом мы тоже узнаем из коротких ответов на допросах: *«Ввиду моих постоянных торговых связей с заграницей и знакомства с промышленными вопросами я в 1918 году при центральной Раде был приглашен ученым экспертом при заключении торговых договоров с центральными державами, принимая непосредственное участие в редакции торговых договоров с Германией и был включен в состав делегации, которая должна была ехать в Западную Европу, но поездка при Раде не состоялась.*

*При Гетмане эта поездка осуществилась и я был делегатом и провел в Германии Сентябрь и Октябрь 1918 года после чего возвратился на Украину»*[106 л. 11].

В дни недолгого пребывания в Киеве войск А. Деникина С.И. Горовиц вновь затребован и избирается председателем комиссии по «самообложению», что еще раз свидетельствует о его высоком авторитете среди богатых людей города: *«Когда в Военно-промышленном комитете было постановлено организовать комиссию по самообложению, то на меня было указано как на лицо, имеющее большой опыт в этом деле и на общем собрании в Купеческом клубе я был избран единогласно председателем этой комиссии. Деятельность комиссии была весьма кратковременной: от начала Сентября до 10 Октября,*

*ибо после 10 Октября и учиненных деникинцами погромов, деятельность совершенно прекратилась» [10, л. 12].*

Казалось бы, с приходом красных он должен был уйти в тень. Но и тут Самоил Горовиц востребован! *«При Советской власти в 1919 году я был мобилизован как представитель технического и электро-технического предприятий экспертом по комиссии по обложению чрезвычайным налогом, где состоял секретарем центральной комиссии и в моих руках было сосредоточено все делопроизводство»,* – пишет он на одном из допросов [10, л. 11]. Его привлекают к деятельности не только организаторской, но и профессиональной: *«Ввиду моих 25-ти летних сношений с Западной Европой и большого опыта в международных торговых вопросах т. Щепкин бывший председатель особой комиссии, ныне отправляемый Наркоминотделом за границу в связи с этими вопросами наметил меня взять с собой, для каковой цели я имел с ним 27 марта с/г выехать в Москву, но поездка была отложена ввиду его заболевания сыпным тифом, и в Москве я должен был представлен Красину или его заместителю в первых числах апреля. После чего я должен был возвратиться в Киев с докладом о результате нашей поездки и убыть вместе со Щепкиным в Германию через Москву» [10, л. 15].* Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что до июля 1920 года жизнь семьи была, пусть и нервной, напряженной из-за бесконечной смены властей, но, во всяком случае, обеспеченной. После же национализации фирмы, переезда из 7-микомнатной квартиры на Крещатике в трехкомнатную квартиру по ул. Житомирская, 10, двух арестов Самоила (об этом далее), наконец, его унижительной «службы» в электрическом отделе Комунхоза, жизнь семьи в корне изменилась. Неоднократные обыски, видимо, «вымели» все

признаки благополучия семьи. Надо полагать, что забрали действительно все. Свидетельством этому может служить донесение сотрудника Киевского ЧК некоего М. Солодухина. Приводим ее в оригинальной орфографии автора:

*«Заведующему Оперативной Части КГЧК*

*Донесение*

*20/III.1921*

*Доношу что по ордиру № 870 Мной пришедин обыск по Большой Житомирской в доме № 10 кв 9 в гр. Горовица при обыске ничиво ниобноружино но грозж. Горовиц ористован и доставлин в КГЧК*

*Сотрудник Оперативной Части М Солодухин» [10, л. 7].*

Незадолго перед своей смертью Владимир Горовиц так передавал свои ощущения об этом времени: «Мой отец был сломлен. Как белка, он собирал еду. Это было намного ужаснее, чем я сейчас могу рассказать» [47, р. 12].

Арест произошел 20 марта 1921 года, о чем свидетельствует и предыдущий документ, и ордер на арест, хранящийся в деле:

*«Копия треб. 290 осн. 156 20/III.21 г.*

*Выписать ордер на обыск и арест С.Е. (так в оригинале. – Ю.З.) Горовица (инженер) прожив. По Б-Житомирской 10 кв 9.*

*20/III.*

*А. Розанов*

*С подлинным верно Подпись 24/III.21 г.» [10, л. 3].*

Интересно, что Самоила Горовица после первого же допроса отпускают под подписку о невыезде:

*«Постановление*

*20/III 1921.*

*Я дежурный следователь Киев. Губ. Чрезв. Комиссии по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом, спекуляцией и преступлениями по должности, опросив гражданина Горовица Самоила по обв.: (ничего не написано. – Ю.З.)*

*арестованного Губчека по ордеру № 870 нахожусь нужным освободить под подписку о невыезде*

*Деж. Следователь*

*Маркин» [10, л. 9].*

Могут быть два объяснения такой «гуманности» большевиков: либо к 1921 году ЧК в Киеве еще не были столь кровавыми как в последующие годы, либо, что более вероятно, С.И. Горовиц был настолько крупным специалистом и обладал таким весомым авторитетом в городе, что «соввласть» очень нуждалась в нем. Последнее подтверждается и приведенными далее фактами.

Самоил Горовиц вызывался на допросы еще три раза: 24 и 29 марта, и 9 апреля.

Ответы С.И. Горовица на вопросы следователя позволяют заключить, что арест 1921 г. был не первым, а третьим в эти смутные времена. Оказывается, Самоил Горовиц был арестован контрразведкой А. Деникина по обвинению в содействии большевикам. Это произошло осенью 1919 года<sup>66</sup>: *«После ухода соввласти вскоре после занятия Киева Деникиным я был арестован контрразведкой по обвинению в сочувствии соввласти выразившегося в моих действиях в Конtribusiонной комиссии»,* – пишет подследственный [10, л. 11].

Затем из «Обоснования дела», то есть выводов следователя мы узнаем, что большевики уже арестовывали Самоила Горовица<sup>67</sup>, более того, он был осужден на три года

---

<sup>66</sup> Здесь необходимо привести некоторые данные о времени пребывания в городе «красных» и «белых». Большевики заняли Киев 6 февраля 1919 г. и были в нем с небольшими «отступлениями» (1 день город занял атаман Струк и еще один день в нем «царствовал» Петлюра) до 1 сентября. До декабря в городе были войска Деникина (исключая 4 дня в октябре, когда в Киеве снова были «красные»). Таким образом, Самоил Горовиц подвергся аресту деникинцев, очевидно, в период с сентября по декабрь 1919 г.

<sup>67</sup> За исключением четырех дней – с 13-го по 17-е октября 1919 года (думается, в четыре дня пребывания у власти красные вряд ли затеяли бы судебный процесс)

общественных работ (видимо, условно, т.к. продолжал работать) по некоему «Делу Вайнштейна»<sup>68</sup>, о котором упоминалось выше: *«При чем<sup>69</sup> его умалчивание о том, что он присужден Губревтрибуналом за недонесение попытки шантажа со стороны Вайнштейна, к 3 годам общественных работ (подчеркивание мое. – Ю.З.) без лишения свободы, также не понятна»,* – недоумевает в этом «Обосновании» следователь.

Наконец, 15 апреля 1921 г. после четырех допросов в ЧК его вновь арестовали! На этот раз ему было предъявлено обвинение, и некоторое время он провел в камере, что видно из следующих документов:

*«Секретно-оперативный отдел*

*Копия требования № 04294 Дежурному следователю*

*По ордеру 1307 поручено товарищ. Шульц произвести обыск и **внезапности** (вписано чернилом. – Ю.З.) арестовать гражданина Горовица Самоила Иоахимовича обвиняющегося*

*К.Р. и дискритиров. соввласти согласно постановления коллегии С.О.О.*

---

– это могло происходить в период либо с 16 декабря по 6 мая 1920 г., либо с 16 июня 1920 г. по март 1921 г.

<sup>68</sup> Как мы уже отмечали ранее, фамилия Вайнштейн фигурировала в связи с избранием Иоахима Горовица в Дирекцию Киевского отделения ИРМО. Тогда (в 1874 г.) на место Иоахима Самойловича Горовица был избран Мойсей Давидович Вайнштейн (1825–1910) – киевский купец, Почетный член Общества помощи бедным, попечитель Еврейской больницы. В «Деле С.И. Горовица» упоминается о «недонесении попытки шантажа» Самоила Горовица неким Вайнштейном (без указания имени). Если вспомнить, что отец пианиста был секретарем комиссии по обложению богатых людей города контрибуцией, то «попытка шантажа», видимо, была со стороны довольно богатого человека, следовательно не исключено, что это был кто-то из наследников, а скорее всего сын М.Д. Вайнштейна. Так замыкается кольцо связи этих двух семей: отцы – сначала кандидаты на место члена Дирекции Киевского отделения ИРМО, затем сотрудники в деле помощи Еврейской больнице, а сыновей связала какая-то запутанная судебная история времен становления красного террора.

<sup>69</sup> Здесь и далее оставлена орфография оригинала. – Ю.З.

*Апреля 15 дня 1921*

*к делу № 5293» [10, л.22].*

*«Анкета №*

*для арестованных и задержанных с зачислением за Ч.К.*

*Горовиц Самоил Иоахимович*

*Гражд. СССР*

*Нац. еврей*

*Состав семьи:*

*Жена София 47 л. Дом.хозяйст.*

*Дочь Ригина 22 г. Служащая*

*Сын Григорий 20 л. Служащий*

*Сын Владимир 17 л. Музыкант*

*В графе привлекался ли...*

*надпись: По делу Вайнштейна*

*Предъявленное обвинение: К-Р и дискритированный  
совласти*

*Приметы (карандаш) В. средн.роста. сид.волос на голове.  
На левой губе бородавка средн. усы, мал. борота» [10, л. 21].*

Загадкой, так и неразрешенной, явился приговор! Как уже отмечалось, в «Обосновании дела» следователь подробно перечисляет все «преступления» Самоила Горовица: участие подследственного в «купеческом комитете» при Раде и Гетмане, его председательство в комиссии по самообложению «Военно-промышленного комитета» при А. Деникине, укрывательство делопроизводства комиссии по обложению буржуазии г. Киева чрезвычайным налогом, сокрытие судимости при большевиках et cetera. Наконец, в «Заключении» следователь, он же, как это принято было в ЧК, и обвинитель делает вывод:

*«А посему, принимая во внимание*

- 1. Его деятельность в организации торгового союза под именем «объединенного купеческого комитета», который является явным противником и активно борется против соввласти, в противовес пролетарским организациям профсоюзов*
- 2. Соккрытие им, Горовицем С.И. ценных документов комиссии по обложению контрибуцией буржуазии гор.Киева для неопределенных целей, что является преступлением по должности.*
- 3. Умалчивание о его судимости Губревтрибуналом к 3 годам общественных работ без лишения свободы, а потому считаю гр. Горовица виновным*
  - 1) как явно противника Соввласти*
  - 2) в преступлении по должности*
  - 3) в ложных показаниях.*

*Полагаю гр. Горовица Самоила Иоахимовича условно заключить в концлагерь на два года без права выезда в течении этого времени из пределов Киева, прикрепить его работать как спеца инженера строителя на предприятие под наблюдением партийного товарища.*

*Дело следствия прекратить и сдать в архив.*

Итак, два года! Более того, в конце документа резолюция «высокого начальства»:

**«СОГЛАСЕН**

**Уполномоченный      подпись»**      (надпись      красным карандашом. – Ю. З.) [10, л. 18].

Тем не менее, последний лист «Дела» не оставляет сомнений в том, что С.И. Горовиц был осужден не на два года, как это предлагал следователь и уполномоченный ЧК, а на пять (!) лет:

*«Архивное дело следственное № 44194 пересмотрено в соответствии с приказом № 00511 и оставлено для дальнейшего хранения в архиве на основании п.1 перечня Горовиц Самоил Иоахимович 1871 г. р.*

*осужден на 5 лет ИТИ*

*Пересмотрел оперуполномоченный*

*ст.л-т подпись Ш.1955 г.» [10, л. 39].*

И все-таки сомнения по поводу окончательности этого приговора есть. Как указывает друг Владимира Горовица, скрипач Натан Мильштейн в своих мемуарах, в 1923 году С.И. Горовиц выезжал в Москву для организации концертов молодых музыкантов с Персимфансом (Первый симфонический ансамбль – экспериментальный симфонический оркестр без дирижера) [48, р. 47–48]. Этот отъезд (а есть все основания полагать, что отец на протяжении 1923–1924 гг. неоднократно выезжал из Киева – об этом пишут биографы пианиста) был уже нарушением приговора. Кроме того, в 1925 году, то есть спустя **четыре** года после приговора, вся семья переехала в Москву, и это нашло подтверждение в материалах последнего ареста Самоила Горовица в 1937 г. Этим фактом уже не подтверждается пятилетняя трудовая повинность в г. Киеве как следует из приговора, из чего можно заключить, что условное заключение в двадцатых годах советским режимом трактовалось как относительно мягкое наказание, и, видимо, Самоил Горовиц, хотя и был морально травмирован, все же имел свободу передвижения, работал по специальности (хоть и со значительным понижением), продолжал помогать своим детям. Либо, что менее вероятно, все же официальный приговор был **два** года принудительного труда, а приписка 1955 года была ошибочной.

Затем С.И. Горовиц жил в Киеве до отъезда Владимира за границу, а в 1925 году, как свидетельствует Регина Самойловна

Горовиц в автобиографии, переехал в Москву [42, с. 6], где работал заведующим электротехнической секцией государственного института по проектированию сахарных заводов «Гипросахар» Наркомпищепрома [60], что еще раз подтверждает высокий профессиональный потенциал Самоила, его известность в промышленных кругах.

Некоторое время после приезда в Москву его дочь Регина жила в семье и работала концертмейстером. В 1927 году она вышла замуж и переехала в Харьков [42, с. 6].

В 1930 году жена С.И. Горовица и мать Владимира Горовица – Софья Горовиц скоропостижно скончалась от перитонита после острого приступа аппендицита. Через год Самоил Иоахимович женился на женщине, значительно моложе его. В 1934 году, по свидетельству Д. Дюбаля, Самоилу Горовицу разрешили поездку за границу. Дюбаль не сообщает точное время и место его пребывания в Западной Европе [47, р. 43]. Однако Г. Шонберг пишет, что отец и сын встретились в Париже, а затем Самоил Горовиц сопровождал Владимира и его жену, Ванду Тосканини, в концертных турах по Франции, Швейцарии, Италии и Бельгии [50, р. 144–145]. Г. Пласкин отмечает, что 18 ноября, когда В. Горовиц играл на Елисейских Полях в Париже, его отец был с ним. Из этого можно сделать вывод, что С. Горовиц был в Европе не менее трех месяцев (по свидетельству Г. Пласкина, он получил визу летом 1934 года. [49, с. 153, 154]) и, конечно, видел свою внучку Соню, родившуюся у В. Горовица и В. Тосканини 2 октября 1934 года. В книге Д. Дюбаля друг Владимира Горовица, композитор Александр Штейнерт, описывает Самоила Горовица так: «Это был величественный человек шести футов роста с выражением безмерной печали на благородном лице» [47, р. 43] (илл. 18).

О трагической судьбе отца Владимира Горовица в последние годы его жизни до сих пор было известно очень мало – исследователи ограничивались констатацией факта его ареста и последовавшей вслед за этим смерти. Сейчас мы можем представить более развернутую картину событий. Как следует из письма ФСБ Российской Федерации № 10/А–4342 от 26.08.2002, полученного в ответ на наш запрос, спустя три года после возвращения Самоила Горовица в СССР, а именно, 6 ноября 1937 года он был арестован ГУГБ НКВД СССР по обвинению в том, что, «будучи антисоветски настроен, проводил вредительскую деятельность (?– Ю.З.), выпуская недоброкачественные проекты для строительства сахарных заводов» [60] (весьма распространенное в годы репрессий обвинение!) В ответе на запрос о судьбе С.И. Горовица заместитель начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ Российской Федерации отвечает, что он был осужден по ст.ст. 58–7, 58–10 УК РСФСР. «По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 28 марта 1938 года как социально опасный элемент сослан в Вологодскую область (г. Тотьма) сроком на пять лет. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 25 августа 1956 года реабилитирован» [60]. Из лагерей С.И. Горовиц не вернулся. Из устного интервью с его правнучкой, О.М. Дольберг (внучкой Р.С. Горовиц), автору стало известно, что Регина Самойловна Горовиц незадолго до начала Великой Отечественной войны навещала отца в лагере и, приехав, рассказывала семье о том, что застала его в очень плохом состоянии. Спустя несколько недель после этой поездки семья получила извещение о смерти С.И. Горовица. В архиве семьи этот документ не сохранился. По словам О.М. Дольберг, ее прадед умер в 1939 или в 1940 году.

## IV ВЛАДИМИР И ЕГО БРАТЬЯ

### (Новые факты биографий Якова и Григория Горовицев)

Отец величайшего пианиста XX столетия – Владимира Горовица, Самоил Иоахимович Горовиц (1871– ?) имел четверых детей. Автор биографии Владимира Горовица, американский журналист и редактор музыкального канала Нью-Йорка Гарольд Шонберг, называет их имена, перечисляя их «в той последовательности, как они родились»: Яков, Георг, Регина и Владимир [50, р. 40]. В действительности, оказалось, что Григорий (Георг, Жорж – как его называли в семье) был не старше Регины, а младше, появившись на свет на два года позже сестры. Найденные нами документы – записи в синагогальных книгах, заявления о принятии в музыкальное училище или консерваторию, прошения об отсрочке от призыва в армию, позволили уточнить даты рождения детей: *Яков* [Якоб] (1895 г. р.)<sup>70</sup>, *Регина* [Геня] (1899 г. р.)<sup>71</sup> *Григорий* [Жорж] (1901 г. р.)<sup>72</sup>, и *Владимир* [Володя] (1903 г. р.)<sup>73</sup>.

До настоящего времени вопрос о судьбах двух братьев крайне запутан. Г. Пласкин в своей монографии о Владимире

---

<sup>70</sup> Кроме метрики имеется еще один документ, подтверждающий точную дату рождения Якова. Это «Именной список учеников Киевской Консерватории Императорского Русского Музыкального Общества, призываемых на действительную военную службу», в котором в графе «Время рождения /год, месяц и число/» обозначено: «1895, Мартара, (так в оригинале. – Ю.З.), 30» [65]. Имя Яков было дано, очевидно, потому, что отец Сони – Яков ко времени рождения внука уже умер. Это предположение, но оно имеет в этой семье устойчивые подтверждения.

<sup>71</sup> См.: автобиография Р.С. Горовиц [42, с. 6].

<sup>72</sup> «24 сентября 1901 года», – гласит запись, сделанная 1 ноября 1912 года в книге регистраций заявлений, поданных в Киевское музыкальное училище в графе «год рождения» [67].

<sup>73</sup> См.: «Свидетельство о рождении Владимира Горовица».

Горовице пишет, что Яков – старший сын Самоила Горовица – был призван в армию и погиб во время революции, а Григорий Горовиц был «человеком эмоционально неустойчивым, очень нервным, неисправимым игроком и повесился в Ленинграде». Хотя Пласкин не уточняет даты [49, р. 48], из текста понятно, что это произошло до отъезда В. Горовица за границу. Еще один исследователь творческой биографии пианиста Д. Дюбаль повторяет ту же версию, но уточняет, что трагедия произошла в 1922 году [47, р. 42–43]. В тексте Г. Шонберга гибель Якова Горовица происходит «во время революции в начале 20-х годов». Шонберг упоминает о том, что Яков оставил после себя сына<sup>74</sup>. Григорий, по выражению автора, и вовсе «стал бродягой и на некоторое время уехал в Ленинград» [90, р. 55]. Как и в книге Г. Пласкина, у Г. Шонберга, описывающего судьбу Г.С. Горовица, тоже фигурирует Ленинград, куда он, якобы, на некоторое время уезжает. Таким образом, все три автора с большей или меньшей степенью уверенности сообщают о гибели обоих братьев пианиста до его отъезда за границу. Более того, тот же Пласкин, сочувственно добавляет, что Горовиц, как бы «забывая» о смерти своих братьев, «придумывал», что Григорий жив, работает в оркестре и преподает в консерватории. Однако, благодаря обнаружению до сих пор не известных ранее архивных документов, выясняется, что на самом деле это было не так, и один из братьев был жив, по крайней мере, до 1945 года. Изложим эту ситуацию подробнее.

Судьба старшего брата В. Горовица – Якова – загадочна. **Яков Самойлович Горовиц** (1895– ?) в 1909 году, в возрасте четырнадцати лет был зачислен в Киевское музыкальное училище в класс специального фортепиано Константина Михайлова (в списках учеников он значится под № 159) [32,

---

<sup>74</sup> О сыне Якова Горовица см. далее.

1909–1910, с. 64]. В *Прошении*, поданном Самоилом Горовицем в дирекцию училища, указано, что Яков обучался в частной гимназии В.П. Науменко, в 5-м классе [62]. Но уже в следующем году его имя исчезает из списка учеников училища на пять лет; он продолжил образование уже в консерватории только в 1914 г. В апреле 1915 г. (напомним читателю, что в августе 1914 г. началась Первая мировая война и Россия была ее активным участником) он направил директору консерватории Р.М. Глиэру письмо с просьбой выдать удостоверение о том, что он является учеником Киевской консерватории (для предъявления в «Киевское Городское по воинской повинности Присутствие»). О том, что отсрочка от призыва в армию Якову была дана, свидетельствует ответ консерватории: «Канцелярия Киевской Консерватории уведомляет, что свидетельства на № 139 и 193 об отсрочке ученикам консерватории Горовицу Якову и Гинзбургу Михаилу получены» [80] (илл. 19, 20). И все же на следующий год отсрочки уже не действуют (заметим, что Якову в 1915-м исполнился 21 год), и он был призван на действительную военную службу летом<sup>75</sup> 1916 г.<sup>76</sup>.

---

<sup>75</sup> Точную дату призыва Якова установить не удалось, но судя по фотографии, подаренной им Регине, где он снят в гражданской одежде и надписи: «На память единственной сестре от старшего из потомства» (снимок датирован 27 июня 1916 г.), в конце июня шестнадцатого года Яков был еще не призван (илл. 21).

<sup>76</sup> Призыв Якова на действительную службу в возрасте двадцати одного года (1895 г.р.) объясняется поправками к закону о воинской повинности, действующими в военное время. Высочайшим повелением «О сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках и во флоте» от 26 апреля 1906 года отсрочка от действительной службы «до достижения двадцати двух лет от роду (подчеркнуто мной. – Ю.З.)» полагалась обучающимся в средних учебных заведениях, а также в «Консерваториях Императорского Русского Музыкального Общества (подчеркнуто мной. – Ю.З.)» [38, с. 355–365]. Яков получил отсрочку в 1915 году и должен был получить ее и в следующем, 1916-м, т. к. ему еще не исполнилось двадцать два года. Но, видимо во время войны действовали иные мобилизационные правила.

Дальнейшая судьба Якова – загадка. По версии одного из биографов – Гарольда Шонберга: «Яков, старший брат Горовица, умер во время революции в начале 1920-х годов. Он оставил после себя ребёнка, у которого позже появился сын, имевший, в свою очередь, сына (это уже правнук Якова. – Ю.З.), посетившего московский концерт Горовица. Георгий, другой старший брат, умер во время Второй мировой войны» [90, р. 23].

В другой монографии о В. Горовице, принадлежащей перу Гленна Пласкина, Яков исчез еще раньше – во время Первой мировой войны, а Григорий (у Пласкина – Георг или Жорж, собственно, так его и называли в семье) повесился в одной из Ленинградских психиатрических клиник: «Его [Григория] поведение становилось все более и более странным и, в конце концов, семья была вынуждена поместить его в больницу. В Ленинграде Владимир ежедневно навещал брата до тех пор, пока его состояние не ухудшилось настолько, что доктора запретили навещать Георга даже членам семьи. Несмотря на запрет, Владимир приезжал в больницу каждый день, в надежде услышать хорошие новости или может быть, случайно увидеть брата. Однажды Владимир потребовал объяснений. Смотритель рассердился его настойчивости и раздраженно сказал, чтобы тот не надоедал своими приходами, так как Георг повесился на прошлой неделе» [49, р. 51].

Учитывая слова Гарольда Шонберга о том, что во время приезда Владимира Самойловича в Москву в 1986 г., он встречался с внуком Якова, а сына старшего брата Владимира тоже называли Яковым, можно заключить, что Яков погиб 1916 году, то есть почти сразу же после призыва в действующую армию. На чем основывается такой вывод? Еврейская традиция

называть родившегося ребенка по имени умершего<sup>77</sup> довольно устойчива, и в семье Горовицев можно проследить ее живучесть. Вспомним, Якова, родившегося в 1895 г. и названного по имени умершего отца Софьи Горовиц – Якова Бодика. В 1876 г. умерла мать Самоила – Регина Аароновна и родившуюся в 1899 г. девочку назвали Региной. Так же поступил и Александр Горовиц, брат Самоила, назвав свою дочь Региной. Так поступила и семья матери – Бодики: в честь умершего деда был назван брат Софьи – Яков Бодик. Видимо, Яков Горовиц перед уходом на войну был женат (его призвали в июле 1916 г.) и родившийся спустя положенное время сын был назван именем погибшего отца. Еще раз повторимся, что называть ребенка именем живущего отца было не принято в еврейских семьях. Эта версия кажется нам наиболее вероятной. Прийти к такому выводу заставляют и материалы дела С.И. Горовица, арестованного ЧК в марте 1921 г. В протоколе допроса Самоил Иоахимович указал состав семьи, где указано трое детей – Яков отсутствует. Выписка из дела НКВД, в которой указан состав семьи арестованного по состоянию на октябрь 1937 года также не обнаруживает Якова, но зато там присутствует Георг: «Состав семьи: жена – Берта Ефимовна; дочь – Регина Либерман, проживает в Харькове; **сын – Григорий, ассистент школы им. профессора П.С. Столярского в г. Одессе** (подчеркнуто мною. – Ю.З.); сын – Владимир, пианист, проживает в г. Париже [60]. Мы не можем усомниться в верности этих сведений, так как Самоил Горовиц понимал, что все, что он скажет на допросах, проверяется. Таким образом, Григорий ко времени своей мнимой гибели (самоубийство) был вполне жив и не без успеха работал в одном

---

<sup>77</sup> «Для еврея эта процедура (обрезание. – Ю.З.) является актом приобщения его к народу, и во время церемонии ребенку дают имя – как правило, традиционно еврейское (принято **давать детям имена умерших родственников** или известных своим благочестием людей)» (выделено мною. – Ю.З.) [17, с. 288].

из престижных музыкальных учебных заведений. А вот Яков, скорей всего, погиб.

Документальное подтверждение гибели Якова в Ленинграде не обнаружено. На запросы в архивы Санкт-Петербурга и Ленинградской области получены неутешительные ответы. Так работники Объединенного архива Санкт-Петербурга сообщили, что истории болезни в психиатрических клиниках хранятся 50 лет и по истечении срока подлежат списанию, то есть в архивы не поступают, а Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ссылаясь на Перечень типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения, указывает на еще более краткий срок хранения историй болезней – 25 лет (письма от 02.03.2004 № 224 и 09.01.2004 № 1837/т ). На запрос в архив ЗАГСа был получен неутешительный ответ:

|                            |                            |
|----------------------------|----------------------------|
| «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ               | Дирекция международного    |
| ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ      | Конкурса молодых пианистов |
| САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ЦГА СПб) | памяти В. Горовица         |
| Варфоломеевская ул., д.15, | Зильберману Ю.А.           |
| Санкт-Петербург, 192171    |                            |
| Тел.560-68-64              |                            |

13.09.2004 № 544/т, 1331/т

*В неполных документах архивного фонда – коллекции «Акты гражданского состояния г. Ленинграда и Ленинградской губернии» сведений о регистрации смерти **Горовица Якова Самоиловича** по Володарскому, Выборгскому, Центральному району (районы, расположения психиатрических больниц) г. Петрограда в 1923 м-1924 годах НЕ ОБНАРУЖЕНО.*

Зам. директора архива                      подпись                      И.В. Румянцева»

История жизни и смерти братьев Владимира Горовица стала еще более загадочной после получения авторами письма от некоего А. Фрэнка Адамсона, проживающего в городе Фелтон штата Калифорния в США, в котором автор пишет о своем знакомстве с Якобом Горовицем – племянником пианиста Владимира Горовица – во время II-й мировой войны. Впрочем, приведем письмо полностью, так как этот любопытный документ еще больше запутывает официальное горовицеведение и ставит множество вопросов перед исследователями (перевод письма сделан автором):

«Дорогие господа и дамы! Я впечатлен вашим конкурсом Горовица и люблю музыку. Владимир Горовиц – мой любимый пианист.

Я бы хотел связаться с Якобом Горовицем, племянником Владимира, если он еще жив. Я познакомился с ним в Багдаде во время II-й мировой войны, когда он был офицером Британской армии. Так как мне сейчас 81 год, а он, наверное, немного старше, возможно его уже нет в живых, но я надеюсь, что он жив. Тогда он говорил, что *его родители были убиты нацистами* (выделение мое. – Ю.З.) и он бежал в Англию. Он был специалистом по семитским языкам, и я помню статью, которую он писал для американского журнала после войны. Она называлась: «Жизнь с кочевыми племенами». Я старался связаться с ним годами, включая поиск по Интернету, но не знаю больше того, что он сын одного из братьев Горовица, Георга или Якоба. Если вы дадите мне любую информацию, я буду вам очень признателен. С уважением, А. Фрэнк Адамсон».

В следующих двух письмах А.Ф. Адамсон уточнил свои воспоминания. Он дополнил, что родители его знакомого Якоба Горовица жили в Будапеште, а сам Якоб учился в университете г. Праги и, когда он вернулся домой после обучения, то узнал,

что его родителей убили нацисты; что в Англии, куда Яков сбежал от преследования нацистов он получил назначение на должность главы Информационной службы в Багдаде, благодаря своим языковым способностям; что Яков посылал сообщения своему дяде в США и получал от него ответы.

Напомним: Шонберг в своей книге о Горовице упоминает о ребенке Якова, следовательно, можно было бы предположить, что упоминаемый А.Ф. Адамсоном племянник Горовица, Яков и был сыном старшего брата великого пианиста, однако «родители в Будапеште» не вписываются в известные нам факты.

Наши поиски в архивах Британской армии, к сожалению, тоже не увенчались успехом: заместитель военного атташе Посольства Великобритании майор S.I. Mehers прислал подробное письмо, в котором перечислил все организации, куда был направлен запрос<sup>78</sup> и все ведомства подтвердили отсутствие каких-либо сведений о Якове Горовице.

В материалах «Дела С.И. Горовица» от марта-апреля 1921 г. в графе «Состав семьи» Самоил Иоахимович указывает только троих своих детей: Регина, Григорий, Владимир. Приходится признать, что наиболее верным было бы считать, что Яков погиб в первые же месяцы после его призыва в армию, то есть в лето – начало осени 1916 года.

**Григорий Самоилович Горовиц**<sup>79</sup> (24.09.1901 – 30.06.1946) в 1912 году, видимо, пытался поступить в Киевское музыкальное училище. По каким-то причинам – может быть потому, что

---

<sup>78</sup> Запросы были посланы в Музей войны Британской империи, архив Объединенных сил, Королевский британский легион, Поисковую солдатскую службу, офис Национальной статистики.

<sup>79</sup> Книги регистрации еврейского населения Киева (раввинские книги) сохранили почти все значительные для биографии Владимира Горовица документы: метрики Самоила и Сони, свидетельство об их бракосочетании, метрики их детей: Якова, Регины, Владимира. Лишь в книге родившихся в 1901 г. вырваны страницы записей родившихся с конца августа до начала ноября (Григорий родился 24 сентября 1901 г.).

поздно подали заявление, – ему было отказано. В книге регистрации учеников училища записано: «Горовиц Григорий Самойлович (24 сент. 1901 г.), 1 ноября 1912 г., скрипка – ОТКАЗАНО» [67]. Через два года, в 1914 году, Григорий поступил в консерваторию в класс скрипки М.Г. Эрденко<sup>80</sup>. Он учился в консерватории как минимум до 1920 года, что подтверждается следующим документом: «В Киевскую консерваторию от Григория Самойловича Горовиц. Прошение. В виду того, что я временно выступил из Консерватории вследствие отъезда из Киева моего Профессора Эрденко, в настоящее время прошу вновь об обратном зачислении меня в число учеников Консерватории по классу скрипки Профессора Бертъе. Подпись. г. Киев, 6 Марта 1920 г.» [61]. Успехи Григория, видимо, были не столь блестящи как у сестры и младшего брата, и все же 16 декабря 1917 г. в публичном ученическом концерте он исполнил I часть Концерта для скрипки Дж.Б. Виотти (см. илл. 11) – произведение, скорее относящееся к ученическому репертуару студентов нынешнего музыкального училища (кстати, в этом же концерте играл и его младший брат Владимир) (илл. 22).

Видимо Григорий Горовиц, как и его брат Владимир, не окончил консерваторию, т.к. в книге выдачи дипломов его имя не значится. Но в 1923 г. его имя «всплывает» в газете «Пролетарская правда»: «В Киеве организуется Государственная Филармония на кооперативных началах. Учредителями являются Губполитпросвет и инициативная группа в лице народных артистов Л.П. Штейнберга, Н.А. Виленского и Г.С. Горовица (подчеркнуто мною. – Ю.З.). Пайщиками предполагаются исключительно Госучреждения, как-то: Губисполком, Губполитпросвет, Губпрофсовет, Культотделы союзов, Комхоз и др. Государственная

---

<sup>80</sup> Блестящий скрипач-виртуоз, концертировавший по всей России и за рубежом.

филармония ставит своей целью развитие культурно-музыкальной деятельности и представляет широким пролетарским массам возможности ознакомиться с высокохудожественными образцами искусства» [54, 17.02.1923]. (Таким образом, в начале 20-х годов Г.С. Горовиц был одним из ведущих организаторов музыкальной жизни Киева?!). В этом же номере газеты помещен анонс двух концертов Владимира Горовица и Натана Мильштейна (25 и 27 марта 1923 года), по-видимому, устроенных не без участия Григория (илл.23). Учреждение, названное «Государственной Филармонией», просуществовало менее года. В декабрьском номере журнала «Музыка» помещены две заметки, проливающие свет на ее деятельность: «Осінній сезон у Києві відзначився абсолютною відсутністю серйозних концертів. Значні концертанти обминають чомусь Київ». И в том же номере журнала: „Госфилармонія на чолі з Л. Штейнбергом ліквідувалася з колосальним дефіцитом» [56, 1923, № 9, с. 34]. Далее следы Григория Горовица теряются. Остается только свидетельство его отца Самоила о том, что Григорий на момент его ареста, то есть в 1937 году, работал ассистентом в Одесской школе им. П. Столярского. Но что он делал до 1937 года, почему оказался в Одессе?

Зная нравы того времени, мы запросили ФСБ России: нет ли в архивах КГБ СССР каких-либо сведений о Григории Самоиловиче Горовице? Достаточно быстро пришел ответ, подтверждающий наши предположения:

*«ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ      Экз. №1  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

*Управление регистрации и  
архивных фондов*

*04.06.04 № 10/А-2526*

*Генеральному директору  
международного конкурса  
молодых пианистов*

*памяти Владимира Горовица  
Заслуженному деятелю  
искусств Украины  
Зильберману Ю.А.*

*03062, Украина, г. Киев,  
ул. Кулибина, д. 6-а, кв. 12*

*В связи с Вашим обращением сообщаем биографические сведения о Горовице Г.С., имеющиеся в его архивном следственном деле.*

*Горовиц Григорий Самойлович, 1899<sup>81</sup> года рождения, уроженец г. Киева, проживал в Москве, на момент ареста безработный. Арестован органами ОГПУ СССР 19 июля 1930 года по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-10<sup>82</sup> УК РСФСР.*

*По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР от 16 августа 1930 года осужден к 3 годам лишения свободы (сослан на Соловки). Реабилитирован в 1989 году.*

*Сведениями о Горовице Якове не располагаем.  
Заместитель начальника Управления (подпись) Л.Б. Павленко»*

*Итак, Григорий Горовиц отсидел три года на печально знаменитых Соловках! Естественным теперь представляется его*

---

<sup>81</sup> Зачем Григорий Горовиц «приписал» себе два года – непонятно. Может быть, он хотел избежать призыва в армию? Учитывая свидетельство Г. Шонберга [50, р.38] о том, именно Григорий «подчистил» паспорт Владимира и сделал брата на год моложе, примем версию, что и свой паспорт Григорий мог точно также подделать и стать на два года старше. Естественно он не мог родиться в сентябре 1899 г., т. к. Регина родилась в конце декабря того же года. И уж совсем не кощунственно было бы предположить, что и отсутствующие (вырванные) страницы раввинской книги за 1901 г. – тоже дело рук Григория Горовица (напомним, что в 1923 г. Г. Горовиц должен был быть призван в армию – ему исполнялось 22 г., но ни в 1923 г., ни в следующем 1924 г., ни 1925 г, когда семья переехала в Москву, он так и не был призван).

<sup>82</sup> Печально известная и фатальная для семьи Горовицев, впрочем, и для многих сотен тысяч других жителей СССР, статья.

появление в Одессе – ведь по законам того времени после ареста и «отсидки» он не имел права проживать в столице.

Еще одним свидетельством пребывания Григории в Одессе служат три фотографии из личного архива Владимира Горовица, хранящегося в библиотеке Йельского университета. Одна из них хорошо известна – она опубликована в монографии Г. Шонберга<sup>83</sup>. На фото: отец и двое его детей – Регина и Григорий. Шонберг и видел, наверное, только ее одну и только лицевую часть. А три, да еще с такими выразительными подписями, несут огромную эмоциональную и смысловую энергию. На всех трех снимках<sup>84</sup>: отец, Григорий и Регина. На первом снимке отец – слева. На него очень задумчиво смотрит Григорий. В центре Регина, смотрящая загадочно-призывным взглядом на зрителя. На втором – в центре – улыбающийся отец, обнимает тоже улыбающихся Григория и Регину. На третьем – все трое сосредоточены и задумчивы. На обороте каждой фотографии есть надпись. На первой: «Одесса IX. 33» На второй: «Мы довольны, потому что ты существуешь! Одесса IX. 33» И, наконец, на третьей, что опубликована Шонбергом: «Мы мрачны, потому что ты не с нами. Одесса IX. 33. Все три фотографии были либо посланы Владимиру Горовицу почтой, либо, что более вероятно, их привез отец, когда через год приехал к сыну в Париж. Эта версия более убедительна, так как почтой, наверное, был бы отослан один снимок, но не все три.

Григорий был осужден 16 августа 1930 года на три года ссылки. Снимки сделаны в сентябре 1933 года. Следовательно,

---

<sup>83</sup> К сожалению фотография почему-то датирована 1932 г. А надпись гласит, что сделана она в Москве. Думаем, что в одном из интервью В. Горовиц показал Г. Шонбергу фото и дал сделать с него копию, а обратную сторону снимка не показал. Отсюда и вполне благополучная на вид надпись в книге Г. Шонберга: «Отец Владимира Горовица Самуил, его сестра Регина (Геня), его брат Георг, Москва, 1932».

<sup>84</sup> №№ 148/2579; 148/2580; 148/2581 архива библиотеки Йельского университета.

отец и Регина приехали в Одессу к Григорию сразу же после его освобождения и эти фотографии – доказательство их радости того, что они снова вместе, что Григорий свободен, что все плохое уже позади (илл. 24–29).

Поиски в Одессе письменных свидетельств не дали. Но устный рассказ дочки хозяйки дома, где квартировал Григорий Горовиц, пролил некоторый свет на его жизнь в Одессе. Пожилая женщина рассказала, что помнит Григория: он де, когда получал посылки или деньги (она не помнит, что это было, но думает, что один раз в месяц он получал что-то), обязательно угощал ее всякими сладостями. Еще она помнит, что он влюбился в какую-то женщину (вроде бы концертмейстер в школе Столярского) и уехал из Одессы с ней. Архив школы Столярского не сохранился и потерян во время второй мировой войны, поэтому документы о работе Григория не найдены. Предположив, что его опять могли арестовать (особенно, если учесть, что отец был вновь арестован НКВД в Москве в 1937 г.), мы запросили Службу Безопасности Украины и получили отрицательный ответ. Трудно предположить, что делал Григорий в сороковые годы после отъезда из Одессы, но летом 1944 года он появляется в Таганроге. Упоминание об этом городе как месте работы Григория встречается в монографии Г. Пласкина о Владимире Горовице, но трактовать это как действительный факт было достаточно проблематично. Автор утверждает, что пианист не хотел вспоминать свою «российскую» молодость и, в первую очередь свою семью, поэтому и придумывал для них, уже давно не существующих, какие-то мифические места работы в СССР: *«Когда успех и любопытство публики, в конце концов, сделали необходимым обсуждение его происхождения, он иногда выдумывал (подчеркнуто мною. – Ю.З.) иную семью. Он*

утверждал, что его брат Яков был старше его на 14 лет<sup>85</sup>, и они почти не знали друг друга. Георга он описывал поочередно то, как «играющего на скрипке в Московском симфоническом оркестре» то, как «преподавателя по классу скрипки в Таганрогской консерватории». Он никогда не упоминал о трагической смерти брата» (имеется ввиду история «смерти» Георга, повесившегося в психиатрической лечебнице г. Ленинграда, изложенная Пласкиным в главе о концертах Горовица и Мильштейна в Ленинграде в 1923 году) [49, р. 64]. Пласкин даже не мог себе представить, что Горовиц знал, видимо, почти все о жизни своих близких и говорил правду.

Подтверждением того, что В. Горовиц был прекрасно осведомлен о судьбе своего брата Григория, служило письмо одного из читателей, присланное в ответ на публикацию в газете «Московские новости» небольшого фрагмента из книги Натана Мильштейна и Соломона Волкова «Из России на Запад».

### **«Брат Владимира Горовица?»**

(Воспоминания Соломона Волкова<sup>86</sup> «Бах для диктатуры пролетариата» получили неожиданное продолжение)

#### **Владимир Куликов**

*В сентябре этого года в городе Таганроге я разговорился с давней знакомой. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, услышал от нее фамилию – Горовиц. То, что прозвучало потом,*

---

<sup>85</sup> Можно предположить, что автор просто не понял или недопонял слова В. Горовица. Очевидно, пианист имел ввиду исчезновение из дома Якова (он ушел в армию в 1916 году), когда младшему из братьев – Владимиру Горовицу в то время не исполнилось еще четырнадцати лет. Это подтверждается дальнейшим текстом: «...и они почти не знали друг друга».

<sup>86</sup> Пусть читателя не смущает то, что в газете не назван истинный автор этих воспоминаний – Натан Мильштейн. Это, видимо, неискоренимый рудимент советской газетной практики. Заголовок же заметки «Бах для диктатуры пролетариата» – есть название одной из глав книги Н. Мильштейна и С. Волкова «Из России на Запад».

*очень походило на письмо, так и не нашедшее своего адресата. Потом, уже в Москве, листая «Московские новости», в № 38 наткнулся на публикацию о Владимире Горовице, подготовленную Соломоном Ниже – то, что я услышал от моей знакомой.*

*Знакомая: Мне довелось учиться, правда, совсем недолго, у настоящего музыканта. И знаешь, у кого? У Горовица.*

*Я: Каким образом?*

*Знакомая: Горовиц появился в Таганроге в 1943 году. Он запомнился мне вечно голодным, в драной шинели и всегда со скрипкой. У Григория Самойловича Горовица я проучилась в музыкальной школе чуть больше года. Он не скрывал, что он еврей. Часто называл себя неудачником. Говорил, что его брат – известный пианист в Америке, сестра Регина – аккомпаниатор в Москве. Примерно через полгода на моих глазах его арестовали, потом через некоторое время освободили. Он снова был в школе, но недолго. В 1944 году Григорий Горовиц умер. Первое время мы с подругой ходили на его могилу. Потом что-то произошло, там все перегородили. Уже не помню, прошло 60 лет» [55, № 38].*

Конечно, хотелось получить более надежное подтверждение пребывания Григория в Таганроге и на наш запрос пришло уже документальное подтверждение, исключаящее всякие подозрения о том, что Владимир Горовиц говорил неправду, рассказывая о своем брате: «На Ваш запрос в Архив г. Таганрога от 18.10.05 г. № 971 сообщаем: что Григорий Самойлович Горовиц действительно работал в Таганрогской детской музыкальной школе имени П.И. Чайковского преподавателем по классу скрипки с 11 июля 1944 г., заведующим учебной частью с 19 августа 1944 г. Уволен 23 марта 1945 г. Копии приказов прилагаются».

Как видно из архивной справки, знакомая автора письма в «Московские новости» ошибалась во времени примерно на

год. Присланные нам приказы по Таганрогской музыкальной школе им. П.И. Чайковского, где трудился Г. Горовиц, уточняют время, когда он приступил к работе, должности (сначала просто преподавателя, затем завуча школы) и, наконец, причину увольнения:

Копии приказов Таганрогской музыкальной школы имени П.И. Чайковского (написаны от руки. – Ю.З.) (илл. 30):

*«Приказ № 52 от 12 июля 1944 г.*

*§ 1. С 11-го июля 1944 г. назначается на должность преподавателя по классу скрипки Григорий Самойлович Горовиц, согласно назначения Главным (исправлено на: Главного) Управлением (исправлено на: Управления. – Ю.З.) по делам Искусств при СНК РСФСР (так в текстею – Ю.З.) от... №... (нет ни даты, ни номера. – Ю.З.).*

*§ 2. Бухгалтеру музшколы тов. (очень неразборчиво. – Ю.З.) Баребати (или Банбати – Ю.З.) М.П., согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 21/XI 1931 г. оплатить тов. Горовицу:*

- 1. Стоимость билета и плацкарт в жестком вагоне из Назрани (неразборчиво. – Ю.З.) до Таганрога.*
- 2. Суточные в размере 1/30 из оклада 900 р. И единовременное пособие в размере 900 р.*
- 3. Начислить зарплату за время нахождения в пути и за 6-ть дней для сборов и устройства.*

*§ 3. Временно за июль и август 1944 г. устанавливается зарплата Г.С. Горовиц в размере девятьсот (900) руб. до начала учебного года*

*Приказ № 12*

*От 19 августа 1944 г.*

*§ 1. С 19 августа с.г. освободить т. Черенкову Р.Ф. от заведования учебной частью с оставлением ее в качестве педагога по специальности фортепиано.*

§ 2. На педагога по классу скрипки т. Горовица возложить обязанности заведующего учебной частью с 19 августа 1944 г.

Основание: Приказ № 161 от 18 августа 1944 г. по Обл. отделу Искусств и докладная записка о сдаче и приеме дел.

Директор Евлевитская

Приказ № 28

От 31 марта 1945 г.

§1. Педагог музыки Сушков В.А. освобождается от работы в школе с 7 марта с.г. в связи с мобилизацией его в ряды РККА.

§2 Заведующего учебной частью и педагога по кл. скрипки музыки Горовица Г.С. **полагать снятым с работы, в связи арестом НКВД** (подчеркнуто мною. – Ю.З.), с 23 марта с.г.

§3 Завхоза музыки Капелист Е.А. освободить от занимаемой должности в музыке с 1 апреля с.г.

Основание: Решение ВТЭК от 30 марта 1945 г. о переводе на инвалидность.

Директор Евлевитская»

Итак, Григорий Самойлович Горовиц вновь как и в 1930 году арестован НКВД! Приказ по музыкальной школе № 28 от 31 марта 1945 года не оставляет в этом сомнений. Формулировка первой половины фразы «полагать снятым с работы, в связи с арестом НКВД» хоть и благозвучнее, и мягче, чем категоричное «считать», не спасает от фатальности ее продолжения.

Но если Григорий был арестован НКВД и умер в тюрьме, то он не мог быть похоронен на гражданском кладбище. Значит, его выпустили из тюрьмы, что крайне редко случалось в те годы. Запрос в Федеральную Службу Безопасности по Ростовской области не дал ничего. Ответ фактически лишь подтвердил истину о «преемственности» кадров этой организации:

**«ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

## УПРАВЛЕНИЕ

по Ростовской области

17.01.06 г. № 6/9-74

344082, г. Ростов-на-Дону

ул. Б. Садовая, 31

Ha № 988 om 12.12.2005 г.

Сообщаем, что Управление ФСБ России по Ростовской области и ИЦ при ГУВД Ростовской области сведениями о применении политических репрессий, а также судьбе Горовица Г.С. не располагает.

*Начальник отдела*                      *подпись*                      *В.В. Призов»*

И все-таки оказалось, что версия той самой «знакомой» о смерти Григория в Таганроге тоже подтвердилась:

«На Ваш запрос № 971 от 18.10.2005 года городской отдел ЗАГС. Таганрога Ростовской области подтверждает наличие актовой записи о смерти № 149 от 30.06.1946 г. составленную Ленинским ОЗАГС г. Таганрога на Горовица Григория Самойловича, умершего 29 апреля 1946 года в г. Таганроге в возрасте 46 лет

Зам. начальника отдела ЗАГС      подпись      Н.А. Шпачук  
исполнила:      подпись» (илл. 31).

Видимо, Григория и на этот раз выпустили из тюрьмы, и он умер, находясь на свободе. Трудно сказать, от чего он умер (в выписке из архива указано: «кровоизлияние»), но вполне возможно, что «от тюрьмы».

## V ИНОРОДЦЫ

### (Владимир Горовиц и «еврейский вопрос» в России)

Страницы биографии этой семьи были бы не полными, если не коснуться сложной и болезненной темы жизни евреев в России.

Киев Владимира Горовица – это один из немногих в огромной Российской империи «музыкальноцентрический» город, бурно развивающийся, привлекательный для инвестиций и, что очень важно, многонациональный. По данным за 1919 год население Киева составляло 544369 жителей, из которых: 232149 русских, 136775 украинцев, 114524 евреев, 36828 поляков и 24369 – других национальностей [13]. Таким образом, евреи составляли одну пятую от общего количества обитателей города, несмотря на множество ограничений, поставленных ранее правительством для проживания в нем. Эти данные, между прочим, свидетельствуют о существенном росте еврейского населения Киева за 10 лет, поскольку известно, что в 1910 году в городе проживало 417910 жителей, из них евреев – 50792, то есть – 10,84% [13].

Конечно, погромы, прокатившиеся по всей стране в первом десятилетии XX в., не могли не оставить след в сознании киевской еврейской интеллигенции, к каковой принадлежала семья Горовицев. Вероятно, они имели определенное отражение и в сознании младшего представителя семьи – Владимира Горовица. Это просматривается в материалах всех упоминавшихся ранее монографий о Горовице, где, рассказывая о своем детстве и юности, пианист непременно подчеркивал определенную «враждебность» своего киевского окружения. Поэтому нам представляется важным проследить общую политику правительства России по отношению к евреям и,

в особенности, их положение в Киеве — начиная с их национального и социального «самочувствия» и кончая условиями существования, возможностями получить образование и проч.

В интервью известному американскому журналисту Гарольду Шонбергу Владимир Горовиц, рассказывая о своем детстве, затронул «больную» проблему антисемитизма, характерного, как писал впоследствии в своей книге о великом пианисте, Г. Шонберг особенно для Украины [50, р. 47]. Горовиц вспоминал о гимназии, в которой он учился, отмечая, что в классе было 40–45 учеников, из которых 4–5 — евреев<sup>87</sup>. В этом интервью Горовиц делает странное, на первый взгляд, признание: «Я входил в этот ценз, и учителя меня очень любили. Я скажу Вам почему. Обычно евреи были лучшими учениками. Они получали все награды, и за это каждый испытывал к ним чувство ненависти (!?), но я никогда не был прилежным. Меня интересовала только музыка. Другими словами, я не был хорошим учеником, игнорировал учебу, и все меня любили за это»<sup>88</sup>. Можно сказать, что тон этого высказывания несколько заискивающий есть одним из проявлений так называемого «вынужденного поведения». Горовиц как будто стесняется своего еврейского происхождения и старается отстраниться,

---

<sup>87</sup> Одно из двух: либо Горовиц преувеличивает, так как процентная норма для Киева составляла не 10%, а 5%, либо в Киеве действительно смотрели на постановление Министерства народного просвещения сквозь пальцы и позволяли учебным заведениям значительно превышать процентную норму евреев, примером чему может служить Киевское музыкальное училище, где эта норма превышалась в десять раз (См. далее).

<sup>88</sup>[50, р. 47] Известны и прямо противоположные факты, изложенные современником В. Горовица — К. Паустовским, тоже гимназистом, и тоже киевлянином. Последний рассказывает о том, что накануне выпускных экзаменов в 1-й Киевской гимназии выпускники собрались тайно от соучеников-евреев и постановили: каждый отличник обязан получить хоть на одном экзамене «четверку» и лишиться возможности получить золотую медаль. Все золотые медали должны достаться евреям, так как без нее они не могли поступать в университет. См.: [33, с. 250–251].

отделить себя от тех «евреев-умников», не выделиться, показаться таким как все. Между тем подобное социальное поведение было довольно характерно для некоторой части российской еврейской интеллигенции, представители которой старательно отгораживались от своих соплеменников, подчеркивая свою «европейскость».

Интересно, что Ванда Горовиц-Тосканини подметила это в характере Самоила Горовица: по свидетельству Г. Шонберга, она считала своего свекра «немного антисемитом» [50, р. 145], а сам Владимир Горовиц, по мысли автора, разделял еврейскую разновидность антисемитизма, то есть «не особенно любил «еврейских евреев» [там же]. Это болезненно-острое отношение к своей национальности, принадлежности к особой группе людей, вырабатывалось благодаря прививаемому с детства ощущению враждебности окружающего мира. Более часто такое чувство возникало в тех семьях, которые жили не в окружении своих соотечественников, в каком-нибудь маленьком городке черты оседлости, а вырывались из своей среды, оканчивали высшие учебные заведения и селились в больших городах – но уже не среди своих соотечественников, а скорее по своему профессиональному статусу, в родной по образованию и знаниям, и все же в чем-то чужой для них национальной среде. У этих евреев, которые причисляли себя к «европейской интеллигенции», иногда развивалось даже чувство неприязни к своим соплеменникам, их замкнутому жизненному укладу, суеверию, и, особенно, к их религиозному фанатизму. Такому «еврейскому антисемитизму» способствовала официальная позиция государства, постоянно ущемляющая евреев в правах и благословляя их бесправие перед другими.

Часто одинаково остро критиковались две, казалось бы, диаметрально противоположные тенденции в русском еврействе.

Одна из них – естественная для проживающей в чуждой национальной и религиозной среде группе людей – центростремительная. Для этой тенденции характерными были чрезмерная религиозная замкнутость, доходящая порой до полной замены изначальной традиционной религии ее антиподом (так можно трактовать крайнюю степень проявления хасидизма, доходящую до поклонения цадику как Богу)<sup>89</sup>. Противоположная центробежная тенденция чаще встречалась в молодежной среде. Ее характерными особенностями был, во-первых, атеизм, во-вторых, стремление максимально удалиться от характерных национальных, или приписываемых нации черт [64, с. 260–262]. Для первых – средой обитания были местечки и города Киевской, Черниговской, Черкасской губерний. Для вторых – студенчество крупных городов России.

Характерным примером отрицательного отношения к традиционному иудаизму, цадикам, а также хасидизму, широко распространившемуся в малых городах Украины, в основном, в черте оседлости, служат высказывания евреев-писателей, таких как А. Ковнер и Г. Богров<sup>90</sup>. Оба писателя были известными общественными деятелями, посвятившими всю жизнь идеям просвещения евреев. Однако в их статьях, письмах и художественных произведениях часто встречаются нотки глубокого презрения к невежеству патриархального, провинциального еврейского быта. Так у А. Ковнера в письме, датированном 1901 годом к В.В. Розанову встречаем, чуть ли не антисемитское: «Да, признаться, и я, несмотря на семитическое

---

<sup>89</sup> Об этом см. подробнее: [64, с. 25–68].

<sup>90</sup> Авраам-Урия Ковнер (1842–1909) – литератор, критик, общественный деятель, респондент Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Розанова. По определению последнего «Писарев еврейства». См. о А. Ковнере: [7, с. 147]; Григорий Исаакович Богров (Бехарав) (1825–1885), (дед Дмитрия Богрова – убийцы Столыпина) – писатель, зачинатель русско-еврейской литературы. См.: [21, с. 479–480].

происхождение, тоже их (евреев. – Ю.З.) не люблю (подчеркнуто мной. – Ю.З.), но меня ужасно мучает и терзает их нищета, их борьба за существование, их невыносимое положение в России»<sup>91</sup>.

Основоположник еврейской литературы, представитель так называемого «просвещенного русского еврейства» Г.И. Богров, одинаково ненавидящий беспросветную тупость религиозных фанатиков-ортодоксов и модную социалистическую идею у еврейской молодежи, пишет Я.Л. Тейтелю, – первому в России еврею–судебному следователю, общественному деятелю, руководителю Общества поощрения высших знаний среди евреев в 1875 году: «...Никто из евреев теплее меня не относится к своей многострадальной нации, хотя, быть может, никто глубже меня не презирает его идиотски подлое духовенство (подчеркнуто мной. – Ю.З.), с его бессмысленною, теологической курьезною схоластикой, никто более меня не ненавидит наших квазипредставителей, вынырнувших из сивушной бочки» [64, с. 260–261]. Еще более резко Г. Богров высказывается о молодых евреях, увлекшихся идеями социального преобразования мира: «...Еврейская ученая молодежь настоящего времени вообще, а еврейские барышни-стрижки в особенности, внушают мне чувство, граничащее с омерзением», – и далее о тех, кто, по его мнению, играет роль «рубахи-парня»: «... Эта несчастная молодежь, презирающая свою нацию, так подло-комично наряжающаяся в русско-народную поддевку, так подло лакейничающая своей патриотически русскою ролью до того ненавистна мне...» (подчеркнуто мной. – Ю.З.) [64, с. 261].

Владимир Горовиц, по свидетельству Г. Пласкина, гордился своим наполовину польским происхождением [49, р. 6]. Автор несколько раз упоминает в книге о полячке –

---

<sup>91</sup> [Цит. по: 7, с. 147].

бабушке пианиста [49, р. 6, 7, 9]. Он же утверждает, что религиозные обряды не соблюдались в семье Горовицев. Не следует забывать о том, что Самоил Горовиц, отец музыканта, окончил Киевский университет – учебное заведение, имевшее славу одного из самых «вольнодумных» в Империи. Одной из основных черт, характеризующих студенчество того времени, являлся воинственный атеизм<sup>92</sup>, видимо не обошедший и отца В. Горовица. Самоил Иоахимович всегда подчеркивал свое европейское образование, свои связи с иностранцами, свое знание иностранных языков, свои «европейские» пристрастия<sup>93</sup>. Пласкин замечает, что в свободное время С. Горовиц занимался переводами классиков немецкой литературы на русский язык. Таким образом, можно предположить, что С. Горовиц представлял собой тот тип «российского еврея», который вполне ассимилировался в среде российской интеллигенции, к каковой он, несомненно, принадлежал и по своему социальному статусу и по своему мировоззрению.

Но, по-видимому, процесс ассимиляции начался еще с деда Владимира Горовица – Иоахима Самойловича. Свидетельством этого могут служить многие факты его жизни и деятельности. Он окончил Ришельевскую гимназию Одессы, как известно – одну из лучших гимназий России<sup>94</sup>, где обучение велось на русском языке и было светским. Он баллотировался в состав Дирекции КО ИРМО, что подтверждает его достаточно передовую социальную ориентацию. И. Горовиц – постоянный посетитель симфонических собраний КО ИРМО. Наконец, он способствует получению светского образования для своих сыновей (Александр оканчивает Киевское музыкальное училище

---

<sup>92</sup> См. подробнее: [33].

<sup>93</sup> См.: [49, с. 5, 6, 7, 9, 11].

<sup>94</sup> Кстати, Ришельевская гимназия, как и 1-ая Киевская гимназия имели статус высшего учебного заведения. См.: [1, с. 161, 162].

и Московскую консерваторию, Самоил – Киевский университет и Льежский электротехнический институт).

Семья матери по некоторым признакам пребывала примерно в том же статусе. Подтверждением может служить то, что почти все дети семейства обучались в Киевском музыкальном училище или консерватории, где оплата была довольно высокой (125–150 рублей в год). А самым убедительным доказательством высокого социального статуса семьи Бодиков может служить факт обучения Сергея Бодика в Николаевском кавалерийском училище [57] – одном из самых привилегированных военных учебных заведений царской России.

В 1874 году, когда дед Владимира Горовица Иоахим Самойлович Горовиц баллотировался в члены Дирекции, население Киева составляло 116774 жителей, из которых 13803, то есть 11,8%, составляли евреи [79]. Киев был одним из крупных городов России и не входил в черту оседлости, поэтому получение права жительства в городе было достаточно сложным делом. Ограничения не касались, в основном, богатых людей и тех, кто получил высшее образование. Именно поэтому Самоил Горовиц, подавая прошения на зачисление своих детей в музыкальное училище, подписывал его: «окончивший Университет Св. Владимира С.И. Горовиц»<sup>95</sup>. Но вокруг Киева в 5-ти губерниях Киевского учебного округа (Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской и Черниговской) с еврейским населением 1 653 000 [64, с. 125] процент еврейского населения по отношению к коренным жителям иногда достигал 50%.. В маленьких городках (местечках) и селах евреи жили замкнуто, сгруппированные, чаще всего, по профессиональному признаку. В этой среде, как правило, бедной, царили почти поголовная неграмотность и суеверие. В одном из писем

---

<sup>95</sup> См. подробнее: [15, с. 198, 227, 228, 262, 280, 297].

директору Житомирского раввинского училища Владимиру Ковалевскому неизвестный адресат сокрушается по поводу деспотизма цадииков-реббе и невежества хасидов: «Цадики-реббе существуют в губерниях Волынской, Подольской и Киевской. Они между евреями, известными под названием хасидов, то же самое, чем были некоторые папы между католиками... Господство цадииков в здешнем крае не имеет пределов. Слово цадика выше всякого закона, сильнее всякой власти.... Трудно переломить зло, так глубоко укоренившееся и с таким ожесточением поддерживаемое огромным большинством людей, омраченным невежеством и фанатизмом. Одно только просвещение может открыть глаза слепцам на язву, истребляющую их благосостояние и счастье. Но это путь медленный, на котором придется правительству выдержать борьбу самую упорную..» [81, л. 45–47]. В России стремление к ассимиляции еврейского населения в течение XIX века, вплоть до 80-х годов просматривается прежде всего в отношении власти к образованию среди евреев. В течение нескольких десятилетий правительство неоднократно пыталось провести реформы в образовании с целью привлечь еврейскую молодежь в учебные заведения. В 80-е годы начинается обратный процесс: власти стремятся к ограничению числа евреев в них. Так, в 1804 и 1835 гг. указами было разрешено допускать евреев во все учебные заведения России. В 1844 году был издан указ о создании казенных (государственных) еврейских училищ. Наконец, в 1860 году были учреждены денежные стипендии для еврейских учеников в школах и средних учебных заведениях<sup>96</sup>.

В начале 1880-х годов, когда разразился политический кризис, связанный с убийством Александра II, и тогда, как известно, в поведении властей стали брать верх реакционные

---

<sup>96</sup> См.: [64, с. 110, 119–120].

тенденции. Правительство разочаровалось (надо полагать, совершенно несправедливо) в возможности ассимиляции евреев и взяло курс на вытеснение их из учебных заведений страны. И действия эти следует квалифицировать как одиозные проявления антисемитизма на государственном уровне. Одной из мер стало введение процентной нормы на прием евреев в учебные заведения. В письме министра народного образования России И.Д. Делянова некоему Ивану Яковлевичу Ростовцеву (должность не указана. – Ю.З.) от 9.12.1888 г. сообщается об установлении процентных норм для еврейской молодежи, поступающей в высшие учебные заведения: «В 1882 г. число студентов из евреев в Военно-Медицинской Академии ограничено 5%; тот же процент определен в 1883 г. для евреев в Горном институте, и тогда же число их ограничено в Институте инженеров путей сообщения; в 1885 г. для Харьковского технологического института положена евреям норма в 10%, а в 1886 г. запрещено вовсе принимать их в Харьковский ветеринарный институт; в 1887 г. установлена в Институте гражданских инженеров норма для евреев в размере 3% общего числа учащихся. Наконец, в июле месяце того же года Министерство народного просвещения, по предоставленному ему праву ввести необходимые меры к ограничению в учебных заведениях числа учеников из детей евреев, признало нужным ограничить число их в других местностях, входящих в черту еврейской оседлости, 10%, в других местностях, вне этой черты, 5%, в С.-Петербурге и Москве 3% всех учеников каждого среднего учебного заведения»<sup>97</sup>. Следует отметить, что такие действия российских властей имели своих защитников и в то время, и даже сейчас. Так, например, А. Солженицын пишет о «чуткости» еврейской молодежи, которая «может быть не вполне

---

<sup>97</sup> ЦГИА Украины. Ф. 707, оп. 262, д. 10, лл. 1-11. [Цит. по: 64, с. 121].

осознанно» ощутила общемировой культурный поворот ко всеобщему образованию [41, с. 272]. Огромным наплывом еврейской молодежи в российские учебные заведения, а также боязнью правительства того, что евреи, являясь «элементом более сильным духовно и умственно, чем все еще некультурный и темный русский народ» [41, с. 273], окажут вредное влияние на последний, писатель оправдывает действия властей по введению постыдной процентной нормы, которая просуществовала официально до 1916 года, а неофициально – до падения СССР.

После революции 1905 года и прокатившихся по всей стране еврейских погромов<sup>98</sup> ограничения на поступление евреев в учебные заведения ужесточились. Это видно на примере Киевского музыкального училища, а позднее и консерватории, которые, как и остальные учебные заведения, очевидно, получили предписание, ограничивающее прием евреев, что отчасти подтверждаются двумя документами. Первый написан преподавателем музыкального училища и содержит просьбу о прибавке к жалованию. В письме есть строки, позволяющие сделать вывод об ужесточении правил приема в учебное заведение евреям:

*«...Но, ввиду отказа бесправным Евреям, не имеющим права жительства в городе Киеве, учеников осталось у меня всего 6 чел. Так что в настоящее время остаюсь на первоначальном 600 руб. жаловании, а главное, что прожить на 50 руб. в месяц при нынешней дороговизне очень трудно, а потому прошу покорно Ваше Превосходительство не отказать сделать мне прибавку жалования.*

*Г. Киев, 10 окт. 1912 г.*

*А. Ольшевский» [70].*

---

<sup>98</sup> Подробнее об этом: [64, с. 181–211].

Второй документ – написан на один год позже, когда музыкальное училище уже было переименовано в консерваторию. Это письмо директора Киевской консерватории В.В. Пухальского в Губернское правление:

*«26 сентября 1913 г.*

*Имею честь просить Губернское Правление ввиду поступления в Консерваторию прошений от лиц, живущих вне Киева, сообщить мне принципиально: в праве ли Консерватория принимать этих лиц иудейского вероисповедания в число учащихся без удостоверения Губернского Правления о праве их поступления в Консерваторию.*

*Действительный Статский Советник В. Пухальский».*

И ответ на него: *«...Разрешается, если они ежедневно в места для жительства им дозволенные уезжают»* [73]. Это правило не распространялось на столичные консерватории, т. е. на Москву и на Санкт-Петербург. Так Натан Мильштейн, поступивший в Петербургскую консерваторию, получил право жительства в столице вместе со своей матерью: *«Как студент консерватории, я имел право жить в столице как исключение из квоты, которую накладывали на евреев. А поскольку я был несовершеннолетним, мама имела право оставаться в Петербурге со мной»* [48, р. 17].

Тем не менее, из приведенных выше документов становится понятным, что российским правительством проводилась политика ограничения образовательного ценза еврейской молодежи. Однако, несмотря на довольно жесткую процентную норму, в Киевском музыкальном училище, а затем и консерватории, был необыкновенно высокий процент евреев, превосходящий нормативы во много раз. В тот год, когда 10-летний Владимир Горовиц поступил в Киевское музыкальное училище, в «Сведениях о числе учащихся в Музыкальном Училище КО

ИРМО на 1912 – 1913 гг.», поданных В.В. Пухальским в Главную Дирекцию ИРМО, содержатся данные о том, что пятьдесят процентов контингента составляли евреи: «Всего учеников обоего пола – 895. По вероисповеданиям учащиеся делятся так: православного – 351, иудейского – 445...» [74].

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о неординарном положении, которое занимало музыкальное училище среди учебных заведений Киева, особенно, если учесть статистические данные о населении города в это время. По имеющимся сводкам за 1910 год в Киеве проживало 417910 жителей. Из них, евреев – 50792, то есть – 10,84% [79]. Следовательно, почти каждый тысячный киевлянин-еврей был учеником музыкального училища. Подтверждением того, что Киевское музыкальное училище пользовалось привилегиями, возможно, недоступными для других, служит пункт 5 «Правил для поступления в Киевское музыкальное училище», гласящий: «В Училище принимаются лица обоего пола, всех наций, сословий, исповеданий (подчеркнуто мною. ЮЗ.) не моложе 10 лет и умеющие читать и писать по-русски» [15, с. 45]. Этот документ не имеет даты, но, судя по тому, что в «Правилах» указано уже музыкальное училище, а не школа, они были составлены после 11 февраля 1883 года, так как только с этого времени было получено постановление Главной Дирекции ИРМО, в котором «существующее уже Киевское учебное заведение считать, на основании 39 ст. Устава Императорского Русского Музыкального Общества, Музыкальным Училищем соответствующего Отделения» [32, 1882–1883, с. 4–5]. Возможно, такая демократичность была достигнута усилиями дирекции Киевского отделения ИРМО, но не исключается и другое объяснение. В связи с тем, что такие музыкальные учебные заведения как Петербургская и Московская консерватории,

Киевское и многие другие музыкальные училища, юридически не относились к государственным, хотя и получали частичное финансирование от Министерства народного образования, жесткие процентные нормы на принятие в них евреев не распространялись на эти учреждения, как на негосударственные. Отчасти это подтверждает А. Солженицын, ссылаясь на Краткую Еврейскую Энциклопедию, и перечисляя большое количество частных учебных заведений России, где процент студентов-евреев значительно превосходил установленные нормы<sup>99</sup>.

Однако вернемся к Владимиру Горовицу. То, что он родился и воспитывался в семье европейски образованного преуспевающего инженера, имевшего довольно обширные связи в среде киевской высшей технической интеллигенции, безусловно, не могло не повлиять на характер его отношения к религии. Биографы пианиста отмечают, что его отец Самоил Горовиц был не религиозен. В частности, Г. Пласкин считал, что дом Горовицев был свободен от обряда: «Самоил понимал, что проживание в Киеве, в районе для богатых не гарантирует безопасность. У него были все причины скрывать свое еврейское происхождение. *(Религиозный обряд не соблюдался в семье Горовицев)*» [49, р. 22]. Следовательно, Владимир рос во вполне ассимилированной семье и свое «еврейство», видимо, начал остро чувствовать лишь в возрасте 12 лет, когда впервые переступил порог 7-й Киевской гимназии (в музыкальном училище и консерватории, как мы уже отмечали половина учеников были евреями), а позднее – острее, когда город пережил 16 смен власти за три года, и еврейские погромы стали чуть ли не нормой для каждой новой власти.

Примерно аналогичное семейное положение было и у его будущего друга – скрипача Натана Мильштейна: *«Наша семья*

---

<sup>99</sup> См.: [41, с. 273–276].

*была полностью ассимилированной.* Дома мы разговаривали на русском, поэтому я никогда не знал идиш, еще меньше иврит.... *... Папа не посещал синагогу и мне тоже не разрешал туда ходить...*(выделено мною. – Ю.З.) ... Мы праздновали православное Рождество: устанавливали и украшали елку» [48, р. 3–4].

На протяжении всей жизни В. Горовиц, видимо, так и не стал «настоящим», то есть религиозным (хотя бы в меру) евреем. Так, описывая предстоящую свадьбу Владимира Горовица и Ванды Тосканини (1933 г.), биографы пианиста отмечают, что официальная церемония проходила вполне по-граждански: «Во время своего пребывания в Исолино Горовиц и Ванда с чувством тревоги обсуждали предстоящую свадьбу, так как знали, что все будет зависеть от согласия отца. Хотя Горовиц был евреем, а Ванда – католичкой, тем не менее, религия не была главным препятствием для свадьбы. Прежде всего, Маэстро не был особенно религиозен, а остальные члены семьи были довольно либеральными в вопросах веры. «Я наполовину была религиозной, наполовину нет», – говорила Ванда, которая *ни коим образом не имела никаких намерений соблюдать традиции* (выделено мною. – Ю.З.)» [49, р. 159–160].

Г. Шонберг, описывая этот период жизни пианиста, добавляет, что бракосочетание было сугубо гражданским: «21 декабря 1933 года в Милане состоялась свадьба (В. Горовица и В. Тосканини). На свадьбе присутствовали члены семьи Тосканини и Григорий Пятигорский (Мильштейна не было, он был на гастролях). Возникла проблема с религией. Итальянский священник не мог обвенчать католичку и еврея. Было предложено, чтобы Ванда или Горовиц изменили религию. Ванда только рассмеялась и сказала: «Он оставит своё вероисповедание, а я – своё». К тому же Ванда *не была строгой католичкой и не*

*хотела венчаться в церкви* (выделено мною. – Ю.З.). Была назначена *гражданская церемония в центральном миланском городском загсе*» [50, р. 137].

В интернациональном духе, как отмечают биографы пианиста, была воспитана и дочь Ванды Тосканини и Владимира Горовица Соня: «И её (Соню. – Ю.З.) вырастили, на самом деле, *без национальности*. Её отец был еврей, мать католичка, её крестили, как католичку, поскольку так решил её дедушка». Ванда не хотела её крестить, но Тосканини сделал, как всегда, всё по-своему. Соня росла в тени двух религий, хотя *ни один из родителей не был верующим*» [50, р. 232–233].

Особенно сокрушался по поводу отсутствия у В. Горовица хотя бы капли религиозности, его постоянный настройщик в течение последних двадцати пяти лет жизни (и главный настройщик фирмы Steinway) Франц Мор: «Мне грустно осознавать, что, несмотря на то, что у меня были возможности несколько раз поговорить с Горовицем о Господе и спасении, все же, насколько мне известно, в его жизни так и не наступил прорыв, когда с полной уверенностью я мог бы сказать, что он поверил и знал, куда отправится после своей смерти» [29, с. 39]. Ф. Мор однажды рассказал Горовицу о том, как он приобщился к вере. Маэстро внимательно выслушал его и сказал: «Франц, вот это история! Моя жена католичка. Но Ванда, она ни во что не верит. Она не ходит в церковь. Меня считают иудеем, однако я никоим образом не связан с верой...» [29, с. 44].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что Владимир Горовиц был воспитан в семье и окружении, где царил европейский интеллектуализм, а религия была понятием абстрактным. Тем не менее, его детство и юность прошли в удушливой атмосфере государственного и бытового антисемитизма, что не могло не наложить определенный

отпечаток на формирование его характера. Видимо, след этого унижительного ощущения «виновности» еще долго преследовал его на протяжении долгой жизни, хоть и в национально толерантной Америке. Наверное, именно этим объясняются его обидные и, объективно говоря, несправедливые обвинения в антисемитизме в адрес его бывшего учителя Владимира Вячеславовича Пухальского.

И все-таки Владимир Горовиц – Человек Мира в возрасте 83 лет вернулся в Россию. Наверное, он мог бы подписаться под словами, сказанными Натаном Мильштейном в конце жизни, тем самым «Натанчиком», с которым он начинал и продолжил свое блистательное концертное турне длиною в жизнь: *«Поэтому кто я? Еврей из России, гражданин США; мой дом в Лондоне, а я провожу много времени в Швейцарии, в Лозанне. Я восхищаюсь многими русскими, жившими в Швейцарии: Чайковским (сочинившим свой скрипичный концерт в Кларенсе), Рахманиновым, Дягилевым, Стравинским (который написал несколько блестящих произведений тоже в Кларенсе).*

*В Америке мне удобно, но я не ощущаю там сердечности. Ощущение сердечности я испытывал только в России<sup>100</sup>. На первый взгляд можно сказать, что я несчастен, что нет страны, которую я могу считать в полной мере, определенно моей, но это меня скорее радует»* [48, p. 228].

---

<sup>100</sup> Конечно Н. Мильштейн имеет в виду ту страну, которую он оставил. Отнюдь не те государства, кои образовались в конце XX века на ее территории.

## VI

# СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЫКАНТА

### (Юношеские музыкальные впечатления Владимира Горовица)

Ныне ни у кого не вызывает сомнения тот поистине уникальный вклад, который внес в развитие мирового исполнительского искусства один из великих пианистов XX века – В.С. Горовиц. Пожалуй, никто из значительных исследователей его творчества не упускал из виду то, что пианист родился в Украине, что в Киеве прошли его детство и юность. Действительно, здесь Горовиц впервые прикоснулся к фортепиано и получил блестящее музыкальное образование; с концертными залами, музеями и театрами этого города связаны его первые художественные впечатления. Вместе с тем, киевский период творческой биографии В. Горовица исследован значительно хуже, чем иные, относящиеся уже к годам эмиграции, хотя известно, что именно в это время, то есть в первой четверти XX века, интенсивно шли процессы культурного структурирования и профессионализации региона, которые, в частности, осуществлялись и во всех сферах музыкального искусства. В наибольшей мере это относится к концертной жизни Киева сыгравшей, пожалуй, самую выдающуюся роль в творческом формировании В. Горовица.

Не останавливаясь здесь подробно на общей характеристике киевских концертных сезонов начала XX ст.<sup>101</sup>, все же укажем, что к этому времени и в данной сфере Киев выдвинулся в первый ряд крупнейших центров (наряду с Петербургом и Москвой). Даже список имен выдающихся исполнителей, выступавших на

---

<sup>101</sup> О концертной жизни Киева конца XIX – начала XX в. существует обширная литература. См., например: [1, 4, 5, 13, 14, 15, 17–19, 23–25, 28, 33, 35, 39, 42, 44].

киевских концертных площадках в первые два десятилетия XX века (в сезонах от 1902/1903 до 1920/1921 гг.), выглядит впечатляюще — здесь гастролировали очень многие западноевропейские и российские исполнители-виртуозы, дирижеры, композиторы и многие прославленные музыкальные ансамбли: *пианисты* А. Аренский, Ф. Блуменфельд, Е. Бекман-Щербина, Л. Годовский, И. Гофман, А. Гольденвейзер, А. Горовиц, А. Есипова, А. Зилоти, В. Ландовска, В. Лютш, И. Миклашевская, Г. Нейгауз, С. Прокофьев, С. Рахманинов, Артур Рубинштейн, В. Сафонов, А. Скрябин, В. Скрябина, Э. Чернецкая-Гешелин; *скрипачи* Л. Ауэр, Т. Билявский, Я. Коциан, Ф. Крейслер, Ж. Манен, П. Сарасате, А. Серато, М. Сикар, Я. Хейфец; *виолончелисты* Х. Беккер, Е. Белоусов, А. Вержбилович, Ж. Гекинг-Денанси, А. Глен, Ж. Жерарди, П. Казальс; *дирижеры* А. Боданцки, Э. Вендель, А. Гречанинов, М. Ипполитов-Иванов, А. Коутс, С. Кусевицкий, И. Лассаль, Н. Малько, В. Сафонов, Г. Фительберг, О. Фрид; *вокалисты* Маттиа Баттистини, А. Нежданова, Титта Руффо, Л. Собинов, Ф. Шаляпин, *инструментальные ансамбли* Парижского общества старинных инструментов, Берлинское филармоническое трио, Брюссельский квартет, Квартет герцога Мекленбургского, Пражский квартет, «Sevcik-quartett» из Варшавы.

Помимо гастролеров из других стран и городов, в концертах часто встречаются имена киевлян — пианистов Г. Беклемишева, М. Домбровского, К. Михайлова, В. Пухальского, С. Тарновского, Г. Ходоровского, А. Штосс-Петровой, скрипачей А. Колаковского, Ю. Пуликовского и М. Эрденко; виолончелиста Ф. фон МулERTA; дирижеров Ф. Блуменфельда, А. Виноградского, Р. Глиэра, И. Палицина, Л. Штейнберга. Квартет Киевского Отделения Императорского

Русского Музыкального Общества (КО ИРМО) практически еженедельно выступал с новыми программами<sup>102</sup>.

Свидетельства присутствия юного Владимира Горовица на концертах по вполне понятным причинам крайне ограничены. Однако можно с достаточной долей уверенности утверждать, что именно в Киеве он впервые услышал игру А. Скрябина, С. Рахманинова, Ф. Крейсера И. Гофмана и Г. Нейгауза; кроме того, в ряде случаев следует считать вполне доказуемыми и факты его посещения концертов выдающихся музыкантов — киевлян: Р. Глиэра, В. Пухальского, С. Тарновского, М. Эрденко и др.

Известно, что в день одного из киевских концертов Скрябина в зале Купеческого собрания, знаменитый композитор прослушал игру юного В. Горовица и даже дал ей оценку<sup>103</sup>. Однако дату концерта и, соответственно, этого прослушивания Горовиц нигде не называет. Сложность здесь состоит в том, что Скрябин гастролировал в Киеве трижды: впервые — 23 ноября 1913 г.<sup>104</sup>, а затем два раза в 1915-м (3 и 9 марта, незадолго до смерти)<sup>105</sup>. В первом приближении предпочтительной представляется дата 23 ноября 1913 г., так как сам В. Горовиц говорил: «Я играл Скрябину *за год до его смерти* (курсив автора. — Ю.З.)»<sup>106</sup>. Исходя из этого, событие, казалось бы, с меньшей вероятностью может быть отнесено к началу марта 1915 г. (*за месяц до смерти А.Н. Скрябина 14 апреля 1915 г.*), и со

---

<sup>102</sup> Список составлен по материалам Отчетов КО ИРМО за 1902–1916 гг., а также по данным, более подробно изложенным в монографии автора [15].

<sup>103</sup> [50, р. 29; 49, р. 20; 47, р. 5].

<sup>104</sup> Концерт датирован по: [52, 1913, № 326; 14].

<sup>105</sup> Данные по газетам «Киевская мысль» от 27 февраля, 4, 5, 9 марта 1915 г. и «Киевлянин» от 12, 15 февраля, 2, 6, 8, 9, 12 марта 1915 г. [53, 1915, №№ 58, 63, 64, 68; 52, 1915, №№ 43, 46, 61, 65, 67, 68, 71]. Ранее даты концертов 1915 г. были установлены в статье Е.С. Зинькевич [14]; там же представлен развернутый обзор рецензий на них.

<sup>106</sup> Приведено по стенограмме русского перевода документального фильма «Реминисценции», выполненной автором.

значительно большей вероятностью – к концу ноября 1913 г. (*менее чем за полтора года* до кончины композитора). Вероятнее всего, подобным путем в датировке события шли и все зарубежные биографы Горовица. Правда, они не знали дат киевских концертов Скрябина, и поэтому относили событие к 1914 году (этот вывод кажется вполне логичным: действительно, за год до смерти Скрябина) [47, р. 5; 49, р. 11; 50, р. 20]. Однако все они попали в ловушку с этой «инверсией» (т. е., отталкиваясь не от подлинных дат концертов, а от слов Горовица, и делая на этом основании ретроспективную развертку: дата смерти Скрябина – прослушивание Горовица) – ведь в 1914 г. Скрябин вовсе не приезжал в Киев! Мы же можем опровергнуть не только выводы биографов-предшественников по поводу 1914-го года, но и собственное предположение относительно 1913-го, сделанное выше. Прямым доказательством служит сравнение тех сочинений, которые, по словам Горовица, он играл Скрябину (наиболее точно они названы в книге Г. Шонберга<sup>107</sup>: Вальс Шопена<sup>108</sup>, «Мелодию» Падеревского и «Au couvent» Бородина [50, р. 20]), с программой его выступления на Девятом ученическом вечере, состоявшемся в зале Консерватории 7 марта 1915 г.<sup>109</sup> и зафиксированной в Отчете КО ИРМО, где значатся ровно те же сочинения: «№ 6. а) «Au Couvent» Бородина. б) Mélodie Падеревского. в) Вальс As-dur Шопена. Исп. уч-к Горовиц (низш. курса), кл. проф. Пухальского» [32, 1914–1915, с. 37]<sup>110</sup> (илл. 32). Это, между прочим, свидетельствует о

---

<sup>107</sup> Другие авторы вносят даже в этот маленький список сокращения [47, р. 5; 49, р. 11].

<sup>108</sup> Какой именно, Горовиц здесь не уточнил.

<sup>109</sup> То есть через четыре дня после первого скрябинского концерта и за два дня до второго.

<sup>110</sup> О том, что примерно во времена прошлых киевских гастролей Скрябина (ноябрь 1913 г.) Горовиц играл совершенно иные сочинения, свидетельствует программа Четвертого ученического вечера студентов консерватории,

прекрасной профессиональной памяти Горовица<sup>111</sup> на действительно важные для него события и, следовательно, о возможности высокой степени доверия к его высказываниям: ведь разговор с Шонбергом, о котором здесь идет речь, состоялся в 1987 г., то есть спустя 72 года после знаменательной встречи! Вообще же Горовиц об этой встрече говорил неоднократно, а однажды подобное его воспоминание было зафиксировано и видеозаписью<sup>112</sup>. Несомненно, что вечером того же запомнившегося Горовицу дня в марте 1915 г. он слушал игру А. Скрябина, – как, впрочем, и то, что он присутствовал на всех трех скрябинских концертах. Как известно, имя Скрябина было в доме Горовицев едва ли не священным: в его классе учился брат отца, Александр Иоахимович Горовиц, – безусловно, незаурядный пианист.

Чрезвычайно интересны программы киевских гастролей Скрябина. Так, в мартовских концертах 1915 г. были исполнены ранние прелюдии, экспромты, этюды и мазурки, Третья, Седьмая и Девятая сонаты, «Листок из альбома», «Мрачное пламя»<sup>113</sup>, одна из прелюдий ор. 74, поэмы: «К пламени», «Маска», «Странность», «Сатанинская поэма»<sup>114</sup>. Показательно, что прелюдии, этюды и сонаты Скрябина всегда составляли основу концертного репертуара Горовица, а Этюд ре-диез

---

состоявшегося 15 февраля 1914 г. Горовиц тогда исполнил Autrefois Шаминада и Гавот-каприз Грюнфельда [32, 1913-14, с. 28].

<sup>111</sup> Он мог перепутать год, но точно помнил программу.

<sup>112</sup> В фильме «В. Горовиц в Москве» пианист, находясь в доме-музее А.Н. Скрябина, говорит о том, что 70 лет назад играл самому Скрябину, а сейчас играет для его дочери.

<sup>113</sup> Из «Двух танцев», ор. 73.

<sup>114</sup> Сведения о программах концертов см. в газетах «Киевская мысль» от 4, 5 марта 1915 г. и «Киевлянин» от 9, 12 марта 1915 г. [53, 1915, №№ 63, 64; 52, 1915, №№ 68, 71]. Сочинения, которые исполнил Скрябин, были названы в статье Е.Зинькевич [14].

минор он с огромным успехом исполнял всю жизнь и играл на московском концерте 1986 г.

Известно также, что скрябинские сочинения составляли значительную часть репертуара Александра Иоахимовича Горовица, которому Владимир доводился племянником. А. Горовиц играл их и в киевских концертах; трудно предположить, что В. Горовиц (как, впрочем, и некоторые другие члены семьи) по каким-то причинам их не посетили. Так, например, 16 февраля 1916 г., в лекции-концерте, посвященной памяти композитора<sup>115</sup>, А. Горовиц сыграл 12 прелюдий ор. 11, 16 и 35; 2 мазурки ор. 25 и 40; этюд ор. 2, № 1; сонату-фантазию ор. 19 (соль-диез минор); 2 поэмы ор. 32 (Фа-диез мажор и Ре мажор) [32, 1915–1916, с. 3]. Обращает на себя внимание, что некоторые из исполненных в тот день произведений Скрябина позднее записаны на пластинки уже Владимиром Горовицем. Если сопоставить вышеприведенный список сочинений с дискографией В. Горовица<sup>116</sup>, выяснятся следующие совпадения: Поэма ор. 32 (Фа-диез мажор), прелюдии ор. 11 и 16, этюд ор. 2, № 1. В знаменитом московском «концерте-возвращении» 1986 г.

<sup>115</sup> В серии концертов памяти А. Скрябина, помимо А. Горовица [32, 1915–1916, с. 3], принимали участие А. Гольденвейзер, Р. Глиэр, Е. Бекман-Щербина и поэт Вяч. Иванов. Учитывая все вышесказанное, можно с определенной долей уверенности предполагать, что Горовиц был и на этих концертах, состоявшихся в сезоне 1915/16 гг. Приведем данные об их датах и программах: 16 октября 1915 г. звучали 3-я симфония («Божественная поэма»), Концерт для фортепиано с оркестром, ор. 20, «Поэма экстаза». Солировала Е. Бекман-Щербина, дирижировал Р. Глиэр [32, 1915–1916, с. 1]. 30 марта 1916 г. в подобном концерте исполнялась Первая симфония, вновь Концерт для фортепиано с оркестром, а также и пьесы для фортепиано. Солисты – студенты консерватории; дирижировал Р. Глиэр. [32, 1915–1916, с. 14]. 17 апреля того же года состоялась лекция-концерт памяти А.Н. Скрябина при участии поэта Вячеслава Иванова и профессора Московской консерватории А. Гольденвейзера. [32, 1915–1916, с. 5]. Подробнее о концертах памяти А. Скрябина см.: [14; 35, с. 272–274, 353].

<sup>116</sup> Полная дискография В. Горовица составлена Д. Дюбалем [47, р. 357–405]. Названные далее сочинения Скрябина см. там же [47, р. 307]. Г. Шонберг, кроме полного списка записанных пианистом сочинений, приводит еще и анализ большинства записей [50, р. 319–405].

В. Горовиц тоже играл А. Скрябина, и это были все тот же этюд до-диез минор ор. 2, № 1 и ре-диез минор ор. 8, № 12. Г. Шонберг, описывая этот концерт, особенно отмечает исполнение этюда: «Когда Горовиц начал играть этюд Скрябина до-диез минор, эту *квинтэссенцию Матушки России* (здесь мы фиксируем некоторую американскую неуклюжесть в формулировке русского образа. – Ю.З.), люди плакали» [50, р. 31]. Трудно сказать, чего больше в этом постоянном возвращении к Скрябину – воспоминаний о юности или влияния более зрелого исполнительского опыта. Но в любом случае роль первого впечатления от «живого» скрябинского исполнения, равно как и значение хорошего знакомства с интерпретациями ученика Скрябина – А.С. Горовица, никак нельзя сбрасывать со счетов.

Монография Г. Пласкина начинается почти детективной историей о посещении маленьким киевлянином В. Горовицем концерта еще одного великого музыканта – пианиста И. Гофмана. Пласкин, конечно, фантазирует, рисуя совершенно невозможную для того времени картину: девятилетний Володя Горовиц проникает на концерт Гофмана под полый длинный пальто кого-то из слушателей<sup>117</sup>. Не комментируя далее это заблуждение биографа, отметим, что Горовиц, скорей всего, все же был на данном концерте, состоявшемся 12 декабря 1912 г.<sup>118</sup>, – но

---

<sup>117</sup> Хотя бы примерно представляя себе уклад интеллигентной семьи начала XX века, трудно вообразить, что родители В. Горовица могли отпустить девятилетнего мальчика на вечерний концерт. Кстати, даже взрослые гимназисты не могли посещать вечерние спектакли без особого разрешения инспектора, которое выдавалось в особых же случаях. Да и в той же Америке в наши дни полицейский, заметивший даже днем ребенка без сопровождения взрослого, немедленно препроводит его в полицию или доставит домой с соответствующими последствиями для родителей.

<sup>118</sup> Г. Пласкин ошибается на один год, называя дату концерта 12 декабря 1911 г. Удалось найти программу концерта и рецензию на него. Концерт И. Гофмана состоялся 12 декабря, но не 1911, а 1912 г. [52, 1912, № 345].

только, вероятно, в сопровождении кого-то из старших. Свидетельство вновь слышим из уст самого Горовица. Разговаривая с Д. Дюбалем в 1986 г., пианист вспоминал: «Он (И. Гофман. – Ю.З.) был первым человеком, который произвел на меня впечатление, когда я был мальчиком» [47, р. 7]. О том же концерте Горовиц рассказывал и другому своему биографу – Г. Шонбергу – в 1987 г.<sup>119</sup> Небезынтересно привести здесь целиком программу, сыгранную в тот вечер Гофманом, которую публиковала газета «Киевлянин»: 32 вариации (до минор), «Bagatelle» (Ми-бемоль мажор) и Соната №17 (ре минор) Л. Бетховена, Скерцо (Ми мажор), Ноктюрн ор.9 (Си мажор) и Мазурки (Си мажор и фа минор) Ф. Шопена, две прелюдии С. Рахманинова (ре минор и ля минор), «Колыбельная» и парафраз на мотивы из оперы «Евгений Онегин» П. Чайковского – Е. Пабста [52, 1912, № 345]. Вообще же приезд в Киев пианиста с мировой славой, незадолго до этого сыгравшего в цикле из двадцати одного концерта 255 произведений, конечно, не мог пройти незамеченным для такой музыкальной семьи, как Горовицы.

С серьезными основаниями следует предполагать и то, что Горовиц еще в Киеве слушал игру С.В. Рахманинова – это особенно важно в связи с тем поистине колоссальным влиянием, которое оказал на него Рахманинов – композитор и пианист. Трудно сказать, когда Горовиц мог впервые увидеть Рахманинова

---

<sup>119</sup> Правда, в данном случае он высказал прямо противоположное суждение: «Гофман произвел на меня не очень сильное впечатление. Конечно, он был великим пианистом, обладавшим невероятной легкостью, но мне не нравилась его интерпретация – мне было скучно. Позже в Америке я слушал его много раз, но не нашел причин для изменения своего первоначального мнения» [50, р. 48]. Однако и здесь не подвергается сомнению сам факт присутствия на концерте.

на концертной эстраде<sup>120</sup>. Например, это могло произойти в оперном театре 2 ноября 1911 г., когда состоялась киевская премьера Третьего фортепианного концерта<sup>121</sup> [52, 1911, № 305]. (Следующий, сольный концерт, С. Рахманинов играл 23 ноября<sup>122</sup> того же года в Купеческом собрании [52, 1911, № 324], и вероятность того, что Горовицы присутствовали на нем, также велика). Известно, что мать В. Горовица – Софья Яковлевна – в один из приездов Рахманинова в Киев договаривалась с композитором о том, чтобы он прослушал сына. Много позже Горовиц, упоминая об этом случае, говорил, что Рахманинов тогда играл свой 3-й концерт [50, р. 111]<sup>123</sup>. Но известно, что Третий концерт в авторском исполнении звучал в Киеве и позднее – 8 марта 1915 г.<sup>124</sup> Поэтому возникает вопрос, в каком году Рахманинов назначил эту встречу?

Мы не знаем, чем восьмилетний Горовиц мог удивить Рахманинова в 1911 г. (первое документальное свидетельство о его ученическом репертуаре относится к 1913 году – см. выше). Однако нам хорошо известна программа, с которой он выступил на ученическом вечере консерватории 7 марта 1915 г.<sup>125</sup> Именно на этом вечере присутствовал Рахманинов<sup>126</sup> – не только в качестве гостя, но и в должности Инспектора Главной дирекции

---

<sup>120</sup> Известно, что в первые десятилетия XX в. Рахманинов бывал в Киеве неоднократно; кроме того, он сыграл едва ли не решающую роль в деле открытия в 1913 г. Киевской консерватории.

<sup>121</sup> Как известно, разгромную и очень несправедливую рецензию на этот концерт написал киевский музыковед А. Каневцов.

<sup>122</sup> Именно тогда, сфотографировавшись в фотоателье В. Меджинского, он подарил свой портрет с дарственной надписью В.В. Пухальскому (илл. 33).

<sup>123</sup> Напомним: 3-й концерт Рахманинова навсегда остался любимым произведением Горовица, а его исполнение этого сочинения по справедливости и по сей день считается эталонным.

<sup>124</sup> Кроме того, 6 марта он исполнил собственный 2-й фортепианный концерт. (Данные по газете «Киевская мысль» [53, 1915, № 64]).

<sup>125</sup> Приведена выше.

<sup>126</sup> См.: «Киевлянин», 9 марта 1915 г. [52, 1915, № 68].

ИРМО. Обратим внимание на то, что он в те дни находился в Киеве одновременно со Скрябиным, и хлопоты родителей Володи Горовица о прослушиваниях у двух знаменитых композиторов-пианистов, вероятно, совпали по времени. Тут же возникает еще один вопрос: зачем Софье Горовиц понадобилось представлять сына Рахманинову, если последний уже и так слушал его выступление 7 марта? Несколько проясняет ситуацию информация газеты «Киевлянин», в которой, в частности, говорится: «Находящийся в настоящее время в Киеве пианист-композитор С.В. Рахманинов посетил 7-го марта ученический вечер в Консерватории... Прослушав несколько номеров, С.В. Рахманинов покинул зал, выразив профессорам консерватории свое удовольствие» [52, 1915, № 68]. Поскольку Горовиц играл шестым (из двадцати солистов ученического вечера), следует полагать, что в число «нескольких номеров», прослушанных Рахманиновым, он не вошел; но если это так, то композитор покинул зал совсем незадолго до его выхода на эстраду – ведь Горовиц играл ближе к началу концерта! Поэтому особенно понятны усилия, предпринятые его родителями для организации «приватной» аудиенции. Хотя нельзя исключить и другую версию: встреча была назначена «в подкрепление» позитивного впечатления Рахманинова от игры Горовица, которую последний действительно слушал ранее, на концерте. Правда, в этом случае либо Горовиц, либо Рахманинов должны бы были в своих последующих высказываниях как-нибудь упомянуть об этом факте (во всяком случае, из слов Рахманинова, которые приведены ниже, такой вывод не следует).

Однако намеченному матерью Горовица не суждено было исполниться – Рахманинов уехал за час до назначенного времени. Впоследствии, когда Горовиц и Рахманинов часто общались в Западной Европе, Сергей Васильевич признал, что сознательно

избежал этой встречи, объяснив свой давний скрытый отказ нежеланием слушать вундеркинда: «Меня так воспитали — никогда не лгать. Я боялся, что мальчик окажется бесталанным, а сказать правду неловко — можно обидеть материнские чувства. Поэтому я и уехал» [47, р. 175].

Об игре великого скрипача Фрица Крейсlera, гастролировавшего в Киеве в 1911 г.<sup>127</sup>, В. Горовиц в беседе с Г. Шонбергом сказал: «Фантастика! После этого события я не спал ночами — я хотел добиться такого же звучания рояля» [50, р. 49]. Обратим внимание на то, что концерты Ф. Крейсlera и С. Рахманинова, о которых шла речь, состоялись в Киеве в 1911 г., а И. Гофман играл здесь годом позже. В. Горовицу еще не было десяти лет, но он уже в определенной мере готов был услышать и запомнить на всю жизнь эти великие интерпретации, и его ранний слушательский опыт был обогащен музыкальными событиями первостепенной важности.

О других впечатлениях юного Горовица от встреч с искусством великих гастролеров можно говорить лишь на уровне гипотезы, на основании косвенных данных. Если же взять приведенный нами список имен целиком, то не останется сомнений лишь в том, что Горовиц — и в силу раннего музыкального развития, большой творческой любознательности, и в связи с повышенным «музыкальным тонусом» его семьи — обязательно присутствовал как минимум на ряде концертов некоторых из поименованных музыкантов. Так, в 1913 году в Киев приезжали гениальные инструменталисты Пабло Казальс и Яша Хейфец<sup>128</sup>. Оба впоследствии будут общаться с Горовицем и даже участвовать в совместных концертах. Маловероятно, чтобы родители и другие близкие родственники обошли вниманием это

---

<sup>127</sup> Концерт Ф. Крейсlera состоялся 7 декабря 1911 г.

<sup>128</sup> Концерты Я. Хейфеца и П. Казальса состоялись соответственно 8 и 10 декабря 1913 г. [52, 1913, №№ 340, 343].

событие и не взяли с собой десятилетнего Володю (тем более что наши предыдущие – более точные – данные свидетельствуют о том, что совместное с ним посещение концертов уже входило в привычки этой семьи). То же можно сказать и о киевских гастролях молодого в те годы пианиста Артура Рубинштейна (удалось установить даты только двух его концертов в Киеве: 8 февраля 1911 г. и 11 ноября 1913 г. [52, 1913, № 313]). Тем более, что в беседе с Д. Дюбалем Горовиц уже в конце жизни упоминал о том, что знает Артура Рубинштейна с юных лет. Правда, утверждать, что он слушал этого выдающегося пианиста именно в данном концерте, было бы некорректно. Очень может быть, что это произошло и позднее, ведь Артур Рубинштейн еще не один раз до своего отъезда за границу мог быть в Киеве. Есть множество свидетельств того, что позднее, в эмиграции, Горовиц был с ним в дружеских отношениях<sup>129</sup> (илл. 34).

Примерно с той же степенью достоверности и вероятности, что и о гастролерах, можно судить о знакомстве Горовица с концертной практикой киевлян. Как известно, с 1 сентября 1913 г. В. Горовиц числился студентом Киевской консерватории. Поэтому вполне естественно предположить, что торжества в честь 50-летия Киевского отделения ИРМО и открытия

---

<sup>129</sup> В. Горовиц говорил Д. Дюбало в 1986 году: «Артур Рубинштейн часто играл концерты Моцарта в старости. Он сказал мне однажды: «Только я могу играть Его. Он для старых людей, как я» [47, р. 93]. Позднее он добавил: Я неоднократно встречался с Рубинштейном в Париже. Мы часто вместе играли в доме Александра Штейнерта. Мы играли Вагнера» [47, р. 159]. Г. Шоберг пишет, что когда Горовиц уезжал за границу, Г. Нейгауз дал ему рекомендательное письмо к Артуру Рубинштейну, другу своего детства. В Париже, где Рубинштейн был уже известен и обласкан, он часто принимал Горовица в своей квартире на Монмартре...Г. Шоберг описывает один из концертов Горовица, на котором был Рубинштейн: «После концерта Рубинштейн пошел за сцену вместе с остальными. Горовиц, вспотевший и бледный, принимал поздравления с царственным безразличием. Когда подошел Рубинштейн, Горовиц сказал, что сыграл не ту ноту в Полонезе-фантазии Шопена. «Я бы отдал 10 лет своей жизни, – горько заметил Рубинштейн, – чтобы иметь право заявлять об одной неправильной ноте после концерта» [50, р. 94].

консерватории 3-5 ноября 1913 г. не обошлись без его присутствия. Праздничная программа была весьма насыщенной. В основном звучала музыка, сочиненная педагогами консерватории<sup>130</sup>. Исполнителями тоже были педагоги и частично студенты. В следующем, 1914-1915 учебном году В. Горовиц предположительно мог быть в нескольких концертах. Так, 6 декабря 1914 г. только что приступивший к работе в консерватории профессор К.Н. Беклемишев исполнял 1-й фортепианный концерт П.И. Чайковского (студенческим оркестром дирижировал Р.М. Глиэр). Вероятность того, что Горовиц был на этом концерте, достаточно высока.

15 декабря 1914 г. М. Эрденко исполнил «Испанскую симфонию» Э. Лало. В этом случае можно утверждать с относительной уверенностью, что семья Горовицев была на концерте. Дело в том, что брат В.С. Горовица – Григорий – 1 сентября поступил в консерваторию в класс Эрденко [32, 1914–1915, с. 86] – скрипача, пользовавшегося в Киеве огромным авторитетом. Трудно представить себе, чтобы старшие Горовицы не захотели услышать игру учителя их сына, а Владимир не заинтересовался бы концертом, где выступал педагог его брата.

22 декабря 1914 г. в четвертом собрании КО ИРМО прозвучал концерт ре минор для фортепиано с оркестром В. Пухальского в исполнении автора, дирижировал Р. Глиэр. Аналогично предыдущему, в концерт должна была пойти вся семья: ведь играл Пухальский – учитель Софьи Яковлевны и двоих ее детей, Регины и Владимира.

---

<sup>130</sup> Кантата В. Пухальского «Гимн музыке» и его же симфония «В горах», сонаты для скрипки и фортепиано М. Эрденко и Л. Николаева, концерт для фортепиано Г. Бобинского, квартет и романсы Р. Глиэра, увертюра «Ночь в Малороссии» Е. Рыба и др. [32, 1913–1914, с. 1–9].

В 1919–1920 учебном году в жизнь В. Горовица вошли сразу два гениальных музыканта: Ф.М. Блуменфельд<sup>131</sup> и Г.Г. Нейгауз. О том, что оба были приняты в доме Горовицев, сообщает Н. Мильштейн [48, р. 40], который с 1921 по 1924 гг. фактически жил в семье пианиста<sup>132</sup>. Ф. Блуменфельд ко времени приезда в Киев уже не мог выступать в качестве солиста – сказались последствия инсульта. Но все-таки пытался дирижировать; об одном его достаточно экзотическом опыте в этой области см. ниже. В июне 1922 г. Блуменфельд дирижировал фортепианные концерты Л. Бетховена Ми-бемоль мажор (солист – Г. Нейгауз) и Ф. Листа Ми-бемоль мажор, в котором солировал его ученик В. Горовиц<sup>133</sup> [54, 1922, 22.06, 29.06].

Как уже отмечалось, в 1922–1925 гг. Г. Нейгауз часто бывал в доме Горовицев [19, с. 17; 49, р. 40]. Отсюда следует, что В. Горовиц был самым активным слушателем (а иногда и участником – см. вечер 6.08.1922) его киевских концертов. А играл Нейгауз в Киеве довольно часто. Так, только за период 1921–1922 гг. киевские газеты анонсировали и рецензировали следующие концерты с его участием:

22 сентября 1921 г. (12-я соната и Рондо ля минор В. Моцарта);

28 сентября 1921 г. (Вечер, посвященный 600-летию со дня смерти Данте, исполнялся хорал И.С. Баха);

19 декабря 1921 г. (программа не сообщается);

19 января 1922 г. (Траурный марш из Сонаты си-бемоль минор Ф. Шопена; затем в составе трио: Г. Нейгауз, Д. Бертье,

---

<sup>131</sup> В. Горовиц окончил консерваторию по классу Ф. Блуменфельда.

<sup>132</sup> Н. Мильштейн вспоминал: «После моего второго концерта (зимой 1921 г. – Ю.З.) я решил остаться у Горовицев. Как говорится, пришел на чай и остался на три года» [48, р. 41]

<sup>133</sup> В. Горовиц всегда с большим пиететом относился к своему последнему учителю. Интересно, что кроме фото семьи, из киевского времени в его архиве сохранилась лишь фотография Ф.М. Блуменфельда.

К. Вильконский – Трио «Памяти великого артиста» П.И. Чайковского);

24 июня 1922 г. Концерт № 5 для фортепиано с оркестром Л. Бетховена (дирижировал Ф. Blumenfeld);

6 октября 1922 г. Концерт в зале консерватории (программа не указана);

19 февраля 1922 г. Первый вечер-концерт исторического цикла, посвященный Гайдну и Моцарту: Г. Нейгауз – фортепиано, Д. Бертье – скрипка, Петрушанский М.Б. – виолончель, С. Баш – пение;

6 августа 1922 г. Вечер памяти А.А. Блока; принимали участие Г. Нейгауз и В. Горовиц (программа не сообщается)<sup>134</sup>.

Известно, что В. Горовиц с определенной долей снисходительности говорил почти обо всех пианистах-современниках. Исключение составляли С. Рахманинов, Ф. Blumenfeld и Г. Нейгауз. И незадолго до смерти (в 1987 г.) он отзывался о Г. Нейгаузе с большим уважением: «Он был очень музыкален. Он был артистом. Техническая сторона никогда не впечатляла меня в исполнителях. Я еще никогда за всю свою жизнь не слышал пианиста, который понравился мне только из-за техники. В момент, когда они начинают играть слишком быстро, мне хочется встать и уйти домой. Нейгауз был очень музыкален, поэтому он заинтересовал меня. Мы больше играли в четыре руки или музыку для двух фортепиано. Он был чудесным музыкантом и познакомил меня с музыкой, какую я не слышал до тех пор. Он великолепно исполнял несколько поздних сонат Скрябина, которые были новы для меня. Он учился у Леопольда Годовского в Берлине. Я был провинциальным мальчиком и зачаровано слушал его рассказы о том, как играют Ферруччо

---

<sup>134</sup> Даты, состав участников и (частично) программы концертов приведены по материалам: [54, 20.09, 17.12 1921; 18.01, 17.02, 22.06, 6.08, 20.09, 28.09, 6.10 1922].

Бузони, Леопольд Годовский, Мориц Розенталь, Игнацы Фридман, как звучит тот или иной исполнитель. Больше всего ему нравился Альфред Корто» [50, р. 52]. В данном высказывании (в словах: «я был провинциальным мальчиком...» и далее), кстати, находится еще одно подтверждение того, что Горовиц часто общался с Нейгаузом в Киеве.

Следует заметить, что за годы революции и гражданской войны (1917–1920) культурный ландшафт Киева кардинально изменяется. После устойчивой, неторопливой и предсказуемой жизни в дореволюционное время, с ее вполне счастливой последовательностью посещений Оперы, симфонических собраний и ученических концертов, город словно переродился, впал в лихорадочное состояние, сначала пережив три года бесконечных смен власти, а потом, в начале двадцатых, с трудом привыкая к беспардонному большевистскому правлению – с реквизициями, нехватками всего необходимого, жилищными «уплотнениями», ЧК, большевистским «новоязом», с удушением свободы мысли и слова. Однако, как это ни парадоксально, период 1920–1925 гг. – то есть время, когда молодой Владимир Горовиц оканчивал консерваторию и делал первые шаги в карьере исполнителя, – оказался все же чрезвычайно продуктивным для культуры города. Трудно сказать, чем это было – «предсмертной горячкой» Серебряного века, или быстро (через несколько лет) пресеченной властями эйфорией от новизны жизненных обстоятельств, или и тем, и другим вместе<sup>135</sup>. Но факт остается фактом: возникают десятки новых театров и художественных коллективов<sup>136</sup>. Чуть ли не каждый

---

<sup>135</sup> Ответ на этот вопрос следует искать в общей аксиологии 20-х годов в современной рефлексии. Насколько нам известно, ни у культурологов, ни у политологов, ни у деятелей искусства и писателей тут до сих пор единого мнения нет.

<sup>136</sup> Так, например, в сентябре 1921 г. открылся «Молодой оперный театр» под руководством Л.П. Штейнберга, в том же году открыт первый еврейский театр

день можно увидеть новый спектакль, услышать множество концертов<sup>137</sup>. С фантастической скоростью множится число

---

«Уйнойб» («Ойнойб»), годом ранее начал функционировать «Малый театр ПУХВО». Данные приведены по газете «Пролетарская правда» за 1921 г. [54, 19.09, 22.09.1921].

<sup>137</sup> Наглядным и, следует заметить, далеко не полным свидетельством могут служить анонсы и рецензии, опубликованные газетой «Пролетарская правда» за три месяца с 21 сентября по 24 ноября 1922 г., выписка из которых приведена ниже:

21.09.22.

- В Оперном театре «Прекрасная Елена», дир. Штейнберг.

- Сегодня в зале консерватории концерт скрипача Азария Факторовича. В программе концерт Паганини, произведения Баха, Венявского и др. У рояля Палицин.

22.09.22.

- Большая рецензия на концерт Елены Ниренштейн.

- Театральная общественность готовится праздновать 40-летний юбилей М. Заньковецкой.

- 24 сентября в зале консерватории состоится интересное утро фортепианных дуэтов в исполнении Л.С. Таращенко-Тутковской и Н.А. Тутковского

- Молодая опера Л.П. Штейнберга устраивает в театре Лукьяновского народного дома два спектакля – «Севильский цирюльник» и «Камора».

27.09.22.

- Сегодня в зале консерватории состоится вечер песни русских романсов в исполнении М.С. Куржиямского и проф. консерватории Ф.М. Блюменфельда.

- В помещении консерватории концерт проф. Одесской Консерватории И. Казаринского.

28.09.22.

- Завтра в помещении консерватории состоится пятый вокальный камерный вечер-концерт с участием Карасуловой и Блюменфельда.

29.09.22.

- Рецензия на концерт Куржиямского.

3.10.22.

- 8-го окт. в помещении консерватории вечер виолончелиста Козлова.

4.10.22.

- Деятельность филармонии начнется концертом Глазуновского квартета.

- Вечер молодых поэтов, принимают участие и музыканты: Хаимовский (скрипка), Панаева (сопрано), Колесник (меццо-сопрано), Диссар (баритон) и пианист Б. Левик.

7.10.22.

- Оперный театр «Пиковая дама». Дирижует Л. Штейнберг.

10.10.22.

- 12 октября в зале консерватории состоится концерт профессора Одесской консерватории И. Козаринского.

оркестров и ансамблей. Предпринимаются меры для возрождения украинской национальной культуры<sup>138</sup> и культур других народов Украины (правда, не следует забывать, что все это делается в условиях тоталитарного режима, а все тоталитарные «возрождения» рано или поздно плохо оканчиваются). Открываются новые музыкальные, театральные и художественные учебные заведения. Гастролируют десятки музыкантов-инструменталистов, певцов, дирижеров, актеров.

---

11.10.22.

- Вечер поэта Д. Гофштейна.

- Сегодня в зале консерватории состоится концерт В.М. Беляевой-Тарасевич и проф. С. Тарновского.

1.11.22.

- Консерватория. Вечер Оперного класса профессора Цветкова

- В консерваторию приглашена М.П. Улицкая для руководства классом ритмических эмоций и ритмического жеста.

- Завтра в консерватории концерт певицы Леониды Гашинской. У рояля – дирижер госоперы Л.П. Штейнберг.

4.11.22.

- Кантата в честь октябрьской революции. Музыка Штейнберга. Под управлением автора.

11.11.22.

- Концерт известной певицы Нурок-Плотросской.

17.11.22.

- В консерватории концерт, посвященный Глазунову. (40-летний юбилей композиторской деятельности).

18.11.22.

- В воскресенье, 19 ноября, концерт свободного художника скрипача-виртуоза Евгения Мохнача.

19.11.22.

- Опера «Сказка о царе Салтане». Дирижирует Л. Штейнберг.

23.11.22.

- Отчет о праздновании 30-летия дирижерско-композиторской деятельности Л.П. Штейнберга.

24.11.22.

- Завтра в консерватории концерт Ф.Г. Орешковича при участии Товстолужского. Сегодня: оперный вечер класса профессора А.Н. Шперлинг [54, 1922].

<sup>138</sup> Об этом см. подробно в фундаментальном исследовании М. Поповича [34, с. 572–620].

Устраиваются литературные вечера, на которые съезжаются известные всей стране поэты. Открываются все новые художественные галереи. Даже в газетных рецензиях ощущается какой-то подъем, нередко напоминающий то ли пафос горьковских Данко, Буревестника и Сокола, то ли известные революционные высказывания А. Луначарского о Скрябине<sup>139</sup>. Замыслы и проекты – смелые, дерзновенные, даже с некоторой долей гигантомании – как хронологически, так и физически, по массе звучания. Приведем лишь два примера. На космические масштабы по объему музыкально-художественных задач и по хронологическому охвату материала претендует идея Г. Беклемишева: сыграть историческую серию, в которой будут представлены все мировые музыкальные шедевры (это в чем-то похоже на осуществлявшийся почти синхронно замысел «Всемирной литературы» М. Горького). А газета «Пролетарская правда» летом 1922 г. анонсирует поистине грандиозный и необычный по составу участников концерт, в котором, сразу же отметим, принимают участие первоклассные музыканты: «В ближайшее время в Пролетарском саду предстоит любопытный концерт, в исполнении которого примут участие примерно 200 оркестрантов. Дирижировать будут попеременно 8 дирижеров – Blumenfeld, Штейнберг, Палицин, Штейман, Бертъе, Брон, Бакалейников и Скоморовский» [54, 16.06.22].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что В. Горовиц провел детство и юношеские годы в городе, который по развитости и многообразию культурной и, в частности, музыкальной жизни мало в чем уступал крупнейшим европейским центрам музыкальной культуры. Следует признать, что это был главный вектор изменений в культурном регионе,

---

<sup>139</sup> Вот, например, начало одной из рецензий на концерт В. Горовица: «Игра Горовица прежде всего факт высокой культуры, победа человеческой воли над мертвой природой инструмента...» [54, 13.01.1923].

центром которого являлся Киев, в то время, когда именно в этом месте складывался характер, воспитывались ум и чувства, формировался музыкальный талант замечательного пианиста.

Подводя итог суждениям о том, как культурный ландшафт Киева повлиял на формирование личности выдающегося музыканта, и почему повлиял в столь значительной мере, заметим, что, помимо экономических, социальных, статистических и проч. обоснований этой связи художника и среды, может существовать и культурологическая аргументация вполне романтического свойства – вроде, например, той, которую приводит К. Паустовский, рассматривая проблему шире, соотнося ее со всем кругом киевских талантов, сформированных «Серебряным веком»: «Причины этого явления так многочисленны и трудноуловимы, что мы, по лености своей, не хотим в них углубляться, и предпочитаем думать, что все произошло по счастливой случайности. ...Мы забываем об учителях, которые внушили нам любовь к культуре, о великолепных киевских театрах, о повальном нашем увлечении философией и поэзией, о том, что во времена нашей юности были еще живы Чехов, Толстой, Серов, Левитан, Скрябин и Комиссаржевская... Мы забываем о знаменитой библиотеке Идзиковского на Крещатике, о симфонических концертах, о киевских садах, о сияющей и хрустящей от листвы киевской осени, о том, что торжественная и благородная латынь сопровождала нас на всем протяжении гимназических лет. Забываем о Днепре, мягких туманных зимах, богатой и ласковой Украине, окружавшей город кольцом своих гречишных полей, соломенных крыш и пасек. Трудно уловить влияние этих вещей, разнообразных, подчас далеких друг от друга, на наше юношеское сознание. Но оно было. Оно давало особый поэтический строй нашим мыслям и

ощущениям» [33, с. 177–178]. Вполне закономерным теперь представляется факт, что только такой культурный ландшафт и мог сформировать великого пианиста Владимира Горовица — «исполина романтического пианизма XX века»<sup>140</sup>.

---

<sup>140</sup> Определение из фундаментального труда Д. Рабиновича [36].

## VII СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ

### (Формирование исполнительского стиля В. Горовица)

Ко времени отъезда Владимира Горовица за границу в 1925 году он был уже известен и востребован как один из крупнейших пианистов-виртуозов в СССР. Причем поражает поистине колоссальный объем творческих задач, которые Горовиц решал в свои неполные двадцать два года – например, в знаменитой серии из 20-ти «ленинградских концертов» (сезон 1924/1925 гг.). Концерты в Ленинграде продолжались с 15 октября 1924 г. по 18 января 1925 г. Интервалы между ними были очень небольшие, порой всего 1–2 дня. Так, в октябре расписание концертов было следующим: 15, 17, 19, 22, 24, 26 числа. В ноябре – 2, 6, 7, 8, 9 числа, в декабре Горовиц сыграл только один концерт, зато в январе – 2, 6, 9, 10, 11, 13, 16, 18 числа. Во всех двадцати концертах программы почти не повторялись; всего было исполнено более 155 произведений! Трудно представить себе пианиста в 21 год, который был бы в состоянии охватить такой гигантский репертуар.

Вот далеко не полный перечень произведений, исполненных тогда Горовицем в Ленинграде:

**Лист:** «Испанская рапсодия». «Погребальное шествие», «Мефисто-вальс», «Долина Обермана», «Женевские колокола», «У Валенштадского озера», «Сонет Петрарки», Соната си минор, Концерт ми бемоль мажор, Тарантелла, Этюды; **Шопен:** Баллады соль минор и фа минор, Прелюдии, Полонез ля бемоль мажор, Ноктюрны фа диез минор и фа мажор, Мазурки, Этюды, Скерцо до диез минор и си минор, Вальс фа мажор, Баркарола, Концерт фа минор, Сонаты до минор и ми бемоль минор; **Шуман:** Фантазия до мажор, «Симфонические этюды», «Карнавал»,

2 Новелетты, «Арабески», Романс; **Равель:** Сонатина, «Еврейская мелодия», «Китайские пагоды», «Альборадо»; **Метнер:** Соната-сказка, Соната соль минор, 2 Сказки, «Лирический фрагмент», Этюд соль диес минор, 3 Картины настроений, «Траурный марш»; **Рахманинов:** Концерт №3, Этюды-картины, Прелюдии; **Скрябин:** 4 Прелюдии, 2 Этюда; **Бах-Бузони:** Токката и фуга ре минор, Токката и фуга до мажор, Чаккона, Органный хорал фа минор, Органная прелюдия и фуга ре мажор; **Бах-Сен-Санс:** Гавот; **Моцарт-Лист:** «Дон Жуан»; **Моцарт-Лист-Бузони:** «Свадьба Фигаро»; **Сен-Санс-Лист:** «Пляска смерти»; **Вагнер-Лист:** «Смерть Изольды», «Прялка»; **Шуберт-Лист:** Вальсы ми мажор, ре мажор и ля мажор, «Утренняя серенада», «Жалоба девушки», Вальс-каприз, «Лесной царь»; **Шуберт-Таузиг:** «Военный марш»; **Рамо-Годовский:** Ригодон, Тамбурин; **Вивальди-Горовиц:** Органный концерт ре минор<sup>141</sup>.

Учитывая относительно короткий срок обучения В. Горовица в стенах Киевского музыкального училища (илл. 35, 36), а затем Киевской консерватории – всего 7 лет, можно с уверенностью говорить о необыкновенно стремительном «восхождении» юного пианиста.

4 мая 1913 г., всего через три месяца после поступления в училище, на экзамене он демонстрирует серьезные успехи. В. Горовиц был единственным учеником В. Пухальского «низшего курса», экзаменовавшимся в этот день. Он играл вместе с учениками высшего курса, и члены комиссии в составе Г. Ходоровского, А. Штосс-Петровой и С. Короткевича, прослушав 1-ую часть Сонаты В. Моцарта соль мажор, единодушно поставили ему «пятерки» (каждый экзаменатор ставил свою оценку на отдельном листе) [72]. Интересно, что в последующие годы

---

<sup>141</sup> Сведения о графике концертов заимствованы из работы В. Макарова. – См.: [26].

Горовиц практически не играл Моцарта. Исключение составила транскрипция Ф. Листа на темы моцартовского «Дон Жуана». Однако уже в зрелом возрасте он записывает сочинения Моцарта на студиях «Deutsche Grammophon» и «RCA»: Адажио си минор К. 540, Рондо Ре мажор К. 485, сонаты Си-бемоль мажор К. 281, Ля мажор К. 331, Фа мажор К. 332, Си-бемоль мажор К. 333 и Концерт № 23 Ля мажор К. 488 [47, р. 300–301]. Первая из этих записей датируется 1947 г. Горовицу – 44 года. И незадолго до смерти, в Москве (1986 г.) он играл Сонату Моцарта До мажор К. 330 – круг, начатый на заре творческой биографии, замкнулся.

Некоторые найденные нами экзаменационные ведомости позволяют составить представление о произведениях, исполненных В. Горовицем в годы учебы (материалы ведомостей впервые опубликованы в монографии автора – см.: [15, с. 357–372]). Так, на экзамене в мае 1913 года он исполнил Прелюдию ми минор И.С. Баха, «Pastorale-variee» В.А. Моцарта<sup>142</sup> и Вальс Ля мажор М. Мошковского (илл. 37). В 4-м ученическом вечере 29 ноября 1914 г. одиннадцатилетний пианист играл концерт Л. Бетховена № 3 до минор [32, 1914–1915, с. 23–24] (илл. 38). В следующем году – этюд Ф. Шопена до-диез минор и Вариации Ж.-Ф. Рамо. 1915–1916 учебном году Владимир и Регина Горовицы не учились в консерватории. 4 февраля 1917 года в открытом концерте (на так называемом «ученическом вечере») В. Горовиц играл I часть фортепианного концерта А. Аренского (илл. 39). 15 ноября 1917 года в ученическом концерте в его исполнении прозвучали Скерцо Д'Альбера и «Думка» Чайковского (илл. 40). 16 декабря 1917 года в шестом ученическом вечере Горовиц и ученик Дайн<sup>143</sup> исполняли Сонату

---

<sup>142</sup> Название приведено по оригиналу – экзаменационной ведомости №40 за 2 и 16 мая 1914 г. [66]

<sup>143</sup> Имя установить не удалось.

Соль мажор для скрипки и фортепиано Л. Бетховена<sup>144</sup> (илл. 41). В июне 1918 года на экзамене В. Горовиц играл Вариации И.И. Раффа. Следующий 1918–1919 учебный год был сложным для семьи Горовицев. Не останавливаясь на окружавшем их кошмаре смены властей в городе<sup>145</sup>, следует учесть и скоропалительное замужество Регины Горовиц, и аресты отца деникинцами, затем большевиками, и, наконец, главное – отсутствие учителя (С. Тарновский, у которого номинально числился Владимир уехал летом 1918 г. на гастроли в Крым, в дороге заболел тифом и вернулся только спустя несколько месяцев<sup>146</sup>), почти невероятным кажется, что юный пианист все-таки принимает участие в открытых концертах и играет довольно серьезную программу (илл. 42).

В 1919–1920 учебном году В. Горовиц оканчивает консерваторию. О программе его выпускного экзамена нет единого мнения. Почти все, кто писал о Горовице, приводят разные сведения. Обратим внимание на то, что на подобном экзамене выпускник играл сначала соло, а затем выступал с инструментальным концертом. При этом, как правило, ему аккомпанировал на втором рояле педагог<sup>147</sup>. В данных о программе сольного выступления Горовица – несовпадения: Г. Пласкин сообщает, что он играл Токкату, адажио и фугу Баха-Бузони,

---

<sup>144</sup> В этом случае Горовиц выступил как ученик класса камерного ансамбля Р.М. Глиэра. В этом же концерте, только в первом отделении, играл брат Владимира Григорий Горовиц – ученик М. Эрденко.

<sup>145</sup> См.: [15, с.290–312, 323–326, 354].

<sup>146</sup> Об искажении фактов перехода В. Горовица от В. Пухальского к С. Тарновскому и далее к Ф. Blumenfeldу см.: [15, с.275–289].

<sup>147</sup> Отчеты КО ИРМО сохранились лишь до 1917 года. В 1915, 1916, 1917 гг. форма Выпускного Акта не меняется. В литературе, освещающей учебный процесс Киевской консерватории периода 1917–1920 гг., упоминания об изменениях в порядке проведения выпускных экзаменов у инструменталистов отсутствуют. Поэтому естественным будет предположить, что указанная форма двухступенчатого экзамена существовала и в 1920 году, когда В. Горовиц оканчивал консерваторию.

сонату Л. Бетховена ор. 110, фантазию фа минор Ф. Шопена транскрипцию Ф. Листа [49, р. 47]. Г. Шонберг приводит несколько другую программу: Токката, адажио и fuga Баха-Бузони, Жига до минор В. Моцарта, «Аппассионата» Л. Бетховена, «Симфонические этюды» Р. Шумана, соната си-бемоль минор С. Рахманинова, «Дон Жуан» Моцарта-Листа [50, р. 55]. Как видим, в этих сведениях о программе совпадают лишь два сочинения (Токката, адажио и fuga Баха-Бузони и транскрипция Ф. Листа «Воспоминания о «Дон Жуане» В.А. Моцарта»). При этом оба ссылаются на воспоминания самого Горовица; и все же есть определенные сомнения в правильности их версий. Требования к программе выпускного экзамена по специальному классу в консерваториях России были достаточно высокими. Так, например, пианистам, оканчивающим Санкт-Петербургскую консерваторию (требования 1912 г.), необходимо было сыграть:

- фугу И.С. Баха;
- 2 сонаты (Л. Бетховена и Р. Шумана или Ф. Шопена)<sup>148</sup>;
- одну пьесу И. Гайдна или В.А. Моцарта;
- сочинение Р. Шумана<sup>149</sup>;
- одну крупная или две мелкие пьесы Ф. Шопена;
- пьесу Ф. Листа («технически-виртуозного характера»<sup>150</sup>);
- сочинение русского композитора;
- одну часть концерта (следует список концертов);
- исполнение ансамбля [16, с. 155–156].

Учитывая относительную молодость Киевской консерватории, можно предположить, что с незначительными изменениями аналогичные требования предъявлялись и

---

<sup>148</sup> Одна соната исполнялась полностью, вторая – I или II и III ч.

<sup>149</sup> Циклы: «Карнавал», «Вариации Abegg», «Симфонические этюды», «Бабочки» или не менее двух пьес из «Крейслерианы», или не менее пяти номеров из «Давидсбюндлеров», или «Анданте с вариациями».

<sup>150</sup> Так в тексте. См.: [16, с. 155–156].

выпускникам-пианистам в Киеве. Из этого следует, что оба упомянутых автора, доверяясь словам В. Горовица, несколько «сократили» программу выпускного экзамена музыканта<sup>151</sup>.

Что же касается второй части экзамена, то есть исполнения фортепианного концерта, то и здесь мнения биографов разделились. Так, Г. Пласкин ссылается на письмо Ф. Blumenfelda к С. Рахманинову, в котором он описывает своего талантливого ученика, с огромным успехом сыгравшего на выпускном экзамене 3-й рахманиновский концерт [49, р. 46]. Но письмо в книге Г. Пласкина датировано августом 1918 года! Ф. Blumenfeld только приехал в Киев и еще не преподавал в консерватории, и до выпускного экзамена Горовица оставалось еще целых два года. Г. Шонберг также называет 3-й концерт С. Рахманинова, не уточняя источник [50, р. 55]. С. Лифарь в своих воспоминаниях упоминает 5-й концерт Л. Бетховена [25, с. 98]. Все три биографа (Г. Шонберг, Г. Пласкин и Д. Дюбаль) пишут о первом концерте вне консерватории (надо полагать, что это было в Купеческом собрании) и называют дату – 30 мая 1920 г.

Единственным современником, оставившим письменное свидетельство о выпускном экзамене пианиста, был С. Лифарь<sup>152</sup>: «Товарищи мои кончали консерваторию, и среди них самый блестящий – Горовиц. Я был на выпускном концерте, и этот – без

---

<sup>151</sup> Необходимо отметить, что поиски в архивах так называемого «выпускного Акта» студента Владимира Горовица не дали результата, поэтому приходится опираться на свидетельства самого пианиста или его современников (в частности С. Лифаря).

<sup>152</sup> К Воспоминаниям С. Лифаря в той части, где автор описывает выпускной экзамен В. Горовица, следует относиться с осторожностью, так как учеба знаменитого хореографа в консерватории не подтверждается документально. Имя С. Лифаря не обнаружено ни в одном документе, с помощью которого можно, хотя бы косвенно, подтвердить этот факт. Скорей всего, он занимался приватно. Но даже это вызывает сомнения, так как Лифарь, по его словам, учился *по классу скрипки* у известного педагога Ф. Воячека, который был действительно известным в Киеве музыкантом, но не скрипачом, а *контрабасистом* (хотя и писал пьесы, даже издавая их, для фортепьяно).

меня – всколыхнул и разбередил меня: если бы не рука моя, и я был бы среди молодых пианистов, а сейчас что я?.. Хорошо запомнилось мне выступление Горовица и испуг-волнение за него: он исполнял с Ф. Блуменфельдом на двух роялях концерт Бетховена и вовремя не начал играть; Блуменфельд встал, подошел к Горовицу, указал ему на ноты и снова начал концерт; Горовиц на этот раз вступил вовремя и так сыграл весь концерт, как я никогда и после не слышал его» [25, с. 98].

Так или иначе, между программами, которые исполнялись В. Горовицем в 1917–1918 гг. и 1920 году, лежит настоящая «техническая пропасть». А ведь известно, что, как правило, студент играет на экзамене произведения, которые в данный момент являются почти пределом его технических достижений. В этом случае мы должны признать, что два года между 1918-м и 1920-м студент В. Горовиц двигался в формировании технического аппарата пианиста семимильными шагами. От фортепианного концерта А. Аренского в 1917 году и Вариаций И.И. Рафа в 1918 году – до 3-го концерта С. Рахманинова (или, возможно, 5-го концерта Л. Бетховена), «Симфонических этюдов» Р. Шумана, Сонаты си-бемоль минор С. Рахманинова и «Дон Жуана» Моцарта-Листа в 1920-м<sup>153</sup>! А уже через год, то есть в 1921 г. пианист играет в большом зале Петроградской филармонии (дирижирует А.К. Глазунов) Концерт Ф.Листа *Es dur* и 3-й концерт С.В. Рахманинова *d moll* (илл. 43, 44), а в декабре

---

<sup>153</sup> Причем как раз эти два года были наиболее сложными, так как в феврале 1918 года В. Горовиц ушел от В.В. Пухальского в класс С. Тарновского, а в 1919 г. (а скорее – в начале 1920 г.) перешел в класс Ф.М. Блуменфельда. И в бытовом отношении семья Горовицев, впрочем, как и многие другие семьи киевской интеллигенции, оказалась в новых, непривычных и невероятно стесненных обстоятельствах, особенно в сравнении с той – «другой» жизнью. Уже дважды подвергался аресту отец, что-то загадочное случилось с братом – Яковом, вся семья переехала в маленькую и тесную квартиру по ул. Большая Житомирская, 10, кв.12.

того же года – в Бетховенском зале Большого театра дает сольный концерт со следующей программой:

Бах-Бузони Прелюдия и фуга D dur  
Р. Шуман Вариации f moll  
Ф. Шопен Этюды a moll и F dur;  
Мазурки fis moll и a moll;  
Скерцо gis moll  
Н.К. Метнер Соната g moll  
Лирический фрагмент f moll  
Этюд gis moll  
С.В. Рахманинов Этюды-картины h moll, D dur  
Музыкальный момент h moll  
Прелюдии d moll, g moll, B dur, G dur (илл. 45).

Можно только удивляться стремительности освоения такого большого объема музыкального материала в столь короткое время! Переходя теперь непосредственно к формированию пианизма Горовица, отметим, что ко времени его появления в Киевском музыкальном училище и в Киевской консерватории здесь процветали классы замечательных пианистов: В.В. Пухальского, Г.К. Ходоровского, К.Н. Михайлова, А.Н. Штосс-Петровой, Б.А. Камчатова, О.А. Тринитатской, Г.Н. Беклемишева, А.К. Добкевича, С.О. Короткевича [32, 1914–1915, с. 64–70]. В 1919 г. в консерваторию пришли такие выдающиеся музыканты, как Ф.М. Blumenfeld и его прославленный племянник Г.Г. Нейгауз<sup>154</sup>. Их ученики впоследствии стали воспитателями прославленных пианистов (а иногда и композиторов, музыковедов) следующего поколения. Так, в классе ученицы В. Пухальского – А. Артоболевской – учились А. Наседкин,

---

<sup>154</sup> Ф. Blumenfeld появился в Киеве раньше, но в консерваторию, как указывает Ж. Хурсина, был приглашен работать в 1919 году. Тогда же приступил к работе и Г. Нейгауз – см.: [44, с. 40, 43].

А. Любимов, Л. Тимофеева, В. Руденко. Еще один ученик В. Пухальского – К. Михайлов – вырастил таких замечательных педагогов-пианистов, как Л. Вайнтрауб, Л. Шур, З. Лихтман, Э. Гуревич. У Б. Яворского учились В. Цукерман, С. Протопопов, а у Л. Николаева – Владимир Софроницкий, Дмитрий Шостакович, Мария Юдина, Павел Серебряков, Натан Перельман<sup>155</sup>. Три поколения выдающихся музыкантов, подготовленных в стенах Киевского музыкального училища и консерватории, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в Киеве к началу XX века сформировалась одна из значительных в Европе фортепианных школ<sup>156</sup>. Конечно, в задачи настоящей главы не входит характеристика ее истоков, методов преподавания, педагогических принципов и других параметров, присущих исполнительской школе вообще. Однако необходимо остановиться, во-первых, на тех основополагающих чертах пианизма и исполнительского стиля Горовица, которые были выработаны уже на раннем этапе его творческой биографии, под прямым воздействием киевской фортепианной школы, а во-вторых – исследовать в этом аспекте влияние, которое оказали на него педагоги: В.В. Пухальский, С.В. Тарновский, Ф.М. Блуменфельд<sup>157</sup> (илл. 46, 47, 48).

Прежде всего, следует констатировать безусловную принадлежность Горовица к романтическому направлению в фортепианном искусстве. Склонность к романтическому репертуару (в особенности, начиная с самого юного возраста, – к

<sup>155</sup> Данные приведены по: [44].

<sup>156</sup> Это прекрасно сознавал ее основатель – В.В. Пухальский, который писал своему ученику Л. Николаеву: «...Несмотря на трудную жизненную борьбу и тяжелое служение искусству, я радуюсь, что мы оба, сходясь во взглядах, создаем, бесспорно, солидную школу, которая скоро не забудется» [Цит. по: 44, с. 100]).

<sup>157</sup> Мы останавливаемся лишь на тех параметрах исполнительского стиля Горовица, выработанных еще в киевский период, относительно которых располагаем объективными данными.

творчеству Ф. Шопена) и формирующийся в этой среде уже в ранние годы романтический стиль пианизма Горовица, безусловно, были сообщены ему уже киевскими учителями – В. Пухальским, С. Тарновским и Ф. Blumenfeldом<sup>158</sup> (примечательно, что выдающийся пианист А. Брайловский – ученик В. Пухальского – был известен как один из лучших интерпретаторов Шопена). Этот тезис вполне подтверждается в фундаментальном исследовании Д. Рабиновича: «Горовиц, вне всяких сомнений, романтик. Мало того, возможно, он – *последний великий представитель романтического виртуозного пианизма*» [36, с. 223]. Не случайно один из лучших документальных фильмов последних десятилетий, посвященных Горовицу, назван «Последний романтик»<sup>159</sup>. Следует уточнить: В. Горовиц принадлежал скорее к «рубинштейновской», чем к «листовской» линии романтического пианизма. Генезис этого вектора развития Горовица-пианиста следует искать в том числе и в творческих приоритетах его учителей; в особенности – Ф. Blumenfeldа, как наиболее последовательного продолжателя пианистической традиции А.Г. Рубинштейна. Д. Рабинович писал о Горовице, что «романтик он не листовского «корня», а рубинштейновского» [36, с. 223]. Да и сам Горовиц прекрасно это осознавал, сообщая интервьюеру: «Однажды один критик в Америке сказал, что моя игра и мой стиль – в традициях Антона Рубинштейна. Я думаю, он был прав» [49, р. 34]<sup>160</sup>. В этой связи Горовица нередко – и целиком справедливо – ставят в один ряд с С.В. Рахманиновым [37, с. 139]. Вообще же романтизм Горовица нередко проявляет себя как романтизм русской

---

<sup>158</sup> О романтическом «шопенианстве» Blumenfeldа писал Б. Асафьев [2, с. 74].

<sup>159</sup> Продюсер Питер Гэлб, США.

<sup>160</sup> Иногда направление, к которому примыкал Горовиц, называют и «неоромантическим», причисляя к нему также К. Игумнова, Г. Нейгауза, В. Софроницкого, В. Клайберна [37, с. 310].

фортепианной школы. В этой связи сошлемся на вывод, который делает Д. Рабинович, анализируя исполнительский стиль Рахманинова: «Преемственность от Рахманинова определяется у Горовица в первую очередь общим сплетением в его игре колоссальности масштаба с глубоко личной, моментами почти интимной, до конца искренней лиричностью, душевной взволнованностью, а если вернуться к прекрасному асафьевскому образу, с «пафосом встревоженного сердца». Конечно, и воля у Горовица своя, вовсе не та, что у Рахманинова, и ритмическая пульсация не столь напряженна и упруга, и звук в кантилене мягче, теплее. Рахманинов в своих прочтениях намного субъективнее, личность его – властительнее, самоутверждение – непреклоннее. И, тем не менее, в основе *музыкального ощущения, музыкального переживания* каждого из них и их обоих лежат те же давнишние специфические особенности *русского пианизма* (курсив мой. – Ю.З.), ...которые в предшествующую эпоху нашли концентрированное выражение в исполнительстве Рубинштейна» [37, с. 278–279]. В только что приведенном высказывании – особенно в словах о «*колоссальности масштаба*» – содержится и указание на другую фундаментальную черту пианизма Горовица. Речь идет о масштабности, оркестральности его мышления на инструменте. Даже небольшие реплики знатоков его исполнительской манеры не дают забыть об этом качестве: «Горовиц был мастером игры в больших залах»; «механизм его рояля был громадный» [47, р. 285–286]. Такое «партитурное» видение и слышание текста произрастает из его романтических устремлений и выработано под прямым влиянием киевских педагогов – в особенности, последовательного продолжателя дела А. Рубинштейна, Ф. Blumenфельда (что не удивительно, так как оба были выдающимися дирижерами). И это свойство также роднит

горовицевский пианизм с рахманиновским<sup>161</sup>. Д. Рабинович, в частности, отмечал: «Сфера прямых и опосредованных воздействий Рахманинова простирается сегодня от Клайберна – с наибольшей очевидностью – до Горовица (скажем, в его поррахманиновски грандиозной, скульптурно-рельефной, остро индивидуализированной передаче «Картинок с выставки» Мусоргского)...» [37, с. 75]. Что касается Blumenfelda, то известно, что ему было присуще «оркестрально-партитурное слышание фортепанной фактуры» [27, с. 170], и сам он говорил в связи с этим: «Не думайте, что только плохие пианисты играют так, что все элементы музыкальной ткани у них слипаются и образуют безликую, бескрасочную и аморфную звуковую массу. И у скверных дирижеров, которые не слышат отдельных голосов, красок, динамики и равнодушно «отмахивают» такты, оркестранты играют «скучным звуком», и изложенное в партитуре произведение превращается в бесформенное серое пятно» [3, с. 90]. Между прочим, не является ли всем заметное пристрастие Горовица к фортепианным транскрипциям оркестровой музыки (равно как и оперной, естественно, сопровождаемой оркестром) следствием «партитурной» манеры игры, сложившейся еще в юности? (См. «Кармен» Бизе – Горовица, либо его редакцию «Картинок с выставки» Мусоргского, выполненную, по собственным словам, под непосредственным влиянием оркестровой транскрипции Равеля).

Как романтические черты пианизма Горовица, следует рассматривать и органически присущие его игре темпераментность и страстность<sup>162</sup>, даже «демонизм» его

---

<sup>161</sup> Сравним также с высказыванием Л. Сабанеева: «Рахманинов был пианистом большого размаха, больших зал и большой публики. Это был тип пианиста, как *Антон Рубинштейн*, как *Лист*... Лучше всего он играл свои собственные сочинения и *Чайковского*, хуже у него выходил *Бетховен* и *классики*, и он был слишком *материален* в звуке для *Шопена*» [40, с. 213].

<sup>162</sup> См. термины: [45].

интерпретаций<sup>163</sup>. Яков Зак описывает эти качества музыкального мышления и стиля Горовица в восторженных тонах: «Я не побоялся бы сравнить его с гипнотизером. А темперамент, экспрессия, экстатическая увлеченность исполняемым... От его кульминаций било током высочайшего напряжения; его динамические нагнетания, *accelerando*, доводили публику, случалось, чуть ли не до исступления... Бывало, кое в чем с ним не соглашались. Но – лишь после того, как он вставал из-за рояля. Когда он кончал играть» [12, с. 93]<sup>164</sup>.

С отмеченными выше чертами стиля Горовица непосредственно связано такое важное и всегда заметное свойство его интерпретаций, как вокальность, стремление к пению на инструменте, в первую очередь сформированное в классах В.В. Пухальского и С.В. Тарновского. Однако генетически это могло быть связано и с хорошо известным увлечением юного пианиста оперным пением и оперой вообще. Судя по воспоминаниям Горовица, еще с детства он стремился перенести свои оперные впечатления на фортепиано: «Я интересовался Баттистини и Карузо, и с тех пор я пытался изображать певцов на фортепиано... И сейчас для меня самой главной вещью при игре остается окраска и певучесть... Если у вас нет оттенков, то у вас нет ничего. Как я узнал позже, Антон Рубинштейн учил своих учеников тому же: «Попытайтесь передать звук человеческого голоса», – не переставал повторять он» [50, р. 43]. Интересно, что Пухальский учил Горовица тому же, даже преодолевая некоторые анатомические особенности его игрового аппарата. Г. Пласкин отмечает по этому поводу: «Он (Пухальский. – Ю.З.) объяснял, что пианисты с толстыми,

---

<sup>163</sup> О последнем качестве даже несколько многословно пишет Д. Дюбаль [47, р. 280–284].

<sup>164</sup> В сходных выражениях описывает игру В. Горовица и его соученик по классу В.В. Пухальского – крупнейший историк пианизма Г. Коган. См.: [18, с. 77].

мясистыми пальцами, как у Антона Рубинштейна, обычно извлекают нежный, бархатный звук, тогда как те, у кого длинные, тонкие пальцы, такие, как у Листа, создают лирический, слегка металлический звук... Володя, судя по всему, попадал во вторую категорию, и его уроки проводились с учетом этого обстоятельства. Пухальский объяснял Володе, что ему при игре предпочтительней полностью погружать клавишу клавиатуры, а не играть по верхушкам. Однако на всем протяжении обучения Володи главной целью Пухальского было научить его извлекать красивый певучий звук, создавать напевные мелодии, которые бы четко и рельефно выделялись на фоне басов, а также создавать тембры, приближающиеся по своей окраске к человеческому голосу» [49, р. 27].

И, наконец, нельзя забывать о том, что Горовиц владел даром совершенно уникального прикосновения к инструменту, из чего, в свою очередь, проистекали тембровое богатство и особая утонченность, разнообразие приемов звукоизвлечения. В этом случае следует отметить особое влияние педагогических установок С. Тарновского и В. Пухальского. Известный пианист В. Фельцман делился впечатлениями от игры Горовица в 1986 г.: «Мне потребовалось пол минуты, чтобы привыкнуть. Звучание было очень, очень мягким, очень тихим, очень красивым. Я могу сказать, что я никогда не слышал в этом зале, где выступало много известных артистов, такого звучания. Хрупкое, парящее, очень печальное. Это было неопишимо. Некоторые из нас, музыкантов, имеют хорошую технику, некоторые очень музыкальны, но очень немногие обладают магическим прикосновением, когда звук парит. А он обладал, как, возможно, никто другой. Даже физически ощущалась сверхъестественная красота, когда он играл прелюдию соль-диез минор Рахманинова. В последней части, где мелодия ведется левой рукой, он взял ре-диез, и звук парил

приблизительно пол часа. Это было настоящее чудо» [Цит. по: 50, р. 28]). Об особой манере горовицевского звукоизвлечения говорит и Ф. Мор, главный настройщик фирмы Steinway, работавший с пианистом 25 лет: «Я считаю, что гений Горовица заключался в его общении с клавиатурой. Когда он прикасался к клавишам, инструмент звучал со свойственным только ему тембром» [29, с. 31]. Чуткость к тембральной окраске звука всегда восхищала слушателей Горовица; в частности, на это качество обращал внимание выдающийся американский пианист Р. Серкин [49, р. 70–71].

Вообще же большую определенность в вопрос об особенностях фортепианного стиля Горовица в рамках романтического пианизма приносит сравнение его как исполнителя с Артуром Рубинштейном. В. Горовиц и Артур Рубинштейн были двумя колоссами пианизма XX столетия. Двумя великими романтиками. И при этом – двумя антиподами в жизни. Что вполне подтверждает приведенное ниже сравнение, принадлежащее Дэвиду Дюбалу, хорошо знакомому с обоими: «Рубинштейн был полным жизни экстравертом, как и его игра. Ему было комфортно в мире, а Горовицу мир казался опасным и неприветливым. Рубинштейн, с неиссякаемой жизнеспособностью, шел по жизни, раздавая радость и наслаждение, – его приветствовали, ему аплодировали. Горовиц же сидел дома и страдал от смен настроения из-за малейших пустяков. Рубинштейн, который жил «мгновением», ставил Горовица в тупик, ведь вся его жизнь была посвящена фортепиано – он был, как бы привязан к своему инструменту. Во внешнем мире без своего фортепиано Горовиц был бы в отчаянии. Рубинштейн- пианист, мыслил масштабно и никогда особенно не понимал одержимость Горовица нюансами исполнения. Рубинштейна раздражало, когда Горовиц подбегал к

инструменту и кричал: «Послушай! Я сделал нечто новое в «Вариациях Кармен»!» ...Рубинштейн глубоко завидовал техническому мастерству Горовица. Хотя у Рубинштейна была превосходная техника, но он не мог вынести, что Горовиц мог делать такие вещи на фортепиано, которые ни один пианист, возможно, во всей истории игры на фортепиано не был способен выполнить... Горовиц был способен наэлектризовать публику до предела, и забыть это было невозможно. Рубинштейн тоже мог поднять свою аудиторию до высокого пика возбуждения, но он слишком долго полагался на «губительную» беспечность, которая помогала ему не замечать упущений в его искусстве. Он был на вершине, пока не услышал Горовица, который был семнадцатью годами моложе. После этого Рубинштейн стал более дисциплинированным и стал больше упражняться» [47, р. 160–161].

Подводя итог, можно со значительной степенью вероятности утверждать, что основы фортепианного стиля В.С. Горовица, заложенные еще киевскими педагогами, универсальность, художественное совершенство, образно-стилевая осмысленность и техническая безупречность его пианизма, сформированные в классах Киевского музыкального училища и Консерватории, дают все основания судить о киевских годах великого пианиста, как о важнейшем, фундаментальном факторе его творческой биографии.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. Киев и Киевляне / А. Анисимов. – К. : «Курчъ», 2002. – С. 161–162.
2. Асафьев Б. Шопен в воспроизведении русских композиторов / Б. Асафьев // Избранные труды. В 5 т. – М. : АН СССР, 1955. – Т. 4. – С. 310–319.
3. Баренбойм Л. Ф.М. Blumenfeld / Л. Баренбойм // Вопросы музыкально-исполнительского искусства. – М. : Государственное музыкальное издательство, 1958. – Вып. 2. – С. 68–125.
4. Богданов Н. Очерк деятельности Киевского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества и учрежденного при нем Музыкального Училища со времен их основания. 1868–1888 г. / Н. Богданов. – К. : Тип. К. Милевского, 1888.
5. Булгаков М. Киев-город / М. Булгаков // Белая гвардия. Киев-Город. – К. : Богдана, 1995. – С. 40–50.
6. Га-энциклопедия Га-иврит. – Иерусалим, 1965.
7. Гросман Л. Исповедь одного еврея / Л. Гросман. – М. : Деконт+, 2000. – 147 с.
8. Гуревич Ш. «За корнями: Прага, 28 лет спустя» / Ш. Гуревич // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.geocities.cjm/shl.gur>
9. Гуревич Ш. Гуревич, Гурович, Гурвич, Горвич, Гурвиц, Горовиц и другие. История большой семьи / Ш. Гуревич. – Хайфа, 1999.
10. Дело С.И. Горовица. – Центральный державний архів громадських об'єднань України. – Ф. № 263. – оп. № 1. – д. № 71463.
11. Еврейская энциклопедия: В 16 т. – СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906–1913. – Т. 6. – 1908. – 512 с.
12. Зак Я. Встречи и размышления / Я. Зак // Пианисты рассказывают. – Вып. 1. – М. : Советский композитор, 1990.
13. Зинькевич Е. Киевский оперный: годы детства / Е. Зинькевич // Artline. – 1997. – №№ 10–11, 12; 1998. – № 3.
14. Зинькевич Е. Концерт и парк на крутояре... / Е. Зинькевич. – К. : Дух і літера, 2003.
15. Зильберман Ю., Смилянская Ю. Киевская симфония Владимира Горовица / Ю. Зильберман, Ю. Смилянская. – К. : Международный благотворительный фонд конкурса В. Горовица, 2002. – Кн. I.
16. История Ленинградской консерватории. Материалы и документы (1862–1917). – Л. : Музыка, 1964.
17. Кержнер А. Культура євреїв України / А. Кержнер // Нариси з історії та культури євреїв України. – К. : Дух і літера, 2005. – 288 с.

18. Коган Г. О Владимире Горовице / Г. Коган // *Избранные статьи*. – М. : Советский композитор, 1985. – Вып. 3. – С. 75–77.
19. Коган П. *Вместе с музыкантами*. Изд. 2-е. / П. Коган. – М. : Советский композитор, 1986.
20. Кононова Е. Александр Горовиц. Исполнительская и публицистическая деятельность / Е. Кононова // *Володимир Горовиц та піаністична культура ХХ сторіччя*. – Харків, 1996. – С. 262.
21. *Краткая еврейская энциклопедия*. – Иерусалим, 1976. – Т. 1. – С. 479–480.
22. *Краткий медицинско-хозяйственный отчет по Киевской Еврейской больнице за 1895 г. Составленный Главным врачом больницы Д-ром мед. П.Т. Нейштубе с приложением журналов заседаний совета больницы*. Киев. Типография А.О. Штерензона, Мало-Житомирская ул. № 4. – 1902 г. – С. 2, 6–9.
23. Кузьмин Н. *Украинская школа музыкального мастерства* / Н. Кузьмин – К. : Городское управление культуры при Киевском горсовете, 1968.
24. Курковский Г. В.В. Пухальский и Г.Н. Беклемишев / Г. Курковский // *Научно-методические записки Киевской консерватории*. – К. : Киевская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 1957.
25. Лифарь С. *Страдные годы* / С. Лифарь. – К. : Муза, 1994.
26. Макаров В. *Формирование исполнительского стиля В.С. Горовица в период обучения в Киевском музыкальном училище и консерватории: рукопис* / В. Макаров. – Л. : Ленинградская государственная консерватория, 1982.
27. Малиновская А. *Фортепианно-исполнительское интонирование* / А. Малиновская. – М. : Музыка, 1990.
28. Миклашевский И. *Очерк деятельности Киевского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества (1863–1913)* / И. Миклашевский. – К. : Лито-типография С. Кульженко, 1913.
29. Мор Ф. *Моя жизнь с великими пианистами* / Ф. Мор. – Лайф Паблишерс Интернешнл, 1999. – С. 39.
30. *Музыкальная Энциклопедия: В 6-ти т.* – М. : Советская энциклопедия, 1974. – Т. 2.
31. Нейштубе П.Т. *Историческая записка в память 50-летия существования Киевской Еврейской Больницы. 1862–1912 годы* / П.Т. Нейштубе. – К. : Лито-типография С. Кульженко, 1912.
32. *Отчеты Киевского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества и учрежденного при нем Музыкального училища*. – К. : Типография С. Кульженко, 1868–1916 гг.
33. Паустовский К. *Повесть о жизни* / К. Паустовский // *Собр. соч. в 8 т.* – М. : Художественная литература, 1968. – Т. 4.
34. Попович М. *Нарис історії культури України* / М. Попович. – К. : АртЕк, 1999.

35. Программы симфонических концертов, собраний камерной музыки, ученических вечеров // Отчеты Киевского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества и учрежденного при нем Музыкального училища. – К. : Типография С. Кульженко, 1868–1916 гг.
36. Рабинович Д. Владимир Горовиц и русская пианистическая традиция // Исполнитель и стиль / Д. Рабинович. – М. : Советский композитор, 1981. – Вып. 2.
37. Рабинович Д. Исполнитель и стиль / Д. Рабинович. – М. : Советский композитор, 1979. – Вып. 1.
38. Расписание городов и поселков по класс[ам] для взимания государ[ственного] квартир[ного] налога: О сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках и во флоте. Высочайшее повеление от 26 апреля 1906 года // Календарь-книга на 1910 год. – Спб. : Новь, 1909. – 768 с.
39. Рахлина Э. Киевские страницы биографии Владимира Горовица / Э. Рахліна // Володимир Горовіц та піаністична культура ХХ-го сторіччя. – Харків : Основа, 1996. – С. 50–55.
40. Сабанеев Л. Рахманинов и Скрябин / Л. Сабанеев // Музыкальная академия. – 1993. – № 2. – С. 212–213.
41. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Часть 1 / А.И. Солженицын. – М. : Русский путь, 2001. – С. 272.
42. Снегірьов О. Піаністи України / О. Снегірьов. – К. : Київське державне вище музичне училище ім. Р.М.Глієра, 1999. – 79 с.
43. Чернышов Н. Памятная книжка Киевской губернии на 1856 год / Н. Чернышов. – К. : Губернская типография, 1857.
44. Хурсина Ж. Выдающиеся педагоги-пианисты Киевской консерватории / Ж. Хурсина. – К. : Музична Україна, 1990.
45. Яворский Б. Избр. труды: В 2-х т. / Б. Яворский / [общ. ред. Д.Д. Шостаковича]. – М. : Советский композитор, 1987. – Т. 2. – Ч.1.
46. Beider A. A Dictionary of Jewish Surnames from the Russian Empire. Avotaynu Inc., Teaneck, NJ [http://www.geocities.com/shl\\_gur/offer-cyr.htm](http://www.geocities.com/shl_gur/offer-cyr.htm)
47. Dubal D. Evenings with Horowitz. A personal portrait / A. Beider. – N-Y. : Carol Publishing Group Edition, 1994.
48. Milstein N., Volkov S. From Russia to the West / N. Milstein. – N-Y. : Limelight Editions, 1991.
49. Plaskin G. Horowitz. A biography of Vladimir Horowitz / G. Plaskin. – London & Sydney : Macdonald & Co, 1983.
50. Schonberg G. Horowitz. His life and music / G. Schonberg. – Sydney : Simon & Schuster of Australia Pty Ltd., 1992.

## **Периодические издания**

51. Газета «Киевлянин». – Киев. – 1868. – № 112; 1869. – №138; 1877. – № 46; 1889. – № 34.
52. Газета «Киевлянин». – Киев. – 1883–1916.
53. Газета «Киевская мысль». – Киев. – 1915.
54. Газета «Пролетарская Правда». – Киев. – 1921–1925.
55. Газета «Московские новости» – 2003. – № 46.
56. Журнал Музыка. – Київ. – 1923.

## **Архивные документы**

57. Бодик С.М. Прошение о зачислении в Киевский университет / С.М. Бодик. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 16. – оп. 464. – д. 938.
58. Бодик Э.Я. Прошение о зачислении в Киевское музыкальное училище / Э.Я. Бодик. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 176-оц. – оп. 2. – д. 712.
59. Витяг з кримінальної справи № 71463 фп Самуїла Іоахімовича Горовиця // Лист Служби Безпеки України № 24/4-161 від 26.02.1997.
60. Выписка из уголовного дела Самуила Горовица // Письмо ФСБ Российской Федерации № 10/А-4342 от 26.08.2002.
61. Горовиц Г.С. Прошение о повторном зачислении в Киевскую консерваторию / Г.С. Горовиц. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 176. – оп. 1. – д. 291. – л. 275.
62. Горовиц С.И. Прошение о зачислении Я.С. Горовица в Киевское музыкальное училище / С.И. Горовиц. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 176. – оп. 2. – л. 423.
63. Диплом С.И. Горовица об окончании Университета Св. Владимира. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 98. – оп. 1. – д. 80. – С. 14.
64. Документы собранные еврейской историко-этнографической комиссией Всеукраинской академии наук / Составитель и автор комментариев В. Хитерер. Институт иудаики. – Киев, 1999.
65. Именной список учеников Киевской Консерватории Императорского Русского Музыкального Общества, призываемых на действительную военную службу в 1916 г. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 73.
66. Киевская консерватория. Протоколы экзаменов 2 и 16 мая 1914 г. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 69. – л. 300.
67. Книга регистраций заявлений, поданных в Киевское музыкальное училище. 1912 г. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 25.

68. Книга регистрации еврейского населения г. Киева. 1903 г. – Центральный государственный Исторический архив Украины. – Ф. 1164. – оп. 1. – спр. 467.
69. Метрическая книга синагоги Бердичева. 1845 г. Центральный государственный Исторический архив Украины. – Ф. 1163. – оп. 1. – д. 1. – лл. 666–752.
70. Ольшевский А. Письмо В.В. Пухальскому 10 октября 1912 г. о прибавке к жалованью / А. Ольшевский. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 19. – л. 4.
71. Письмо Городского головы Киева Председателю Киевского Отделения Всероссийского Императорского Технического общества 24 января 1907 г., № 194. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 149. – оп. 1. – д. 11.
72. Протокол экзамена Киевского музыкального училища 4 мая 1913 г. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 3. – л. 4.
73. Пухальский В.В. Письмо Губернскому Правлению о правилах приема лиц иудейского вероисповедания и ответ на него 26 сентября 1913 г. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 19. – л. 2, 3.
74. Сведения о числе учащихся в Музыкальном Училище КО ИРМО на 1912–1913 гг. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 10.
75. Свидетельство о браке С.И. Горовица и С.Я. Бодик. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 1164. – оп. 1. – д. 432.
76. Свидетельство о рождении С.И. Горовица. – Центральный государственный Исторический архив Украины. – Ф. 1164. – оп. 1. – д. 291.
77. Список бердичевских купцов 1-й, 2-й и 3-ей гильдий, подлежащих платежу свечного сбора за 1847 год. – Центральный государственный Исторический архив Украины. – Ф. 694. – оп. 1. – д. 2.
78. Списки еврейских молитвенных школ г. Бердичева. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 1163. – оп. 1. – д. 1.
79. Статистические данные о еврейском населении г. Киева за 1792–1923 гг. – Центральный государственный Исторический архив Украины. – Ф. 1423. – оп. 1. – д. 26. – л. 4–11.
80. Уведомление канцелярии Киевской консерватории об отсрочках ученикам от действительной службы. – Государственный архив г. Киева. – Ф. 297. – оп. 1. – д. 72, 73.
81. Секретное письмо Киевского губернатора Киевскому военному Подольскому и Волынскому губернатору. – Центральный Государственный Исторический Архив Украины. – Ф. 1423. – оп. 1. – д. 6. – лл. 45–47.
82. Статистические данные о еврейском населении г. Киева за 1897–1923 годы. – ЦГИА Украины, ф. 1423, оп. 1, д. 26, л. 4–11.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авани М. – 14  
Адамсон А.Ф. – 66, 67  
Александр II – 85  
Алоиз-Музыкант В.Ф. – 20  
Альтани И. – 13  
Андроникашвили Э.Л. – 34  
Андроников И.Л. – 34  
Анисимов А. – 7, 8, 131  
Аренский А.С. – 14, 25, 95, 117, 121  
Артоболевская А.Д. – 122  
Асафьев Б.В. – 124, 131  
Ауэр Л.С. – 14, 15, 95  
Бакалейников В.Р. – 112  
Баребати (Банбати) – 75  
Баттистини М. – 95, 127  
Бах И.С. – 16, 73, 107, 110, 116-119, 122  
Баш С. – 108  
Беккер Х. – 14, 95  
Беклемишев Г.Н. – 95, 106, 112, 122, 132  
Бекман-Щербина Е.А. – 95, 99  
Белоусов Е.Я. – 14, 95  
Беляева-Тарасевич В.М. – 111  
Бернард Г. – 34  
Бертъе Д.С. – 68, 107, 108, 112  
Бетховен Л. ван – 101, 107, 108, 118-122, 126  
Бизе Ж. – 126  
Билявский Т. – 95  
Блок А.А. – 108  
Блуменфельд Ф.М. – 95, 107, 108, 112, 118, 120-126  
Бобинский Г.А. – 25, 106  
Богданов Н.А. – 8, 10, 16, 38, 39, 131  
Богров Г.И. – 81, 82  
Богров Д.Г. – 81  
Боданцки А. – 14, 95  
Бодик А.Я. – 47  
Бодик М.Я. – 29  
Бодик М.В. – 29  
Бодик С.М. – 29, 84, 134  
Бодик С.Я. – (см.: Горовиц С.Я.)  
Бодик Э.Я. – 20, 21, 134  
Бодик Я.М. – 29, 64  
Бородин А.П. – 25, 97  
Брагин К.А. – 20  
Браиловский А.П. – 124  
Бродский А.И. – 41, 42  
Бродский Л.И. – 39, 41, 42  
Брон О. – 112  
Будкевич В. – 7, 9  
Бузони Ф. – 109, 116, 118, 119, 122  
Булгаков М. – 17, 131  
Вагнер Р. – 17, 105, 116  
Вайль П. – 6  
Вайнтрауб Л.А. – 123  
Вайнштейн М.Д. – 40, 54, 55  
Велинский В.М. – 39  
Вендель Э. – 14, 95  
Венявский Г. – 110  
Верди Дж. – 17  
Вержбилович А.В. – 95  
Вивальди А. – 116  
Виленский Н.А. – 68

- Виноградский А.Н. – 14, 15, 38, 95
- Виотти Дж.Б. – 68
- Волков С.М. – 73
- Воячек Ф.И. – 120
- Гайдн И. – 108, 119
- Гальперин И.Г. – 36
- Гандольфи Э. – 14
- Гаркави А. – 41
- Гашинская Л.Г. – 111
- Гекинг-Денанси Ж. – 15, 95
- Генделман Я. – 41
- Гинзбург М. – 62
- Глазунов А.К. – 25, 110, 111, 121
- Глен А. – 95
- Глиэр Р.М. – 13, 46, 62, 95, 96, 99, 106, 118
- Годовский Л. – 14, 95, 108, 109, 116
- Гольденберг А. – 41
- Гольденвейзер А.Б. – 14, 95, 99
- Горовиц (Борул, Герш, Гершко, Левий, Шай, Янкель) – 36
- Горовиц А.И. – 15, 22-26, 64, 95, 98, 99
- Горовиц Агарон Мешулам (Залман) – 32, 33
- Горовиц Г.С. – 27, 61, 68-72, 74-77, 106
- Горовиц Е.И. – 21
- Горовиц И.С. – 13, 18, 31, 34, 36-45, 54, 83, 84
- Горовиц Р.А. (урожденная Сензор) – 18, 22, 26, 27, 43, 64
- Горовиц Р.С. – 28, 57-60, 62, 64, 67, 70-72, 74, 106, 117, 118
- Горовиц С.И. – 18-20, 26, 30, 37, 40, 45-60, 62, 64, 67, 71, 80, 83, 84, 90
- Горовиц С.Я. (урожденная Бодик) – 21, 26, 58, 64, 92, 103
- Горовиц Я.С. – 26, 46, 61-65, 70
- Горовиц-Тосканини В. – 58, 80, 91, 92
- Горький М. – 112
- Гофман И. – 14, 95, 96, 100, 101, 104
- Гофштейн Д.Н. – 111
- Гречанинов А.Т. – 95
- Григ Э. – 25
- Грюнфельд А. – 98
- Гудим-Левкович С.Н. – 38, 39
- Гурвиц Рахмиэль – 32, 33
- Гурвич Гирш-Бер – 32-34
- Гуревич Ш. – 32, 33, 131
- Гуревич Э. – 123
- Гуревич Я.Г. – 34
- Гэлб П. – 124
- д'Альбер Е. – 117
- Дайн – 117
- Дан Ф.И. (Гуревич) – 34
- Десянов И.Д. – 86
- Деметц Г.Г. – 47
- Демидов князь Сан-Донато П.П. – 39
- Деникин А.И. – 49, 50, 53, 55, 110
- Диссар – 110
- Добкевич А.К. – 122

- Дольберг О.М. – 59  
 Домбровский М.П. – 95  
 Дондуков-Корсаков А.М. –  
     11, 38, 39  
 Достоевский Ф.М. – 81  
 Дюбаль Д. – 4, 35, 58, 61, 99,  
     101, 105, 120, 127, 129  
 Евлевитская – 76  
 Есипова А.Н. – 95  
 Жерарди Ж. – 14, 95  
 Зак Я.И. – 127, 131  
 Закс М. – 41  
 Заньковецкая М.К. – 110  
 Зерахья Га-Леви – 31  
 Зилоти А.И. – 14, 95  
 Зильберман Ю.А. – 4, 65, 70,  
     131  
 Зиман Л. – 41  
 Зинькевич Е.С. – 96, 98, 131  
 Иванов В.И. – 99  
 Игумнов К.Н. – 124  
 Идзиковский Л.В. – 7, 8, 113  
 Изай Э. – 13  
 Иоахим Й. – 13  
 Ипполитов-Иванов М.М. – 14,  
     95  
 Ишайягу Бен Моше Га-Леви  
     – 32, 33  
 Казадезюс М. – 14, 15  
 Казадезюс А. – 15  
 Казальс П. – 14, 95, 104  
 Казаринский И. – 110  
 Казбирюк А.Ф. – 20  
 Кальницкий М.Б. – 19, 37  
 Камчатов Б.А. – 122  
 Камянка – 36  
 Каневцов А.А. – 102  
 Канкрин В.Е. – 38, 39  
 Капелист Е.А. – 76  
 Карасулова О.П. – 110  
 Карузо Э. – 127  
 Керенский А.Ф. – 49  
 Кержнер А. – 131  
 Клайберн В. – 124, 126  
 Клейнмихель К.П. – 38, 39  
 Ковалевский В. – 85  
 Ковнер А.Г. – 81  
 Коган Г.М. – 127, 132  
 Козлов – 110  
 Колаковский А.А. – 95  
 Колесник – 110  
 Кологривов В.А. – 38, 39  
 Комиссаржевская В.Ф. – 113  
 Кон П. – 14  
 Короткевич С.О. – 116, 122  
 Кorto А. – 109  
 Коутс А. – 14, 95  
 Коциан Я. – 95  
 Кочубей М.В. – 38  
 Крейслер Ф. – 14, 95, 96, 104  
 Куликов В. – 73  
 Куржиямский М.С. – 110  
 Кусевицкий С.А. – 14, 15, 95  
 Лало Э. – 106  
 Лауб Ф. – 11, 12  
 Ландовска В. – 14, 15, 95  
 Лассаль И. – 14, 95  
 Левик Б. – 110  
 Левитан И.И. – 113  
 Либерман Е.Г. – 29  
 Либерман Р.С. (см.: Горовиц  
     Р.С.)  
 Лист Ф. – 16, 23-25, 107, 115-  
     117, 119, 121, 126, 128  
 Литольф Г. – 22  
 Лифарь С.М. – 120, 132

- Лихтман З.Г. – 123  
 Луначарский А.В. – 112  
 Лурье С. – 19  
 Лысенко Н.В. – 13, 38, 39  
 Любимов А.Б. – 123  
 Лютш В. – 95  
 Лядов А.К. – 24, 25  
 Макаров В.Л. – 116, 132  
 Малиновская – 25, 132  
 Малько Н.А. – 95  
 Манен Ж. – 14, 95  
 Манзон – 36  
 Маркин – 53  
 Маркс К. – 34  
 Меджинский В. – 102  
 Мерович А. – 20  
 Метнер Н.К. – 116, 122  
 Миклашевская И.С. – 10, 11,  
 16, 95, 132  
 Мильштейн Н.М. – 20, 27, 57,  
 69, 73, 88, 90, 91, 93, 107  
 Михайлов К.Н. – 26, 27, 61,  
 95, 122, 123  
 Михайловский Т.Ф. – 7, 39  
 Мор Ф. – 92, 129, 132  
 Мохнач Е. – 111  
 Моцарт В.А. – 12, 16, 105,  
 107, 108, 116, 117, 119, 121  
 Мошковский М. – 117  
 Мулерт Ф.В. – 95  
 Мусоргский М.П. – 126  
 Наседкин А.А. – 122  
 Науменко В.П. – 28, 62  
 Нежданова А.В. – 95  
 Нейгауз Г.Г. – 95, 96, 105,  
 107-109, 122, 124  
 Нейштубе П.Т. – 37, 41, 42,  
 132  
 Неменова – 25  
 Николаев Л.В. – 23, 123, 106  
 Николаев В.Н. – 8  
 Ниренштейн Е. – 110  
 Новов И.П. – 39  
 Нурок-Плотросская – 111  
 Ойстрах Д.Ф. – 29  
 Ольшевский А. – 87, 135  
 Орешкович Ф.Г. – 111  
 Орлик – 49  
 Пабст Е. – 101  
 Павленко Л.Б. – 70  
 Паганини Н. – 110  
 Падеревский И. – 97  
 Палицин И. – 95, 110, 112  
 Панаева – 110  
 Паустовский К.Г. – 7, 9, 79,  
 113, 132  
 Пауэр М. – 14  
 Перельман Н.Е. – 23, 123  
 Персон Д. – 13  
 Петлюра С.В. – 53  
 Петрушанский М.Б. – 108  
 Пласкин Г. – 4, 10, 20, 42, 43,  
 46, 58, 60, 61, 63, 72, 73, 82,  
 83, 90, 100, 118, 120  
 Попович М.В. – 111, 132  
 Призов В.В. – 77  
 Прокофьев С.С. – 95  
 Протопопов С.В. – 123  
 Пуликовский Ю. – 95  
 Пускова О.А. – 16  
 Пуччини Дж. – 17  
 Пухальский В.В. – 13, 14, 21,  
 22, 27, 38, 88, 89, 91, 93, 95-  
 97, 102, 106, 116, 121-124,  
 127, 128, 132, 135  
 Пятигорский Г.П. – 91

Рабинович Д.А. – 114, 124-126, 133  
 Равель М. – 116, 126  
 Рамо Ж.-Ф. – 117  
 Рафф И.И. – 118, 121  
 Рахманинов С.В. – 14, 15, 25, 93, 95, 96, 101-104, 108, 116, 119-122, 124-126, 128, 133  
 Ригельман Н.А. – 39  
 Ришь М. – 40  
 Розанов А. – 52  
 Розанов В.В. – 81  
 Розенталь М. – 109  
 Розенфельд Р.С. (см.: *Горовиц Р.С.*)  
 Ростовцев И.Я. – 86  
 Рубинштейн А.Г. – 11, 20, 25, 42, 124-128  
 Рубинштейн Артур – 95, 105, 129, 130  
 Рубинштейн В.А. – 39  
 Руденко В.Л. – 123  
 Руденко Н.И. – 27  
 Румянцева И.В. – 65  
 Руффо Т. – 95  
 Рыб Е.А. – 21, 106  
 Сабанеев Л.Л. – 126, 133  
 Сарасате П. – 13, 14, 95  
 Сафонов В. И. – 14, 15, 95  
 Сахновский В.Н. – 41  
 Сац И.А. – 23  
 Сен-Санс К. – 116  
 Серато А. – 14, 15, 95  
 Серебряков П.А. – 23, 123  
 Серкин Р. – 129  
 Серов В.А. – 113  
 Сикар М.М. – 95

Скарлатти Д. – 16  
 Скоморовский Н.Б. – 112  
 Скрябин А.Н. – 14, 15, 19, 25, 95-100, 103, 108, 112, 113, 116, 133  
 Скрябина В.И. – 14, 15, 95  
 Смилянская Ю.В. – 4, 131  
 Собинов Л.В. – 95  
 Солженицын А.И. – 86, 90, 133  
 Солодухин М. – 52  
 Софроницкий В.В. – 23, 123, 124  
 Столыпин П.А. – 81  
 Струк – 53  
 Сушков В.А. – 76  
 Таращенко-Тутковская Л.С. – 110  
 Тарновский С.В. – 23, 27, 28, 95, 96, 111, 118, 121, 123, 124, 127, 128  
 Таузиг К. – 11, 116  
 Тейтель Я.Л. – 82  
 Терещенко А.Н. – 39  
 Тимофеева Л.Б. – 123  
 Товстолужский В.В. – 111  
 Толстой Л.Н. – 81, 113  
 Томара Я.И. – 39  
 Тосканини А. – 91, 92  
 Тосканини В. (см.: *Горовиц-Тосканини В.*)  
 Тринитатская О.А. – 122  
 Тутковский Н.А. – 110  
 Улицкая М.П. – 111  
 Факторович А. – 110  
 Фельцман В.О. – 128  
 Фительберг Г. – 95  
 Фихтенгольц С. – 41

- Франко И.Я. – 8  
 Фрид О. – 14, 95  
 Фридман И. – 109  
 Хаимовский – 110  
 Хейфец Я. – 14, 95, 104  
 Ходоровский Г.К. – 22-24, 95, 116, 122  
 Хурсина Ж.И. – 122, 133  
 Цветков В.А. – 111  
 Цукерман В.А. – 123  
 Чайковский П.И. – 5, 14, 17, 25, 74, 75, 93, 101, 106, 108, 117, 126, 132  
 Черенкова Р.Ф. – 75  
 Чернецкая-Гешелин Э.А. – 95  
 Черткова О.И. – 38  
 Шретер В. – 8  
 Штром И. – 8  
 Штейман М.О. – 112  
 Штейнберг Л.П. – 68, 69, 95, 109, 110, 111, 112  
 Штейнгель М.В. – 38  
 Штейнерт А. – 58, 105  
 Штосс-Петрова А.Н. – 95, 116, 122  
 Шуберт Ф. – 116  
 Шульц – 54  
 Шуман Р. – 24, 25, 115, 119, 121, 122  
 Шур Л.Б. – 123  
 Щепкин П.Н. – 51  
 Эрденко М.Г. – 27, 29, 68, 95, 96, 106, 118  
 Юдина М.В. – 23, 123  
 Яворский Б.Л. – 123, 133  
 Mehers S.I. – 67  
 Чечотт В.А. – 14  
 Шалита С. – 41  
 Шаляпин Ф.И. – 95  
 Шаминад С. – 98  
 Шонберг Г. – 4, 18, 34, 35, 58, 60, 61, 63, 67, 70, 71, 79, 80, 91, 97-100, 101, 104, 119, 120  
 Шопен Ф. – 23, 25, 97, 101, 105, 107, 115, 117, 119, 122, 124, 126, 131  
 Шостакович Д.Д. – 23, 123, 133  
 Шпачук Н.А. – 77  
 Шперлинг А.Н. – 15, 111

# ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                       |            |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <b>Предисловие .....</b>                                                                                              | <b>4</b>   |
| <b>I. Страницы истории семьи Владимира Горовица</b><br><i>(Горовицы – Бодики в Киевском музыкальном училище).....</i> | <b>6</b>   |
| <b>II. Киевский первой гильдии купец</b><br><i>(Иоахим Самойлович Горовиц – дед Владимира Горовица).....</i>          | <b>31</b>  |
| <b>III. Гражданина Горовица С. И. арестовать!</b><br><i>(Страницы биографии С.И. Горовица) .....</i>                  | <b>45</b>  |
| <b>IV. Владимир и его братья</b><br><i>(Новые факты биографий Якова и Григория Горовицев).....</i>                    | <b>60</b>  |
| <b>V. Иностранцы</b><br><i>(Владимир Горовиц и «еврейский вопрос» в России).....</i>                                  | <b>78</b>  |
| <b>VI. Становление музыканта</b><br><i>(Юношеские музыкальные впечатления Владимира Горовица)....</i>                 | <b>94</b>  |
| <b>VII. Стремительный взлет</b><br><i>(Формирование исполнительского стиля В. Горовица) .....</i>                     | <b>115</b> |
| <b>Литература.....</b>                                                                                                | <b>131</b> |
| <b>Указатель имен.....</b>                                                                                            | <b>136</b> |
| <b>Оглавление.....</b>                                                                                                | <b>142</b> |



*Юрій Зільберман*

**Сім нарисів про  
Володимира Горовиця  
Навчальний посібник**

Редактор: *С.В. Тишко*

Комп'ютерна верстка: *Ю.А. Зільбермана, Л.Г. Мудрецької.*

Видання Київського інституту музики ім. Р.М. Глієра

Свідоцтво № 15130-3702 Р

м. Київ, вул. Льва Толстого, 31

Здано до друку 31.01.2011 р. Підписано до друку 13.01.2011 р.

Формат 84х108/32. Папір офсетний. Гарнітура Times. Друк офсетний.

Умовно-друк. арк. 10. Обліково-вид. арк. 12. Тираж 500 прим. Зам. 1852

Видавництво ТОВ «Типографія «Клякса»

Свідоцтво серія ДК №3873 від 01.09.2010 р. про внесення суб`єкта  
видавничої справи до Державного реєстру видавців,  
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції.

Друк ТОВ «Клякса»

04080, м. Київ, вул. Фрунзе, 40.

Тел./факс: (044) 587-68-80, 463-58-84

[www.digipack.ua](http://www.digipack.ua); e-mail: [kn61@ukr.net](mailto:kn61@ukr.net)